

Шарабарина Софья Геннадьевна

Деятельность ученой общественности
Костромского края
по изучению и популяризации
финно-угорского культурного наследия
в XIX - первой трети XX вв.

Монография

ББК
УДК

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КГТУ им. Н.А. Некрасова Н.С. Ганцовская;

кандидат культурологии, директор ФГУК «Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. Н. Островского «Щельково» Г. И. Орлова

Г695

Шарабарина С.Г. Деятельность ученой общественности Костромского края по изучению и популяризации финно-угорского культурного наследия в XIX – первой трети XX века / С.Г. Шарабарина. – Кострома: Изд-во Костром. гос. технол. ун-та, 2014. – 153 с.: ил.

Монография представляет собой комплексное исследование деятельности ученой общественности в отношении изучения и распространения исторических знаний о финно-угорском культурном наследии Костромского края в период XIX – первой трети XX вв, в исследовании впервые изучаются основные направления этой деятельности и представляются её результаты.

Дана периодизация деятельности ученой общественности, зафиксирована динамика её развития в разные исторические периоды, рассмотрено организационное оформление этой деятельности, определен вклад отдельных исследователей и организаций в целом в популяризацию культурного наследия края, оценены труды учёных-краеведов в отношении изучения финно-угорской культуры древних финно-угорских народов, проживавших на территории Костромского края.

Монография адресована студентам специальности 100201 «Туризм», направления подготовки 100400 «Туризм»; 100201 «Туризм» (СПО, базовый уровень), преподавателям, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей города, древней финно-угорской культурой Костромского края и вопросами развития краеведческого движения в Костроме.

Издание может быть использовано в научных и учебных целях, краеведческой и экскурсионно-туристской деятельности.

Монография построена по тематико-хронологическому принципу.

Рекомендовано к изданию научно-техническим советом КГТУ.

© Костромской государственный технологический университет, 2015

Оглавление

Введение	4–23
Глава 1. Деятельность учёной общественности по изучению финно-угорского культурного наследия Костромского края в XIX в.	24–55
§ 1. Финно-угорское культурное наследие Костромского края.....	24–31
§ 2. Первая половина XIX в. – период сбора и анализа учёной общественностью Костромского края материалов о финно-угорских народах.....	32–45
§ 3. Губернский статистический комитет и его мероприятия по активизации краеведческого движения в крае.....	45–55
Глава 2. Вклад учёных архивных комиссий и краеведческих научных обществ в развитие краеведческого движения в Костромском крае в конце XIX – первой трети XX вв.....	55–118
§ 1. Научная и просветительская деятельность КГУАК по изучению и популяризации финно-угорского этноса на территории Костромского края.....	55–85
§ 2. Археологические съезды в начале XX в. – новый качественный этап развития провинциальной исторической мысли.....	85–98
§ 3. Костромское краеведческое научное общество и его вклад в изучение исторических особенностей местного края.....	99–118
Заключение.....	118–124
Список сокращений.....	125
Список использованных источников и литературы.....	126–150
Приложения	151–155

У русского народа, по материнской линии связанного со
славянской прародиной, отцом был финн.
академик О.Б. Ткаченко¹

Не знаем, когда они (финно-угры)
в России поселились, но не знаем
также никого старобитнее их.

Н. М. Карамзин²

Введение

Значительно возросший в последние годы интерес к древнерусской культуре объясняется особенностями развития современного общества. Постсоветский период ознаменовался стремлением российского общества к «обретению корней», что, в свою очередь, повлекло за собой и увеличение профессиональных исследований по проблеме места и роли финно-угорских народов в российской жизни, то есть проблемы истории развития различных народов и национальных взаимоотношений выдвинулись на одно из первых мест в науке, политике, публицистике. Очевидна необходимость изучения этого феномена и применительно к истории финно-угорских народов России. Развитие нерусских, в их числе финно-угорских народов, их взаимоотношений с Российским государством, с русским народом в советской (российской) исторической и социально-политической литературе представлено в довольно искажённом виде. Между тем, отступления от исторической правды коснулись не только советского периода, но и многих страниц многовековой дореволюционной истории, в первую очередь, таких как происхождение различных народов, уровень их культурно-исторического развития, влияние их культурного субстрата на развитие культуры отдельных регионов. При этом важно учитывать, что историческое прошлое оказывает большое влияние на современные этнические процессы, на этнополитическую и морально-психологическую ситуацию в финно-угорских регионах.

С позиций нового исторического мышления, научной объективности предстоит внимательно изучить и переосмыслить весь исторический путь финно-угорских народов. Естественно, постановка этих задач предполагает, что исследования должны быть обращены и к глубинным историческим корням такого феномена, как многонациональность России, к месту и роли, участию финно-угров в развитии Российского государства.

Финно-угорские народы России, как и другие «инородцы», в течение длительного времени в российской историографии не были предметом специальных научных исследований. Определённое историографическое, а больше источниковедческое значение имеют сообщения об этих племенах и народах в русских летописях, начиная с «Повести временных лет» и заканчивая летописными сводами конца XVI в. («Царственная книга»), в исторической беллетристике того времени («Повесть о гибели Русской земли», «История о великом князе Московском» Андрея Курбского, «История о Казанском царстве» и др.).

¹ Ткаченко О. Б. Мерянский язык / О. Б. Ткаченко. – Киев, 1985. – 208 с.

² Карамзин Н. М. О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще // История государства Российского. – М.: ЭКСМО, 2003. – Т. 1. – С. 15.

В дореволюционной историографии было положено начало изучению финно-угорского культурного наследия как составляющей российской культуры. Вместе с тем оно не нашло должного развития в последующий советский период.

В советскую эпоху акцент в исследовании этнической истории был сделан на стирании различий, что сдерживало развитие научной мысли в указанном направлении.

Сегодня в современном мире в условиях взаимодействия процессов глобализации и развития самоидентификации регионов актуальным представляется сопоставление макро- и микроуровней этнокультурных явлений как видов анализа и как масштабов содержания изучаемых тем для углубления качества выводов исследований. В этом контексте изучение исторического аспекта этнокультурной специфики разных частей территории Поволжья может привести к обновлению в понимании очень важных явлений в национальной жизни и культуре исследуемого региона.

Первые упоминания о финно-угорском населении Костромского края появились в трудах краеведов XVIII в., но данная тема наибольшее развитие получила к середине XIX в.

Особый интерес представляет период начала XX в. (после 1917 г.), связанный с бурным расцветом краеведческой деятельности в России, которую предполагалось поставить на службу экономического развития молодого Советского государства. Исследования учёных XIX в. – первой трети XX в. положили начало формированию научных выводов о том, что история, культура, этнический состав Костромского края отличаются своеобразием в связи с проживанием на этих территориях древнего финно-угорского племени меря (не летописного), потомков других финно-угорских народов (мари), а также вследствие межкультурных взаимодействий с другими финно-угорскими народами: мурома, мордва, мещера, веси. При всей внешней отдалённости и своеобразии конкретно-исторических условий исследования XIX – первой трети XX вв. могут быть переосмыслены в контексте новых научных направлений, касающихся изучаемой темы.

Анализируя данную тему, на наш взгляд, необходимо уточнить ряд понятий.

Финно-угорское культурное наследие автор трактует, с одной стороны, в широком смысле, что даёт возможность рассматривать культурное наследие народов, существующих в настоящее время (черемисы-мари) и проживавших на данной территории ранее обособленно, а сейчас в составе русского населения, а так же культурное наследие древнего финно-угорского этноса – меря, ассимилировавшегося со славянским населением в X–XV и далее веках. С другой стороны, под понятием «финно-угорское культурное наследие» мы понимаем лишь культуру этнического населения, имевшего место существовать на данных конкретных территориях.

Финно-угорское культурное наследие Костромского края включает в себя весь комплекс культурно-исторических знаний об этническом сообществе, проживавшем на территории края с древнейших доисторических времён, в состав которого на момент прихода на данную территорию славян входили этнические группировки меря, черемисы (мари) и другие.

Предложенное нами исследование охватывает период начала XIX – первой трети XX вв. Хронологические рамки выбраны неслучайно. Страна стремительно продвигалась по капиталистическому пути развития, и реформы 60–70 гг. открывали

новые возможности ее развития. Особенностью данного периода был всплеск не только в техническом развитии, но и в области научной мысли, что подтверждается созданием большого числа научно-исследовательских организаций историко-краеведческой направленности (учёные архивные комиссии, научные общества и т.д.). Они занимались исследованием не только своего края, но и тесным образом были связаны с Академией наук России, возглавлявшей работу по накоплению сведений об особенностях того или иного региона. Нижняя граница исследования – это период первого десятилетия XIX в., когда появляются первые труды, касающиеся изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края. Верхняя граница определяется 30-ми гг. XX в., когда в период командно-административной системы были ликвидированы все краеведческие общества, тем самым исследование данной темы было забыто на долгие годы.

Тема исследования раскрывается на материалах Верхне-Волжского региона, в частности, на материалах Костромского края. Костромская губерния и Костромской край рассматриваются нами как однотипные понятия. Использование понятия «Костромской край» продиктовано необходимостью каждый раз не оговаривать принадлежность определённых территорий в конкретный исторический период именно Костромской губернии. Понятие «Костромское Поволжье» берётся с опорой на использование его в трудах археологов Е. И. Горюновой, А. Е. Рябинина в качестве понятия, аналогичного «Костромскому краю». Оно включает в себя все территории Костромского края, расположенного в районе Верхнего и Среднего Поволжья, некогда заселённые финно-угорскими племенами.

До настоящего времени проблема исследования трудов костромских историков-краеведов на предмет изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края в комплексном плане не решалась. Данный вопрос имеет два направления: во-первых, речь должна идти о трудах известных учёных, изучавших финно-угорское культурное наследие, в том числе и Костромского края, во-вторых, исследование направлено на изучение трудов «культурной периферии», т.е. костромских историков-краеведов, затрагивавших в своих работах вопросы финно-угорского культурного наследия Костромского края.

Историография проблемы может быть разделена на три периода: дореволюционный (первое десятилетие XIX в. – 1917 г.), советский (с 1917 г. до 90-х гг. XX в.) и современный (с начала 90-х гг. и по настоящее время).

Дореволюционный период (первое десятилетие XIX в. – 1917 г.) характеризуется началом активного изучения учёной общественностью истории края и связан с созданием губернских статистических комитетов. Образование губстаткомитетов способствовало объединению вокруг него представителей учёной общественности, заинтересованной в исследовании истории и археологии края. Первыми исследователями деятельности этих организаций стали сами их участники Д. П. Журавский и В. С. Порожин³. Их труды представляют интерес с точки зрения формирования принципов статистических исследований и их связи с местным материалом.

³ Журавский Д. П. Об источниках и употреблении статистических сведений. – М., 1836; Порожин В. С. Критические исследования об основаниях статистики. – СПб., 1838.

Член статкомитета Н. Бочаров на первом Археологическом съезде в Москве в 1869 г., анализируя деятельность губернских статистических комитетов, впервые поднял вопрос о степени участия комитетов в археологических работах и организации музеев, а также подчеркнул несомненную пользу такой деятельности в сохранении древностей⁴. Однако он отмечал, что не все комитеты готовы к этому, и предлагал конкретные меры по изменению ситуации и созданию специальных советов из сведущих людей, которые будут способствовать поиску предметов старины, их изучению и организации археологических экспедиций. Обзоры деятельности губернского статкомитета, наиболее активных его членов нашли отражение в «Памятных книжках», сборнике «Материалы для статистики Костромской губернии»⁵. Материалы, собранные статкомитетом, позволили Я. Крживоблоцкому обработать, обобщить и издать «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба Костромской губернии». Первые описания деятельности статкомитетов ценны тем, что в них прослеживается переход к осознанию и анализу краеведческой деятельности в Костромской губернии.

В 70-е г. появляются первые труды, характеризующие деятельность костромских краеведов, так, А. Д. Ивановским был издан археографический обзор трудов М. Я. Диева, который, к сожалению, не был достаточно полным⁶.

Активизация учёной общественности в 80–90-е гг. XIX в. была связана с деятельностью губернских учёных архивных комиссий, которые стремились осмыслить труды своих предшественников и современников. Отчёты о деятельности губернских учёных архивных комиссий составлялись директорами Санкт-Петербургского Археологического института: А. Н. Труворовым, Е. И. Андриевским, В. Н. Покровским⁷. Отчёты и обзоры не носили критического характера, хотя и содержали попытки анализа деятельности комиссий и их роли в системе научно-исторических обществ России.

Оценка краеведческой деятельности в области изучения истории Костромского края в XVIII – начале XIX вв. содержалась в трудах члена КГУАК (Костромской губернской ученой архивной комиссии) И. В. Миловидова⁸. Автор пытался

⁴ Бочаров Н. Об участии губ. статистических комитетов в разработке отечественной археологии // Труды I Археологического съезда в Москве. – М., 1871. – С. 124–129.

⁵ Исторические сведения о постепенном заселении края // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. – Кострома: Губернская типография, 1862.

⁶ Ивановский А. Д. Старина русской земли: Историко-археологическая, биографическая, учёно-литературная деятельность, заметки и дневники воспоминаний И. Снегирёва. – СПб., 1871.

⁷ Труворов А. Н. Отчёт о деятельности губернских учёных комиссий в 1890 г. // Русский архив. – 1891. – Кн. 1. – С. 583–606; Его же. Отчёт о деятельности губернских учёных комиссий в 1891 г. // Русский архив. – 1893. – №2. – С. 183–201; Андриевский И. Е. О деятельности учёных архивных комиссий в 1885 г. // Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. – Вып. VII. – С. 1–11; Его же. Губернские учёные архивные комиссии в 1886 и 1887 гг. // Вестник археологии и истории. – СПб., 1892. – Вып. VIII. – С. 33–69; Вып. IX. – С. 1 – 44; Покровский В. Н. Губернские учёные архивные комиссии // Вестник археологии и истории. – СПб., 1909. – Вып. XIII. – С. 27 – 48; Иконников В. С. Губернские ученые архивные комиссии, 1884–1890. – Киев, 1892.

⁸ Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. – Кострома: Губернская типография, 1885.

проанализировать деятельность своих современников Н. М. Бекаревича и И. Д. Преображенского по сбору артефактов финно-угорской культуры на территории Костромского края.

В 1890-е гг. появляется исследование Н. И. Полетаева⁹, впервые освещающее обширную научную и общественную деятельность костромского краеведа М. Я. Диева.

Историком-краеведом В. С. Иконниковым¹⁰ в труде «Губернские учёные архивные комиссии» была рассмотрена конкретная работа учёных архивных комиссий, в том числе КГУАК, подведены итоги её деятельности по формированию фондов и подчеркнута важность древних архивов Ипатьевского и Макариево-Унженского монастырей, где хранилось много старинных рукописей. В. С. Иконников также отметил издательскую деятельность КГУАК и особо труды И. В. Миловидова, И. Херсонского, В. Г. Пирогова, касающиеся древностей края. Однако необходимо подчеркнуть, что представленный в работе материал не был глубоко проанализирован, мало было сравнений Костромской губернской архивной комиссии с деятельностью других комиссий. Работа больше носила описательный характер.

Положительную оценку деятельности ГУАК дали в своих обобщающих исследованиях в первом десятилетии XX в. А. С. Лаппо-Данилевский, В. И. Снежневский, М. В. Довнар-Запольский¹¹. Резко отличалась от вышеуказанных позиция Д. Я. Самоквасова¹², выступившего на III областном историко-археологическом съезде с развернутой критикой деятельности ГУАК и обвинившего их в разрушении архивных фондов.

В 1903 г. появилась статья М. Н. Комарова «Памяти Г. Н. Девочкина»¹³, который впервые обратил внимание местной общественности на деятельность первого костромского археолога-любителя, члена губернского статистического комитета Г. М. Девочкина, много сделавшего в области изучения истории местного края.

В 1909 г. был издан биографический очерк А. А. Титова о протоиерее М. Я. Диеве. Автор опубликовал неизданные письма (1830 – 1857 гг.) М. Я. Диева к И. М. Снегирёву¹⁴ и дал высокую оценку общественной деятельности М. Я. Диева в отношении изучения истории и культурного наследия Костромского края. Сами же письма стали источником сведений об обширной деятельности автора и его нелегкой судьбе. На деятельность М. Я. Диева проливают свет и дневники самого И. М.

⁹ Полетаев Н. И. Протоиерей М.Я. Диев и его исторические и этнографические труды. – Кострома, 1891.

¹⁰ Иконников В. С. Губернские ученые архивные комиссии, 1884–1890. – Киев, 1892.

¹¹ Довнар-Запольский М. В. Обзор деятельности губернских учёных архивных комиссий 1896–1898 // Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. II. – М., 1902; Лаппо-Данилевский А. С. Доклад о деятельности губернских учёных архивных комиссий по их отчётам за 1903–1907 гг. – СПб., 1908.

¹² Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. – М., 1902.

¹³ Комаров М. Н. Памяти Г. Н. Девочкина [первого местного археолога-любителя] // Костромской листок. – 1903. – № 141.

¹⁴ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегирёву. 1830–1857 гг. – М., 1909.

Снегирева¹⁵. Эти воспоминания показывают общность интересов краеведов, их увлечённость краеведческой работой.

Таким образом, первый период историографии исследуемой нами темы имеет ряд особенностей. Самые ранние работы, представляя деятельность обществ в очень ограниченный период (5–10 лет) времени, не ставили перед собой задачи анализа деятельности обществ в целом и их взаимосвязи. Работы, касающиеся характеристики деятельности краеведческих организаций и трудов отдельных авторов, являлись лишь некоторыми комментариями, не отличались глубиной анализа. Работы обобщающего характера в этот период наметили первые шаги к изучению типологии научных обществ: археографические, археологические, исторические и т. п., а также охарактеризовали основные направления их деятельности.

Однако существенными чертами дореволюционной историографии можно считать осознание единства общероссийской исторической науки, тесную взаимосвязь местных историков-любителей со столичными учёными. Особенностью этого периода является также тот факт, что первыми историографами научных обществ были сами их члены. Данный период заложил основу для дальнейшей положительной динамики изучения обозначенной темы, был сделан шаг на пути к более основательным фундаментальным исследованиям.

Советский период (с 1917 г. до 90-х гг. XX в.)

В советский период тема провинциальных научных обществ и участия в них учёной общественности мало привлекала внимание исследователей. До 1950-х гг. вышли в свет только несколько работ, в которых можно найти элементы анализа историко-краеведческой деятельности местных учреждений и организаций, участия в них представителей учёной общественности.

Первые публикации советского периода связаны с издательской деятельностью КНОИМ (Костромского научного общества по изучению местного края), члены общества были и первыми историографами его. Среди первых работ, касающихся деятельности отдельных авторов, можно отметить статью В. Апушкина «Печальник Костромской старины»¹⁶, в которой на первый план выдвинута личность краеведа, подчёркнут подвиг его жизни, полностью посвящённой научно-общественной деятельности. В 20-е гг. в работах членов КНОИМК можно обнаружить осмысление краеведческих трудов предшественников. Это было необходимо для планирования дальнейшей деятельности научного общества. Так, в объёмном труде председателя КНОИМК В. И. Смирнова¹⁷ заостряется внимание на вкладе членов КГУАК и отдельных представителей учёной общественности в изучение и популяризацию культурного наследия Костромского края.

Характеристика деятельности Костромского церковно-исторического общества (КЦИО), предпосылки, способствовавшие его открытию, и причины прекращения

¹⁵ Дневник И. М. Снегирёва. – М., 1904– 905. Т. 1 – 2.

¹⁶ Апушкин В. Печальник Костромской старины. – Кострома: тип. КНОИМК, 1919. – Вып. XIII. – С. 10.

¹⁷ Смирнов В. И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края // Труды КНОИМК. – Кострома. Вып. XXXIII, 1924. – С. 134–161.

деятельности лучше всего отражены в его собственном отчёте за весь период существования¹⁸.

В 30-е гг., когда в нашей стране был наложен запрет на пропаганду финно-угорского родства, в изложении материала господствовало чрезмерное стремление к обобщению и систематизации. Характерным было отсутствие интереса к провинциальной истории.

Публикации советского периода, касающиеся деятельности учёных архивных комиссий, открывает статья Ю. И. Гессена «Из жизни архивных комиссий»¹⁹, в которой автор объективно осветил те трудности, с которыми столкнулись комиссии при своём создании. В 30 – 40-е гг. появились публикации негативного характера в отношении деятельности КГУАК, что в первую очередь было связано с разгромом краеведческого движения. В 1936 г. вышла статья И. С. Назина²⁰, написанная в духе времени, в которой автор не только полностью отрицал вклад ГУАК в развитие отечественной исторической науки, но и негативно отзывался о научной её деятельности. В 1940 г. в работе А. В. Чернова²¹ была высказана мысль о том, что деятельность архивных комиссий отрицательно сказалась на сохранности архивов. Первые серьёзные попытки осмысления опыта учёных архивных комиссий были предприняты в 50-х гг. XX в. Н. В. Бржостовской²² и О. И. Шведовой²³. Их выводы демонстрируют два подхода к деятельности комиссий. Если Н. В. Бржостовская отрицает вклад ГУАК в развитие изучения истории местного края, то О. И. Шведова положительно отзывається о деятельности ГУАК, и ею же был сделан сводный указатель «Трудов» ГУАК, способствовавший дальнейшим разработкам изучения региональной истории.

В 50 – 60-х гг. появился ряд работ известных археологов, в которых был дан анализ деятельности предшественников по изучению финно-угорского культурного наследия. В 1958 г. вышла статья П. Н. Третьякова «К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.»²⁴. Автор даёт анализ полемики учёных 20–30 гг. о происхождении племени меря. Е. И. Горюнова в работе «Этническая история Волго-Окского междуречья»²⁵ даёт высокую оценку результатов экспедиций, проводимых Ф. Д. Нефёдовым и КГУАК при участии Н. М. Бекаревича, И. Д.

¹⁸ Отчёт о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества (КЦИО) за время от его открытия 3 июня 1912 г. до января 1914 г. – Кострома, 1914. – С. 21.

¹⁹ Гессен Ю. И. Из жизни архивных комиссий // Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». – М., 1921. – Вып. 1. – С. 3–21.

²⁰ Назин И. С. Из истории архивного дела в дореволюционной России // Архивное дело. 1936. – № 39. – С. 26–37.

²¹ Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР. (Краткий очерк) / под. ред. Д. С. Бабурина. – М., 1940.

²² Бржостовская Н. В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. – М., 1954. Вып. 5. С. 70–116; Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. – М., 1960.

²³ Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. – М., 1958. – С. 377–433.

²⁴ Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. // Советская археология. – М. – 1957. – № 2. – С. 67–68.

²⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. – Вып. 94.

Преображенского. Автор отмечает их значительный вклад в сбор артефактов финно-угорской культуры и высоко оценивает этнографические очерки В. И. Смирнова²⁶, считая, что фольклорные материалы в комплексе с археологическими данными дают возможность делать выводы о своеобразии культурного наследия Костромского края.

Качественно новый этап в изучении проблемы наступил в 70 – 80-х гг. XX вв., произошли определённые изменения в оценке деятельности учёных архивных комиссий. Заслуга А. Д. Степанского²⁷ в том, что он предложил вариант классификации научных обществ, проследил динамику развития сети научных учреждений и организаций России второй половины XIX – начала XX вв. И. И. Комарова²⁸ сделала попытку показать научно-просветительскую деятельность статистических комитетов в отношении популяризации историко-культурных знаний о родном крае.

Ряд вопросов, касающихся вклада костромских исследователей в изучение финно-угорского культурного наследия, затронут в 70–80-е гг. в работах Л. А. Голубевой, И. В. Дубова, А. Е. Леонтьева, Г. А. Архипова²⁹.

В 80 – 90 гг. появились обобщающие труды, раскрывающие формы и методы деятельности, типичные для большинства статистических комитетов³⁰.

Выявлению роли ГУАК в развитии исторических исследований на региональном уровне посвящен самый обширный труд В. П. Макарихина³¹. Автором впервые отмечена универсальность деятельности комиссий и подчеркнуто своеобразие каждой из них, учитывая особенности региона. Своей задачей автор считал «оценить бескорыстный труд губернских архивистов, которые гордо называли себя «отечествоведами», продолжить заложенные ими традиции»³².

²⁶ Смирнов В. И. Паны, клады и разбойники // Труды КНОИМК. Вып. XXVI.

²⁷ Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. – М., 1975. – С. 38–54; Он же. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. – М., 1987; Он же. Первые исторические общества в России // Вопросы истории. – М., 1973. – № 12.

²⁸ Комарова И. И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // АЕ за 1978. – М., 1979.

²⁹ Голубева Л. А. Женщины-литейщицы (истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА, – № 4. – 1984. – С. 75–89; Её же. Меря. Муром. Мещера. Мордва. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1987; Дубов И. В. Языческие культы населения Ярославского Поволжья IX–XII вв. (по археологическим данным) // Генезис и развитие феодализма в Росси. – Л., 1987; Леонтьев А. Е. Новые данные о Костромских курганах // СА. – М., 1984. – № 4; Его же. Археологические памятники ростовской мери. // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). – М., 1988. – С. 16–17; Архипов Г. А. Марийцы IX – XI вв.: К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола, 1973. – С. 91.

³⁰ Комарова И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. – М.: Наука, 1987. – С. 85–96; Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х – 1890-х годов. – Киров, 1994.

³¹ Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1989. – № 1. – С. 161–179.

³² Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии и их роль в развитии общественно-исторической мысли России в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1989. № 1. – С. 161–179.

Ряд статей о деятельности костромской интеллигенции по изучению родного края принадлежит местному краеведу В. Н. Бочкову³³. Это работы о Д. П. Дементьеве, П. П. Свиныне, А. Д. Козловском, Н. С. Сумарокове, В. И. Смирнове, Л. Н. Казаринове³⁴. Объективно деятельность КГУАК в 80-е гг. XIX в., её неопределимый вклад в формирование костромских архивов, изучение истории края, формирование интереса широкой общественности к проблемам истории края освещает в своих статьях учёный, историк-краевед А. Д. Шипилов³⁵.

В целом второй период в историографии характеризуется негативным отношением к краеведческой деятельности. В 1960-е гг. возрождается интерес и появляются попытки объективного осмысления деятельности учёной общественности в дореволюционный период, позитивного вклада общественно-научных организаций в развитие культуры Костромского края. Необходимо отметить дальнейшее накопление информации и появление большого количества работ, посвящённых истории и материальной культуре финно-угорских народов Верхнего Поволжья. Вместе с тем, проблема влияния учёной общественности на распространение научных знаний и популяризацию финно-угорского культурного наследия Костромского края затрагивалась в трудах исследователей только фрагментарно.

Современный период (с 90-х гг. XX в. и по настоящее время) связан, прежде всего, с глубокими изменениями, происходившими в жизни страны, они, безусловно, повлияли и на историографическую ситуацию. Резко расширился круг изучаемых историками проблем, современные исследователи получили более широкий доступ к архивным материалам, благодаря чему достигается большая объективность в освещении изучаемых вопросов. Появляются новые работы, освещающие роль губернских статкомитетов и архивных комиссий.

В трудах Б. Г. Плошко и И. И. Елисеевой³⁶ отводится важная роль губернским статкомитетам и архивным комиссиям в деятельности по изучению истории регионов. Вместе с тем они подчёркивают сложное положение этих организаций, основную причину которого видят в идеологизированном характере науки в России. Наиболее крупным современным исследованием, затрагивающим проблемы историко-краеведческой деятельности губернских статкомитетов, является работа В. А. Бердинских³⁷. В ней убедительно показана тесная взаимосвязь профессиональной науки

³³ Бочков В. Н. Ветлужский летописец: Образы краеведов // Памятники Отечества. – 1989. №1. – С. 72–78.

³⁴ Бочков В. Н. О П. П. Свиныне – писателе, уроженце Галичского уезда. Страницы истории // Северная правда. – 1979. – 28 марта; Он же. Костромской друг В. Г. Белинского // Северная правда. – 1980. – 11 июля; Он же. Первый историк Костромы: Люби и знай свой край // Северная правда. – 1985. – 12 февраля; Он же. «Мы, подмастерья науки...»: Подвижники культуры // Северная правда. – 1988. – 4 октября; Он же. Краевед из Чухломы: Подвижники культуры // Северная правда. – 1989. – 27 июля.

³⁵ Шипилов А. Д. Костромская губернская ученая архивная комиссия // Краеведческие записки: сб.ст. – Ярославль, 1986. Вып. 4. – С. 51.; Его же. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 47.

³⁶ Плошко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики. – М., 1990.

³⁷ Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х годов: дис. ... д-ра ист. наук / В. А. Бердинских. – М., 1994; Он же. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М., 2003.

краеведения и науки любительской. Автором разработана оригинальная классификация краеведческих трудов дореволюционного периода.

В 90-е гг. появилась статья Т. О. Размутовой³⁸, в которой был сделан вывод о значительном вкладе ГУАК в краеведческую деятельность и охрану вещественных памятников старины. В статье В. С. Соболева раскрыта связь КНОИМК с Академией наук и приведены данные статистики о росте численности организации в 20-е гг.³⁹

Значительный вклад в изучение деятельности костромской научной общественности внёс Е. А. Флейман⁴⁰. В 1995 г. вышла его работа «Краеведение в Поволжье», раскрывающая новые аспекты в деятельности КНОИМК на фоне других обществ Поволжья. Новый взгляд на общественно-научную деятельность П. П. Свиньина, писателя, общественного деятеля, предложил известный костромской краевед А. А. Григоров⁴¹ в работе «Павел Петрович Свиньин».

В коллективной работе костромских исследователей под редакцией С. И. Алексева уделено внимание деятельности первых краеведческих организаций: КГУАК и КНОИМК, определено значение научных изысканий Г. М. Девочкина, Н. М. Бекаревича, В. И. Смирнова для современных исследований⁴².

В 2000 г. в Костроме вышел сборник Памяти Селифонтова⁴³, в котором собраны не только статьи, проливающие свет на активную общественную позицию председателя КГУАК, учёного-генеалoga, архивиста Н. Н. Селифонтова, но и статьи, раскрывающие новые формы и методы работы Костромской учёной архивной комиссии, деятельности её музея. Деятельность И. Баженова – члена Совета Санкт-Петербургского Археологического института, основателя музея «Романовские палаты», председателя Церковно-исторического общества, нашла отражение в статье архивиста Т. Гончаровой⁴⁴. Бесспорный интерес представляют работы В. А. Бердинских, в которых

³⁸ Размутова Т.О. Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М., 1990. – С.89–104.

³⁹ Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. – 2000. – Т. 70. – № 6, – С. 535–541.

⁴⁰ Флейман Е. А. Краеведение в Поволжье. – Кострома: изд-во КГТУ, 1995. – С. 71.

⁴¹ Григоров А. А. Павел Петрович Свиньин // Из истории костромского дворянства. – Кострома: ИПП Кострома, 1993.

⁴² Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев [и др.] – Кострома, 1997.

⁴³ Сапрыгина Е. В. Рождение КГУАК. Н. В. Калачёв и Н. Н. Селифонтов // Памяти Селифонтова: сб. докладов первых Селифонтовских чтений / КГОИАМЗ (16–17 ноября 2000 года). – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. 118; Виноградова С. Г. Археологическая деятельность Костромской губернской архивной комиссии (1885–1990 гг.) // Памяти Селифонтова. – Кострома: КГОИАМЗ, 2000. – С. 149; Сизинцева Л. И. Музей КГУАК и его создатели // Памяти Селифонтова: сб. докл. Первых Селифонтовских чтений / КГОИАМЗ (16–17 ноября 2000 года). – Кострома: Формат-прин, 2000. – С. 129.

⁴⁴ Гончарова Т. Древности Ивана Баженова // Жизнь замечательных костромичей XX век: краеведческие очерки. – Кострома, 2004. – С. 10–11.

основательно раскрыты основные направления историко-краеведческой деятельности губернских статистических комитетов⁴⁵.

Интерес представляет работа Е. М. Петровичевой⁴⁶ по изучению и сохранению исторических документов архивными комиссиями как наиболее важный результат деятельности краеведов. Ценными являются исследования В. Л. Еремеевой⁴⁷ о приоритетных направлениях деятельности костромского статкомитета, благодаря активной деятельности его членов, государство своевременно получало необходимые статистические данные и провинциальная интеллигенция имела возможность выразить свой научный и творческий потенциал.

Расшифровкой и изучением рукописи М. Диева «Костромская вивлиофика» занималась Е. В. Сапрыгина и в 2005 г. опубликовала результаты работы⁴⁸, проливающие свет на деятельность М. Я. Диева в 1846–1847 гг., в том числе по изучению древней истории Костромского края. Работа научно-популярного характера, посвящённая жизни и деятельности М. Я. Диева, Т. Б. Кастальевой, изданная в 2008 г., ценна тем, что вводит в оборот семейные предания Диевых и дополняет сведения о нём как об учёном, общественном деятеле⁴⁹.

В 2007 г. вышла работа обобщающего характера В. И. Первушкина «Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука»⁵⁰, которая по-новому позволила оценить деятельность губернских статкомитетов и её членов, которые многое сделали для развития исторической провинциальной науки.

В настоящее время историография заявленной проблемы наиболее полно представлена работами А. Д. Шипилова⁵¹.

Деятельность современных исследователей по изучению финно-угорских древностей нашла отражение в проводимых конференциях, конгрессах, съездах. В августе 1995 г. в финском городе Ювяскюля состоялся международный конгресс, где особенно разносторонне рассматривались вопросы языкового родства финно-угров. Конгресс провозгласил широкое включение исторических наук в комплекс финно-угроведения. Научный центр финно-угроведения в 1994 г. начал издавать в Йошкар-Оле

⁴⁵ Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х – 1890-х годов. – Киров, 1994; Он же. Уездные историки: Русская провинциальная историография. – М., 2003.

⁴⁶ Петровичева Е. М. Из истории развития Владимирского краеведения во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы областной краеведческой конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Н. Н. Воронина (19 апреля 2004 г.). – Владимир, 2004. – С. 173–175.

⁴⁷ Еремеева В. Л. Приоритетные направления деятельности Костромского губернского статистического комитета. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, №2(16), 2012. Ч. 2. – С. 55–59.

⁴⁸ Сапрыгина Е. В. Костромская вивлиофика Михаила Диева // Стражи времени. – Кострома, 2005 г.

⁴⁹ Кастальева Т. Б. История учёного протоиерея М. Диев, рассказанная им самим. – М., 2008.

⁵⁰ Первушкин В. И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. – Пенза, 2007.

⁵¹ Шипилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX века: костромская школа. – Кострома, 2007. – С. 38; Он же. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 47.

научный журнал «Финно-угроведение». В настоящее время существует Некоммерческая ассоциация «Поволжский центр финно-угорских народов».

Современный взгляд на проблемы историографии финно-угорских народов представил на международном конгрессе «История финно-угров» в Таллине в 1998 г. К. Сануков в докладе «Финно-угорские народы России до 1917 г.: проблемы историографии»⁵².

В Саранске в сентябре 2009 г. прошёл IV съезд финно-угорских народов России. На съезде рассматривались вопросы сохранения и развития финно-угорских народов, языка, культуры. Важное место отводилось проблемам межнационального сотрудничества, единения финно-угорских народов, консолидации, разработке этнокультурных программ, итогам переписи населения и анализу численности народов, статусу коренных малочисленных народов (сето), а также вопросам изучения истории финно-угорских этносов.

В Резолюции съезда было указано, что «российское государство, включавшее в различные периоды своей истории большинство территорий, где проживали финно-угры, является исторической родиной, местом формирования этнокультурных традиций финно-угорских народов. Материалами этнографических, полевых и архивных исследований, полученными в России, питается всё современное финно-угроведение, немыслимое без российского многообразия финно-угорской культуры. Съезд считает необходимым разработку стратегии сохранения и развития этнической культуры, функционирования языков, укрепления этнической идентичности финно-угорских народов России»⁵³. Очередной VI Всемирный конгресс по истории финно-угорских народов прошёл в августе 2012 г. в Венгрии.

Следует отметить, что проблема изучения финно-угорского культурного наследия привлекала не только российскую научную общественность, но и также была предметом исследования зарубежных учёных. В частности, к изучению данной темы обращались такие исследователи, как А. И. Шёгрэн, М. А. Кастрен и другие.

Особый интерес представляют очерки финского исследователя А. И. Шёгрена⁵⁴, который сумел установить границы расселения финно-угорских народов. Именно под влиянием А. И. Шёгрена статус финно-угорских исследований был закреплён в Академии наук и получил огромный потенциал для дальнейшего развития. Он подготовил почву для изучения финно-угорских языков М. А. Кастреном. В 1853 – 58 гг. вышли первые тома работы известного финского исследователя М. А. Кастрена «Северные путешествия и исследования», подготовленные к печати А. Шифнером. Работа, основанная на результатах путешествия по Северной Европе, Уралу, Сибири и Дальнему Востоку, состоит из отчётов экспедиций, дневников, писем⁵⁵.

⁵² Сануков К. Финно-угорские народы России до 1917 г.: проблемы историографии. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.suri.ee/hist2/plen/Sanuk-rus.html>.

⁵³ Общероссийское общественное движение Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации. [Электронный ресурс.] URL: <http://www.afunrf.ru/docs/rezolyucziya-iv-sezda>.

⁵⁴ Sjögren A. J. Bericht über die wissenschaftliche Reise zur Untersuchung der finnischen Völkerschaften in Russland // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. – St.-Petersburg, 1861. – Bd. 1. – S. 71–84.

⁵⁵ Castrén M. A. Nordische Reise und Forschungen. – St.-Petersburg, 1853–1858, 1862. – Bd. 1–12.

В 1983 г. появилось исследование М. Витхмана «Финно-угры в работе Августа Людвиг Шлёцера «Всеобщая северная история»⁵⁶. Исследователь показывает особенности восприятия русской истории иностранцем Августом Шлёцером, даёт характеристику финно-угорского этноса.

В целом современный период отличается появлением нескольких комплексных работ по краеведению, где глубоко, с привлечением источников, рассматриваются вопросы формирования и развития краеведческих организаций Костромской губернии, изучены их основные формы и методы работы. Однако исследователями почти не затронуты вопросы формирования культурных традиций в изучении местной истории. Отсутствуют монографические исследования, касающиеся исследовательской деятельности краеведов. Проблемы изучения культурного наследия края в комплексном плане не рассматривались. Финно-угорское наследие края изучалось только в археологических работах. Мало освещена деятельность представителей учёной общественности в отношении конкретных тем изучения края и популяризации их исследований.

Таким образом, степень изученности темы демонстрирует относительную исследованность отдельных общих проблем и вопросов деятельности учёной общественности по изучению культурного наследия финно-угорского этноса на территории Костромского края. До сих пор в полном объёме не исследованы общие проблемы финно-угорского культурного наследия, в том числе их отражение в деятельности учёной общественности края, т. е. изучаемая нами проблема пока не стала предметом комплексного анализа.

При изучении деятельности учёной общественности костромского края в отношении культурного наследия финно-угорского этноса не были использованы опубликованные письменные источники, архивные материалы (рукописи, письма) и музейные этнографические коллекции.

К первой группе источников относятся *Законодательные акты правительства*, собранные в Полном собрании законов Российской империи: Правила для Статистического отделения при МВД и статистических комитетов в губерниях», утвержденные 20 декабря 1834 года⁵⁷; Положение о создании губернских и областных статистических комитетов⁵⁸; Положение об Императорской Археологической комиссии, утверждённое 2 февраля 1859 г.⁵⁹; Указ Александра III от 1889 г. о предоставлении Императорской Археологической комиссии исключительного права выдачи разрешений на проведение археологических раскопок и обязательного согласования с комиссией и Академией художеств реставрации памятников древности; Временный Устав Императорской Академии художеств⁶⁰. Существенным документом для нашей работы является Положение «Об учреждении учёных архивных комиссий и

⁵⁶ Weithmann M. W. Fenno-Ugrica in August Ludwig Schlözers «Allgemeiner Nordischer Geschichte» // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. – 1983. – S.175–179.

⁵⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – СПб., 1830. Т. IX. Отд. II. № 7684.

⁵⁸ Журнал МВД. – СПб., 1835. – Вып. 3. – С. 37 – 39.

⁵⁹ Полное собрание законов Российской империи. Второе издание. – СПб., 1859. Т. XXXIV Отд. I, № 34109. – С. 71.

⁶⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб., 1889. Т. IX. № 5841. – С. 95; Там же. – СПб., 1893. Т. XIII. № 9982. – С. 569.

исторических архивов», утверждённое 13 апреля 1884 г. императором Александром III⁶¹. Эти законодательные акты составили правовую базу для изучения финно-угорского культурного наследия.

Вторая группа источников представлена литературой XIX – первой трети XX вв. Это труды, обзоры, очерки любителей-краеведов, отдельных учёных, представителей учёной общественности по изучению и популяризации финно-угорского культурного наследия Костромского края.

Среди опубликованных источников большой интерес представляют труды первых учёных, изучавших финно-угорское культурное наследие Костромского края. Это прежде всего работы Н. С. Сумарокова, И. К. Васькова, А. Д. Козловского⁶². Первое десятилетие XIX в. можно назвать периодом активной исследовательской деятельности П. П. Свиньина. Он был первым, кто пытался подойти к анализу финно-угорских традиций через сопоставление с топонимическими данными, местными верованиями⁶³. Огромный вклад в исследование изучаемой проблемы внёс учёный-краевед, протоиерей М. Я. Диев⁶⁴. Во всех его работах четко прослеживается вывод о влиянии на культуру Костромского края финно-угорских традиций. Работы гр. А. С. Уварова представляют интерес в плане изучения быта мерян⁶⁵. Труды Н. М. Бекаревича, И. Д. Преображенского, Ф. Д. Нефёдова, основанные на артефактах, собранных в археологических экспедициях, дополнили новыми материалами изучение проблемы финно-угорского культурного наследия Костромского края⁶⁶. Новый подход к изучению древней истории г. Костромы и края содержался в работе столичных учёных В. К. и Г. К. Лукомских⁶⁷. Авторы, характеризуя исторические события, дополняют их описанием быта, традиций.

Третью группу составляет делопроизводственная документация.

Делопроизводственные материалы представляют собой как опубликованные, так и неопубликованные данные.

⁶¹ Собрание узаконений. Отдел I. 1 июня 1884 г. / Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1885. – Т. IV. – № 2149. – С. 226.

⁶² Рукописный фонд. КОК 1273. Сумароков Н. С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии; Васьков И. К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы, сочиненное полковником Иваном Васьковым. – М.: Тип. М. Пономарева, 1792; Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М.: типография Н. Степанова, 1840;

⁶³ Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Ч.1. (с иллюстрациями автора). – СПб: типография Н. Греча, 1839.

⁶⁴ Диев М. Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // ЧОИДР. – М., 1846 – № 2.

⁶⁵ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды первого археологического съезда в Москве. – М., 1871., Т. 2.

⁶⁶ Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведенной им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома, 1894. Вып. 3.; Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. // Костромская старина. – Кострома, 1897; Нефёдов Ф. Д. О поездке 1885 г. в Костромскую, Вятскую и Пермскую губернии // Костромские губернские ведомости. – 1885. – №71.

⁶⁷ Лукомские В. К., Г. К. Кострома: Исторический очерк В. К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г. К. Лукомского. – СПб.: изд. общины св. Евгении Красного Креста, 1913.

Неопубликованные делопроизводственные материалы. Из Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) использованы материалы фонда: Ф. 342 – Письма И. Д. Преображенского Ф. Д. Нефёдову⁶⁸. Письма из этого фонда раскрывают некоторые стороны деятельности членов КГУАК, касающиеся отношений со столичной общественностью.

Санкт-Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН) располагает уникальными документами, свидетельствующими о вкладе научных сотрудников Императорской Санкт-Петербургской Академии наук в разработку проблем финно-угорского культурного наследия. Ф. 94. укомплектован полевыми дневниками, отчётами и рукописями А. И. Шёгрена⁶⁹.

В Архиве Российского этнографического музея Санкт-Петербурга (АРЭМ) были изучены материалы (Ф. 7.) «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния (копии). Материалы фонда содержат сведения об участии костромской общественности в программах изучения Костромского края. Из (Ф. 2.) были взяты также материалы о музейной и краеведческой деятельности Н. Н. Виноградова и В. И. Смирнова, а также копия, снятая В. И. Смирновым с рукописи Н.С. Сумарокова «Краткое историческое известие о городе Костроме...». В фондах РЭМ были изучены коллекционные описи, присланные в начале XX в. членами КНОИМК (Н. Н. Виноградовым, В. И. Смирновым и др.).

В фондах Государственного архива Костромской области (ГАКО) изучены материалы Костромского губернского статистического комитета, в частности, его отчёты, переписка с Санкт-Петербургским Археологическим институтом, издания статкомитета (Ф. 161). Материалы Костромской губернской учёной архивной комиссии представлены протоколами, программами областных съездов, их решений, текстами выступлений участников съездов, отчётами о деятельности КГУАК (Ф.179). Также изучены документы (Ф. 508) – Костромское научное общество по изучению местного края. Фонд представлен отчётами о деятельности общества, материалами деятельности отдельных его членов по популяризации историко-культурного развития края. Ценные сведения об истории заселения Костромского края финно-угорскими народами находятся в Коллекции литературных, исторических и культовых рукописей и книг (Ф. 558). В фонде Костромское губернское дворянское депутатское собрание (Ф. 121) сохранились документы, касающиеся кн. А. Д. Козловского.

Из Фондов Церковного историко-археологического музея (ЦИАМ) автор проанализировал рукопись М. Я. Диева «Костромская Вивлиофика 1845 – 1847 гг.»⁷⁰, где были сделаны выводы о влиянии финно-угорского культурного наследия на формирование традиций Костромского края.

В Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (ГУК КГИАХМЗ) изучены материалы рукописного фонда⁷¹. В

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 309. – Л. 1 – 6. Письма Преображенского Ионы Дмитриевича Нефёдову Филиппу Деомидовичу. 22 марта 1893 – 13 сентября 1895 гг.

⁶⁹ ПФА РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1/1–10. – Л. 1. А. И. Шёгрена.

⁷⁰ ЦИАМ КОК 24738. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845 – 1847 гг.

⁷¹ КГИАХМЗ. КОК 49347. Казаринов Л. Н. Отчет об археологических разведках у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда в 1924 г.; КОК 49350. Преображенский И. Д. Клады и паны /

коллекционной описи Ш. 3. П. 1. П. 6. малоизученным источником можно считать необработанные анкеты КНОИМК «Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство», где сосредоточен огромный пласт народных верований, традиций, часть из которых принадлежит мерянской и черемисской культуре. Представляет интерес рукопись «История города Нерехты» М. Я. Диева⁷².

Опубликованные делопроизводственные материалы. Логика работы предопределяет их приоритетное значение. Это прежде всего документы официального делопроизводственного характера, связанные с деятельностью научных общественных организаций, комитетов, комиссий, учреждений: протоколы собраний, официальная переписка, инструкции.

Большой интерес представляет единственный дореволюционный сборник документов, специально посвящённый проблемам сохранения памятников древности «Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом»⁷³, изданный в 1911 г. и содержащий материалы археологических съездов, документы Московского и других археологических обществ.

Ценные сведения по исследуемой теме содержат материалы археологических съездов. Это прежде всего Протоколы заседаний съездов⁷⁴. Важная информация содержится в «Трудах» Всероссийских и Областных историко-археологических съездов. Например, в «Трудах Тверского Областного Археологического Съезда», «Трудах I Археологического Съезда в Москве», «Трудах II Археологического Съезда в Москве», «Трудах IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме», «Трудах КНОИМК», «Трудах VII Археологического Съезда в Ярославле».

Документы региональных организаций представлены отчётами КГУАК, журналами заседаний Губернского статистического комитета, Костромской губернской учёной архивной комиссии, программами, резолюциями историко-археологических съездов, протоколами заседаний Костромского научного общества по изучению местного края, уставом КНОИМК, а также отчётами Костромского церковно-исторического общества и др.

Привлечение массовых опубликованных источников связано с необходимостью обобщения и осмысления уже опубликованных материалов, поиском фактов, имеющих отношение к деятельности учёной общественности по распространению знаний о финно-угорском культурном наследии, а также продиктовано самой темой исследования и хронологическими рамками, охватывающими большой отрезок времени.

легенды и предания Костромского края; КОК 49352. Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной учёной Комиссии 29 августа 1895 г.; КОК 49353. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

⁷² КГИАХМЗ. КОК 24830. Диев М. Я. История города Нерехты.

⁷³ Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1911.

⁷⁴ Протоколы заседаний Археологического съезда. Заседания I Отделения: Древности первобытные// Труды I Археол. Съезда. 1869. – М., 1871. Т. I. – С. LXII – XCIII; Протоколы заседаний Второго археологического съезда. Заседание 11 декабря 1871 г. //Труды II Археол. Съезда. 1871. – СПб., 1881. Вып. 2. – С. 28.

В четвёртую группу входят *статистические материалы*, которые представлены отчётами Костромского губернского статистического комитета: Материалы для статистики Костромской губернии за 1870–1891 гг., Костромские календари 1892–1906 гг., Памятные книжки Костромской губернии. Целенаправленная, систематическая публикация статистических данных, материалов по истории и этнографии Костромского края превратила эти публикации в своеобразные краеведческие комплексы, ценность которых сегодня состоит в том, что они позволяют исследователям выявить особенности форм и методов деятельности учёных общественников в изучении истории региона.

Пятая группа источников, самая многочисленная – это материалы центральной и местной периодической печати, а именно журналы: «Вестник археологии и истории», «Журнал Министерства народного просвещения», «Костромская старина», «Русский вестник», «Живая Старина», «Краеведческие записки», «Отечество», «Российская археология», «Финно-угроведение»; а также газеты: «Костромские губернские ведомости», «Костромские епархиальные ведомости», «Костромской листок» и др. Данный вид источников даёт возможность понять атмосферу тех лет, выявить основные формы и методы работы статистического комитета, архивных комиссий, краеведческих научных обществ, отдельных исследователей в направлении изучения финно-угорского историко-культурного наследия, а также оценить роль местных учёных общественников по изучению истории родного края.

Шестая группа включает источники личного происхождения: переписку, дневники. В группе источников личной переписки особый интерес представляют письма М. Я Диева к И. М. Снегирёву 1830–1857 гг., опубликованные А. А. Титовым в Материалах для истории Императорского общества истории и древностей Российских в 1909 г., а также письма И. Д. Преображенского, Н. Н. Селифонтова, Д. П. Дементьева.

Из РГАЛИ (Ф. 1455.) – Личный фонд М. М. Зимины. «Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918–1938 гг.)», были использованы фольклорные материалы Костромского края⁷⁵.

Интересный материал для раскрытия темы автор извлёк в ГАКО из (Ф. 652) – Преображенский И. Д., историк и археограф, директор музея Костромской губернской учёной архивной комиссии; (Ф. 655) – Н. Н. Селифонтов, историк, председатель Костромской губернской учёной архивной комиссии, крупный административный деятель России; (Ф. Р. 550) – Смирнов Василий Иванович (1882–1941), краевед, председатель Костромского научного общества по изучению местного края.

Седьмую группу составляют вещественные источники. Были изучены материалы экспозиции Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге⁷⁶. В фонде «Археология» КГИАХМЗ (Костромского государственного историко-архитектурного музея-заповедника) имеется коллекционная опись⁷⁷ с раскопок 1980 – 1984 гг. Волго-Окской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством А. Е. Леонтьева городища конца I тыс. н. э. у деревни Попово Мантуровского района Костромской

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 1455. Оп.1. Д. 1. – Л. 1. Личный фонд М. М. Зимины. Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 – 1938).

⁷⁶ РЭМ. Коллекционная опись № 6754.

⁷⁷ КГИАХМЗ. Фонд археология. Коллекционная опись. КОК 37808.

области. Филиал КГИАХМЗ «Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства» располагает богатым вещественным материалом, найденным во время раскопок мерянских захоронений в 1899 г. Ф. Д. Нефёдовым⁷⁸.

Восьмая группа представлена опубликованными результатами деятельности учёной общественности. Результаты деятельности ряда представителей учёной общественности, много сделавшей в области изучения истории местного края, нашли отражение в трудах современников. Н. И. Полетаев⁷⁹ осветил обширную научную и общественную деятельность костромского краеведа М. Я. Диева. В 1903 г. появилась статья М. Н. Комарова «Памяти Г. Н. Девочкина»⁸⁰, о деятельности первого костромского археолога-любителя, много сделавшего в области изучения истории местного края. В 1909 г. А. А. Титов опубликовал биографический очерк о протоиерее М. Я. Диеве с неизданными ранее письмами (1830–1857 гг.) М. Я. Диева к И. М. Снегирёву⁸¹ и дал высокую оценку общественной деятельности М. Я. Диева в отношении изучения истории и культурного наследия Костромского края. Работа В. Апушкина «Печальник Костромской старины» полностью посвящена научно-общественной деятельности секретаря КГУАК И. Д. Преображенского⁸².

В ГАКО обнаружены: Отчёт о деятельности КГУАК (1900– 1913); Обзор деятельности КГУАК за первые десять лет, с 6 июля 1885 г. по 6 июля 1895 г.⁸³ Результаты деятельности учёной общественности представлены в опубликованных материалах: Отчёт Костромского губернского статистического комитета (1901 – 1193 гг.); Отчёт о деятельности КНОИМК 1913 – 1920гг; Отчёт о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества (КЦИО) за время от его открытия 3 июня 1912 г. до января 1914 г.; Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Результаты деятельности учёной общественности Костромской губернии представлены в работах отдельных авторов, многие напечатаны в «Трудах КНОИМК», а также в материалах съездов, положениях о создании музеев, библиотек, этнологической станции. Результаты археологических экспедиций представлены в опубликованных докладах Н. М. Бекаревича, И. Д. Преображенского, И. В. Миловидова, В. Г. Пирогова, В. И. Смирнова.

Таким образом, использование широкого круга источников дало возможность более объективно и всесторонне проанализировать данную тему, показать её особенности и выявить ещё малоизученные аспекты.

⁷⁸ КГИАХМЗ. КОК 5419 / 5.А – 87 / 5; КОК 15474 / 84. А – 142 / 84 и др.

⁷⁹ Полетаев Н. И. Протоиерей М.Я. Диев и его исторические и этнографические труды.–Кострома,1891.

⁸⁰ Комаров М. Н. Памяти Г. Н. Девочкина [первого местного археолога-любителя] // Костромской листок. – 1903. – № 141.

⁸¹ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857 гг. – М., 1909.

⁸² Апушкин В. Печальник Костромской старины. – Кострома, 1919.

⁸³ ГАКО. Ф. 179. Д. 48.

Глава I. Деятельность учёной общественности по изучению финно-угорского культурного наследия Костромского края в XIX веке

§1. Финно-угорское культурное наследие Костромского края

В ходе исторического развития любой народ стремится сохранить свою культуру и как можно полнее передать потомкам культурное наследие. Культура становится богатством общества, его общественным достоянием. Под культурным наследием понимается часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся поколениям как нечто ценное и почитаемое.

Впервые понятие культурное наследие определил Э. А. Баллер «как совокупность связей, отношений и результатов духовного производства прошлых исторических эпох, а в более узком смысле слова как совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых и используемых в соответствии с конкретно-историческими задачами современности, в соответствии с объективными критериями общественного прогресса»⁸⁴. Изучение, сохранение и популяризация является одной из существенных сторон процесса историко-культурного развития любого общества.

Наша страна является создателем и хранителем богатого историко-культурного наследия мирового значения. Историко-культурные ценности составляют одну из важнейших основ национальной и культурной идентичности россиян, основу гражданской солидарности и российского патриотизма. Задача современного общества – просвещение масс, пробуждение их интереса к памятникам старины.

Богатейшее культурное наследие Костромского края – это живой исторический опыт народа, ценнейшие произведения их материального и духовного творчества. Своеобразием культурного наследия Костромского края является наличие в его составе финно-угорских элементов. Ценность наследия определяется постоянным целенаправленным интересом к нему общества, основанным на шкале предпочтений. Подкрепляется этот интерес сохранением культурных традиций в народной жизни. Историки, археологи, краеведы на протяжении столетий занимаются поиском артефактов финно-угорской культуры, изучают, сохраняют и популяризируют знания о ней. Однако есть периоды, когда интерес к тем или иным видам культурного наследия возрастает или падает. Период XIX – начало XX вв. характеризуется возрастающим интересом к культурному наследию России.

Финно-угорское культурное наследие Костромского края включает в себя весь комплекс культурно-исторических знаний об этническом сообществе, проживавшем на территории края с древнейших доисторических времён, в состав которого на момент прихода на данную территорию славян входили этнические группировки меря, черемисы (мари) и другие. На раннем этапе формирования великорусской народности, в

⁸⁴ Баллер Э. А. Приемственность в развитии культуры. – М., 1969. – С. 70.

частности первого её ядра – Ростово-Суздальского княжества составляющей будущего народа стали славянские и финно-угорские племена. Финно-угорское культурное наследие на территории Костромского края представлено объектами археологических раскопок и материальной культуры: могильниками, курганами, древними городищами. О наличии наследия свидетельствуют топонимы и гидронимы, финно-угорские элементы, сохранившиеся в языке жителей края, предметы быта и компоненты традиций.

В настоящее время на территории Костромского края проживают потомки мари, мордвы и древней народности меря. Для характеристики финно-угорского культурного наследия на территории Костромского края необходимо обозначить территории проживания Костромской мери, а также описать финно-угорские народы, земли которых граничили с территорией Центральной России и Поволжья и которые в связи с развитием хозяйственных отношений и торговли явно оказывали влияние на формирование русской культуры. К ближайшим соседям отнесем: мариийские, мордовские, принадлежавшие к уральской языковой семье (см. Приложение № 1). По летописным данным, существовали финно-угорские языки *меря* и *мурома*, которые в средние века вышли из употребления. В современном финно-угроведении достаточно полно реконструирован мерянский язык, представлявший промежуточное звено между прибалтийско-финскими и мордовскими языками⁸⁵.

Костромской край располагается в местности, издревле освоенной финно-угорскими племенами. В период неолита культура ямочно-гребенчатой керамики сменилась прафинно-угорской волосовской. На рубеже III–II тысячелетий до н. э. здесь появилась фатьяновская культура, позднее ассимилированная абашевцами (племенами эпохи поздней бронзы) и поздняковцами (с VIII в. до н. э. по V в. н. э.). В процессе этих миграций и ассимиляций усилился финно-угорский компонент. В результате смешения культуры финно-угорских местных племён с финно-угорской пришедшей дьяковской культурой на территории будущей Костромской губернии начала складываться мариийская народность.

Исторически Костромская область является территорией проживания мариийцев, одного из древнейших народов Среднего Поволжья. В ныне существующих населённых пунктах Кажирово и Старо-Шангское находились столицы мариийских княжеств Якшан и Шанга. До 1917 г. их называли «черемисы». В 1920 г. была образована Мариийская автономная область. Этноним мари заимствован из древнеиранского языка. Впервые мариийцы упоминаются в сочинениях историка готов Иордана в VI в. н. э. под названием «цармис», что фонетически близко к «черемис». В памятнике древнерусской письменности XII в. «Повесть временных лет» говорится: «На Беле озере сидят весь, а в Ростове-озере меря, а на Клещине-озере меря же; а по Оце, по реце, где потече в Волгу, сядят мурома язык свой. А черемиса язык свой»⁸⁶.

В настоящее время мариийцы занимают те же земли, на которых они жили издревле. Однако археологические и топонимические данные говорят о том, что мариийцы и родственные им финно-угорские племена (мурома и меря) в прошлом

⁸⁵ Цыпанов Е. А. Энциклопедия. Коми язык. – М., 1998. – С. 518 – 519.

⁸⁶ Повесть временных лет: подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева/ под ред. В. И. Адриановой-Перетц. 1-е изд. Ч. 2. Приложения. – М.; Л., Изд-во Акад. Наук, 1950. – С.10–11.

занимали более обширную территорию, доходящую с запада до поймы Оки, а с северо-запада – до реки Костромы. Процесс формирования марийской народности археологи относят к середине I тыс. н. э.⁸⁷ С освоением этих мест русскими большая часть марийцев ушла на восток в леса, остались лишь немногие, подвергнувшиеся обрусению. В первой половине XVII в. правобережье Ветлуги уже было заселено русскими. Существовала д. Шулепниково, которая с 1779 г. стала уездным городом Ветлугой⁸⁸.

Наиболее многочисленной группой, населявшей в древние времена Костромской край были племена меря (в некоторых источниках фигурировавшее под более общим названием чудь)⁸⁹.

По заключению В.О. Ключевского, современное население русского центра сформировалось под воздействием двух основных факторов – природно-географического, наложившего «глубокий отпечаток как на хозяйственный быт Великороссии, так и на племенной характер великоросса», и этнографического, «ибо чудь, постепенно русея, всю свою массу, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со всеми отличиями, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности»⁹⁰. Под «чудью» древнерусские летописные источники подразумевают разные финно-угорские народы. Чудь трактуется как общее название ряда финно-угорских племён и народов. Такое понимание этого термина мы встречаем у Е. А. Рябина⁹¹. Однако большинство учёных считают, что чудь – это собирательное древнерусское название финно-угорских племён и народов прибалтийско-финской группы (водь, весь, сумь, емь).

Меря или меряне – древнее финно-угорское племя, жившее на территории Владимирской, Ярославской, Ивановской, восточной части современной Московской, части Вологодской и западной части Костромской областей⁹². Дальнейшие исследования отчетливо намечают две территориальные группы меря: центральная, занимающая бассейн верхней р. Нерли, озер Неро и Плещеево и северо-восточная, или Костромская группа, включая северную часть Ивановской области⁹³. Северо-восточная или костромская группа меря занимала некоторые территории Костромы, Шуи, Плеса, Вохмы, Нерехты, Мантурово, Галича. Костромскую меря принято называть нелетописной, так как упоминания в летописях о присутствии меря на костромских

⁸⁷ Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / под ред. В.И. Лыткина. – М.: Наука, 1976. – С. 3–6.

⁸⁸ Березин П. С. Обитатели Среднего Поволжья с первобытных времен до наших дней // Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней: сост. Варгудин В. И. – Саратов: Надежда, 1996. – С. 21–28.

⁸⁹ В ряде древнерусских источников встречается этноним чудь как обобщенное название финно-угорских племён, проживавших на территории Поволжья и Центральной России.

⁹⁰ Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. Курс русской истории / под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. Т. 1. Ч. – С. 229.

⁹¹ Рябинин Е. А. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. – Л. 1979.

⁹² Меря // Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. М. Р. Фасмер. 1964–1973. – С. 93.

⁹³ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 244.

землях нет. О наличии мерянского населения здесь свидетельствуют топонимы: река Мера, Галич Мерский, Мерский стан и др.

Некоторые районы, населённые мерей, были выделены в особые территориальные единицы в XIII в., которые чаще всего назывались станами, население которых было приписано к какому-либо одному пункту для уплаты даней и оброков. Некоторые из станов, известных по документам XIV – XVI вв., назывались Мерскими станами (см. Приложение № 2). Вполне определённые данные имеются о трёх Мерских станах. Один из них находился около Переславля-Залесского к северо-западу от Плещеева озера, по р. Нерли, впадающей в Волгу. Отсюда этот стан в XV – XVI вв. нередко называли Нерльским. Его центром было, по-видимому, с. Мериново на р. Нерли⁹⁴. Население этой местности, сравнительно слабозаселенной и изобилующей лесами и болотами, до недавнего времени имело ряд своеобразных этнографических особенностей⁹⁵. Другой Мерский стан находился на правом берегу Волги, непосредственно около Костромы, за р. Костромой. Согласно ревизской сказке церковных причтов 1764 г., найденной В. А. Самаряновым, его северо-восточная граница проходила по р. Костроме от с. Мисково до устья, южная – по Волге, от устья р. Костромы вверх на 20 – 25 км, третья, западная граница, замыкающая треугольную по форме площадь Мерского стана, проходила за с. Саметью, у озера Великое Самецкое⁹⁶. Эта местность с озёрами и протоками, называемая нередко Костромской низменностью, соответствует хозяйству и быту мери. Она часто заливалась в половодье, так что поселения оказывались на изолированных островах. Среди поселений известна деревня Вежи в северной части Мерского стана, благодаря некрасовскому деду Мазаю. Судя по старым документам и данным последнего времени, территория костромского Мерского стана изобиловала нерусскими названиями. Ещё один Мерский стан, неоднократно упоминаемый в документах XV – XVI вв., находился на левобережье Верхней Волги около Кашина. Иногда он именовался Мерецким⁹⁷.

Территорию Костромского края во время неолита и в начале I тысячелетия до н. э. заселяли прафинно-угорские племена. В местах костромской низменности было обнаружено несколько исключительно богатых неолитических стоянок, где население группировалось компактно, и, вероятно, принадлежало одному роду. В I тыс. н. э. в Верхнем Поволжье сформировался племенной союз – меря, который граничил с территорией летописной мери: ростовской и владимирской. С другой стороны Костромской край окружён землями, на которых проживали финно-угорские народы: манси, мари, мордва. Влияние этих народов и обусловило формирование особенностей костромской (нелетописной) группы меря.

⁹⁴ Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. – Л., 1929. – С. 44–45. Цит по: Третьяков П. Н. На финно-угорских окраинах Древней Руси / У истоков древнерусской народности. МИА, 1970 (179) – С. 111–137.

⁹⁵ Смирнов М. И. По забытым путям Залесья. // Доклады Переславль-Залесск. научн.-просвет. общ. П. Залесский. 1926. – Т. 15.

⁹⁶ Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии // Древности Труды Московского Археологического общества. – М., 1875. Т. VI. – Вып. 1. – С. 48.

⁹⁷ Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV– XVI вв.– М., 1936. – С. 17.

Костромское Поволжье являлось окраинной частью дьяковской территории и было заселено гораздо слабее из-за неблагоприятных природных условий. Постоянно были заселены земли по Волге, низовья реки Костромы, побережья Галичского озера, отдельные группы в бассейне р. Унжи⁹⁸. На Галичском озере известно несколько городищ, например, селище Умиленье у деревни Толтуново, исследованное М. Е. Фосс в послевоенные годы. Здесь были обнаружены следы выплавки железа: стрелы, булавки, перст, нож, топор-кельт и др.⁹⁹ Другой район – костромская низина, ныне залитая водохранилищем. Здесь, благодаря работам К. А. Смирнова и Н. Н. Гуриной, стали известны не менее 9 памятников раннего этапа дьяковской культуры¹⁰⁰. В X – XI вв. на территорию Костромского края стали проникать племена новгородских словен, восточных кривичей. Колонизация края имела два чётко выраженных направления: со стороны Ростово-Суздальского центра с его смешанным русско-мерянским населением и со стороны новгородских земель. Первый поток переселенцев со стороны Суздальской земли двигался через Ивановскую область и осел в южной части Костромского Поволжья. Новгородская колонизация охватила первоначально северные районы области, постепенно распространяясь затем на юг. Интересно отметить, что новгородские словене, пришедшие на финно-угорские земли Поволжья, по всей вероятности уже сами могли иметь финно-угорский компонент, унаследованный от новгородских аборигенов прибалто-финнов. Проживавшее исконно на землях Костромского Поволжья аборигенное население – меря – и после прихода славян долго сохраняло самобытность и тяготение к уральскому культурному центру¹⁰¹.

Необходимо отметить два вида колонизационных потоков: во-первых, – это стихийный отход из южных княжеств Руси крестьян земледельцев, искавших плодородные почвы. Во-вторых, централизаторская деятельность русских князей в XII – XIII вв., возникновение залесских городов и распространение дани¹⁰². Славянская колонизация оказала значительное влияние на формирование смешанной культуры славянских и финно-угорских этносов.

По свидетельству учёных (Е. А. Рябинин, Е. И. Горюнова, А. А. Алексеев, А. Е. Леонтьев), культура финно-угров Костромского Поволжья значительно отличалась от материальной и духовной культуры летописной мери и по ряду признаков сближается с чудским населением севера, северо-запада и северо-востока. Культурный облик костромской группы меря близок Ветлужской группе мари, с которой она находилась в непосредственном контакте. Сейчас можно говорить более определённо, что мерянское население не было единым, но представляло собой, видимо, обширный племенной союз, делившийся подобно мордве, чувашам и марийцам, на ряд родственных между собой групп, различавшихся отдельными деталями одежды и говоривших, возможно, на различных диалектах одного мерянского или «мерьского» языка.

⁹⁸ Алексеев С. И. Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев и др. – Кострома, 1997. – С. 76.

⁹⁹ Фосс М. Е. Итоги работ Галичской экспедиции // КСИИМК – М. – Вып. XXVI. 1949. – С. 35–36.

¹⁰⁰ Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 76–77.

¹⁰¹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 240.

¹⁰² Насонов А. Н. Русская земля и образование Древнерусского государства. – М.: АН СССР, 1951. – С. 187–188.

Опираясь на исследования учёных А. Е. Леонтьева, Е. И. Горюновой, Е. А. Рябинина, мы можем выделить характерные черты Северо-восточной мери Костромского Поволжья.

Характерна малочисленность погребений в курганных группах. Курганы в Костромском крае появляются в XII в.¹⁰³ В основном встречаются незначительные размеры погребальных памятников, которые говорят о малодворном характере поселений, часто это всего одна семья. Такие могильники расположены в местах расселения одиноких усадеб – «починок на лесных рощистях»¹⁰⁴. Однако существуют сгустки могильников на трёх территориях: западной (костромской), восточной (кинешемской), центральной (колдомо-сунженской).

Для западной территории (костромской) характерны насыпи с поверхностными каменными конструкциями, венцы из валунов по основанию курганов. Все могильники расположены на возвышенностях, чаще всего на берегах речек. При захоронениях применялась северо-западная ориентировка погребений, традиция хоронить умерших с руками, сложенными на животе. Местной традицией был обычай приношения заупокойных даров – зооморфных и шумящих подвесок.

Как уже отмечено, одной из типичных черт мерянских поселений дьяковской культуры считаются так называемые «домики мёртвых» – небольшие наземные (на невысоких столбиках) деревянные сооружения, в которых были найдены обожжённые человеческие кости и наборы инвентаря. Хоронившие соплеменников под курганами славяне не могли не

отразить в своём фольклоре странный, по их представлениям, обряд погребения соседей-дьяковцев. В повести «О начале Москвы» сделан вывод о том, что один из князей, спасаясь в лесу от сыновей боярина Кучки, укрылся в «срубке», где был погребён «некоторый мёртвый человек»¹⁰⁵. «Дома мёртвых», по свидетельству одного из авторитетнейших исследователей финских древностей К. А. Смирнова, известны ещё в дьяковской культуре¹⁰⁶.

В Костромском Поволжье, как вариант «домика мёртвых» преобладает «погребение под сводом». Так называемая «заливка», впервые отмеченная Ф. Д. Нефёдовым, позднее Е. И. Горюновой и Е. А. Рябининым, считается одним из ярких элементов субстратной финно-угорской культуры¹⁰⁷.

Интересно, что погребение «под сводами» является совершенно оригинальной чертой костромских курганов. Своеобразная твёрдая «заливка» в виде свода покрывала верхнюю часть или всё тело умершего. Свод этот делался из теста, замешанного из

¹⁰³ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – С. 188.

¹⁰⁴ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. – Вып. 94. – С. 222.

¹⁰⁵ Цит. по: Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1987.

¹⁰⁶ Смирнов К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры // Российская археология. – М. – 1990. – №2. – С. 58.

¹⁰⁷ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 227, 233, 235; Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – С. 46.

глины, извести и песка. За два года раскопок Ф. Д. Нефёдовым¹⁰⁸ зарегистрировано 75 погребений под сводом, что составляет примерно около 18% общего числа раскопанных им курганов. Ничего похожего на подобную заливку в погребениях других славянских могильников нет. По свидетельству Ф. Д. Нефёдова, заливка из смеси глины, извести и песка была им встречена в основном в Костромском Поволжье. Исследования Ф. Д. Нефёдова позволяют сделать следующие выводы: почти все курганы со сводом (66 случаев из 75) содержали женские погребения; в 51 случае среди могильного инвентаря имелись зооморфные и другие «шумящие» подвески, носимые мерянскими женщинами в качестве поясных и накосных украшений; в 11 случаях со «сводом» сочеталась ориентировка погребений на Восток и Север при преобладающей у славян ориентировке погребений на Запад («на заход»). При этом важно, что курганы с ориентировкой погребений на Восток и Север составляли иногда особые группы (напр., у с. Студенец Кинешемского района); иногда (9 случаев) курганы с погребениями под «сводом» располагались не в группе, а несколько поодаль от нее, особняком. Таким образом, можно предположить, что погребения «под сводом» принадлежали не славянам, а обрусевшей мере. Процент женских погребений, в этой связи, очень показателен. Женщина, входившая в качестве жены в русскую семью, продолжала носить мерянский костюм, в котором её и погребали по обычаям её рода¹⁰⁹.

Следует отметить, что единый характер материальных элементов мерянского населения Костромского края указывает на сложение к XI – XIII вв. общей материальной культуры. К местным элементам этой культуры относятся: провололочные височные кольца с завитком на одном конце, ставшие ведущей формой украшений головного убора Костромского Поволжья; каркасные подвески с круглым основанием и шумящими привесками; колечковые и многоспиральные подвески; бронзовые копоушки; цепочки из литых цилиндрических бусин; зооморфные амулеты (полые «коньки-птицы» или «барашки», пластинчатые двуглавые коньки, пластинчатые шумящие уточки)¹¹⁰.

Религиозные представления костромской мери имеют свои особенности. Опираясь на мнение учёных Е. И. Горюновой, Е. А. Рябинина, выделим характерные черты религиозных представлений мерян. Во-первых, отмечается наличие материализованных символов божества: человекоподобные изображения идолов или антропоморфные фигурки. Во-вторых, обнаруживаются элементы шаманства в форме «волхования», встречаются материальные аксессуары шаманских действий. В-третьих, для мерянских территорий характерно наличие капищ – закреплённых мест для моления. В-четвёртых, присутствуют стойкие тотемические представления: встречаются зооморфные фигурки-обереги, зооморфные изображения и символы (конь, водоплавающие птицы, змея, медведь). Таким образом костромская меря вполне родственна летописной, но в связи с влиянием на неё других финно-угорских этносов,

¹⁰⁸ Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т. 3. – С.161.

¹⁰⁹ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. Вып. 94. – С. 233–234.

¹¹⁰ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. – С. 194.

территориально близко расположенных, например мари, имела свои культурные особенности.

Таким образом, финно-угорские народы, проживавшие на территории Костромского края, оказали значительное влияние на формирование культуры края. Древняя финно-угорская культура, ставшая составной частью русской культуры, сохранилась на протяжении веков на территории Костромского края и составила его культурное наследие.

Стремление российского общества к «обретению корней» повлекло за собой увеличение исследований по проблеме места и роли финно-угорских народов в российской жизни и выдвинуло на одно из первых мест в науке, политике, публицистике вопросы изучения и популяризации культурного наследия, которые способствуют дальнейшему развитию общества.

§ 2. Первая половина XIX в. – период сбора и анализа учёной общественностью Костромского края материалов о финно-угорских народах

Первые обращения учёной общественности к древней истории Костромского края можно отнести ко второй половине 70-х гг. XVIII в. Этот период изучения истории Костромского края связан с деятельностью костромского дворянина Николая Степановича Сумарокова. Он родился в 1727 г. в семье костромских помещиков Степана Матвеевича и Анисьи Петровны, урожденной Текутьевой. С 1748 г. Николай Степанович служил в гренадерском полку, участвовал в Семилетней войне 1757 – 1762 гг. Выйдя в отставку, он поселился на родине в Костроме, где был предводителем дворянства с 1775 по 1778 гг. Будучи профессиональным военным и патриотом, Н. С. Сумароков интересовался историей Костромского края, в течение двенадцати лет изучал документы, собирал материалы. Результатом этой деятельности стал труд Н. С. Сумарокова «История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым»¹¹¹. Н. С. Сумарокову принадлежит первая версия об основании города Костромы «...при устье безымянной речки, впадающей в Волгу», которое, по его мнению, весьма понравилось Юрию Долгорукому¹¹². Речь идёт о месте слияния рек Волги и Костромы. Обращаясь к древней истории города, особое внимание Н. С. Сумароков уделяет этническому составу населения: «...от всюду к населению сего города стекалось множество народа, даже болгар, мордвы, венгров» – это связано с немалыми суммами, выделенными на построение города из казны. Следует подчеркнуть, что он выделяет финно-угорский компонент в составе автохтонов. Говоря о значении научной деятельности Н. С. Сумарокова, исследователь А. А. Севастьянова отмечает новый подход к историописанию, который отличает

¹¹¹ КГИАХМЗ. Рукописный фонд. КОК 1273. Сумароков Н. С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии [рукописная копия]. Л. 4. В ОР РЭМ сохранилась копия, снятая В.И. Смирновым с рукописи Н.С. Сумарокова «Краткое историческое известие о городе Костроме...» Ф.2. Оп. 2. – Д. 73. – Л. 4.

¹¹² Там же. – Л. 4.

обширные источниковые материалы с точными ссылками, анализ трудов других историков, попытки построить периодизацию истории края¹¹³.

Значительной фигурой среди костромских исследователей можно считать вице-губернатора Костромы Ивана Константиновича Васькова, родившегося в 1746 г. в семье надворного советника. Его военная карьера началась со служения адъютантом при генерал-фельдмаршале И. П. Салтыкове. По мнению Е. В. Сапрыгиной, научный интерес к истории Костромского края у И. К. Васькова возник в связи с поручением И. П. Салтыкова собирать сведения об истории Костромского края¹¹⁴. Обращаясь к устным и документальным источникам, И. К. Васьков поставил цель сделать их достоянием последующих поколений, и в 1792 г. выйдя в отставку, занялся изданием своего труда «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым»¹¹⁵. Это целостное и законченное сочинение принято считать одним из самых первых исторических и историографических описаний Костромского края.

К началу XIX в. интерес к отечественной истории, в том числе местной стал вполне очевидным. Академией наук были организованы экспедиции внутри страны с целью исторического, естественно-географического, этнографического изучения, заявили о себе научные общества. При Московском университете в 1804 г. было организовано первое в российской империи научное историческое Общество истории и древностей Российских. Первоначально общество было создано для публикаций летописей и древних актов. С 1837 г. началась его исследовательская и издательская работа. Во главе Общества были О. М. Бодянский, И. Д. Беляев, А. Н. Попов, Е. В. Барсов. Почётными членами Общества стали историки, археографы и архивисты И. Шлёцер, А. И. Мусин-Пушкин, А. Ф. Малиновский, Н. М. Карамзин, Н. Н. Бантыш-Каменский. К 1833 г. в обществе состояло всего 118 человек, в том числе И. М. Снегирев, П. М. Строев, П. П. Свиньин и другие – представители учёной общественности Костромского края. Общество издавало «Чтения в Обществе истории и древностей российских». В 1820 г. был создан Румянцевский кружок, который имел тесные контакты в различных губерниях с любителями истории своего края. В 1834 г. впервые была открыта Археографическая комиссия при департаменте народного просвещения в Санкт-Петербурге, на которую были возложены обязанности по выявлению и изданию исторических источников по русской истории с древнейших времён до конца XVII в.

В начале XIX в. начинает формироваться активная исследовательская деятельность учёной общественности. Среди первых исследователей этого периода можно выделить Павла Петровича Свиньина, Михаила Яковлевича Диева, Александра

¹¹³ Севастьянова А. А. «Любезным моим согражданам...» Первый костромской историк Николай Сумароков //Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. – Кострома, 1995. – Вып.3. – С. 105.

¹¹⁴ Сапрыгина Е. В. Стражи времени. – Кострома: \Промдизайн-М, 2003.– С. 102 – 103.

¹¹⁵ Васьков И. К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым. – М., 1792; Описание Костромского наместничества вообще. Рукопись. 1792. // Санкт-Петербургский филиал Института отечественной истории Российской Академии наук. Архив. Коллекция 115. № 603.

Дмитриевича Козловского, мировоззрение которых отражало идеалы развивающегося в этот период направления – романтизма. Как известно, романтики стремились ко всему необычному, отвергая повседневную жизнь современного цивилизованного общества как бесцветную и прозаическую. Их привлекали народные предания и народное творчество вообще, минувшие исторические эпохи. Их интересовали необыкновенные и яркие картины природы, жизнь, быт и нравы стран и древняя история своего народа.

Павел Петрович Свиньин родился в 1787 г. в усадьбе Ефремово Галичского уезда Костромской губернии. Матерью его была Екатерина Юрьевна, урожденная Лермонтова, родная сестра деда великого поэта М. Ю. Лермонтова – Петра Юрьевича Лермонтова. Павел Петрович Свиньин большое внимание в своём журнале «Отечественные записки» уделял истории родного Костромского края.

Именно П. П. Свиньин первым обратил внимание учёной общественности на то, что культура Костромского края отличается своеобразием, особенно некоторые его территории, например г. Галич Мерский. Известные писатели, издатели, журналисты, историки, коллекционеры прислушивались к его мнению. После издания в 1830-е гг. книги «Картины России и быт её разноплеменных народов»¹¹⁶, уже после смерти автора, широкий круг читателей узнал о древней истории и самобытной культуре г. Галича.

П. П. Свиньин с полной уверенностью заявлял о принадлежности галичского населения к финно-угорскому этносу. «Нет никакого сомнения, что Галич лежит на земле мерячей, народа некогда могущественного. В Галиче удержался язык Мерячей, известный под именем Елманского, и некоторые урочища, сёла и города. В Костромской губернии носят ещё названия, данные первобытными обладателями сих стран, как то реки: Нея, Шуя, Андоба, Идоса, Кусь, озера: Неро, Нико, Рамин; села Шебано, Емена, Юхоть, Кледем, Ликурга; города: Нерехта, Кинешма, Чухлома и проч.»¹¹⁷.

Посещая Галич, Павел Петрович вёл записи местных традиций, обычаев, преданий. Многие из них указывают на финно-угорское проживание в древности на земле Галича финно-угорских племён: «...на Поклонной горе (по Архангельской дороге) располагалась *кумирня мерячей*, в которой поклонялись идолу Яриле»¹¹⁸. Следует отметить, что автор указал на наличие «кумирни мерячей», а имена идолов употребил славянские: Ярило и Купава. Это обстоятельство подтверждает взаимовлияние культур и слияние культовых традиций, на что обращал внимание и историк В. О. Ключевский. «Сохранились взаимодействия русских пришельцев и финских туземцев в области религиозных поверий. То и другое племя нашло в своём мифологическом созерцании подобающее место тем и другим верованиям, финским и славянским, языческим и христианским. Боги обоих племён поделились между собою полюбовно: финские боги сели пониже в бездне, русские повыше на небе, и так, поделившись, они долго жили дружно между собою, не мешая одни другим, напротив, даже, – умея, ценить друг друга. По мере сближения обоих племён это различие,

¹¹⁶ Свиньин П. П. Картины России и быт разноплеменных её народов. – СПб: типография Н. Греча, 1839. Ч.1.

¹¹⁷ Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Ч.1. (с иллюстрациями автора). – СПб: типография Н. Греча, 1839. – С. 170.

¹¹⁸ Свиньин П. П. Указ. соч. – С. 174.

очевидно, всё более сглаживалось в сознании смешанного населения, образовавшегося вследствие этого сближения»¹¹⁹.

Описывая Туровскую гору¹²⁰ на противоположном берегу Галичского озера, П. П. Свиньин отметил: «Нет сомнения, что это название уцелело ещё от первобытных народов, имевших на вершине исполинского кургана языческую кумирню»¹²¹.

По приезду в Галич П. П. Свиньин вел зарисовки с натуры костюмов галичанок за 1838 г. Особый интерес представляют головные уборы в виде высоких конусообразных или ромбовидных кокошников на широкой подвязке, закрывающей лоб и волосы галичанок¹²². Это тип однорогого кокошника. Кокошники украшены камнями и узором, дополняют костюм длинные серьги, напоминающие мерянские шумящие подвески. Убор отличается закрытостью головы, что соответствует финно-угорским традициям.

Когда в 1835 г. был найден знаменитый «Галичский клад» на северном берегу Галичского озера близ с. Туровского, именно П. П. Свиньин, как наиболее опытный знаток древностей, дал объяснение находке, составив «Краткую записку о древностях, найденных близ города Галича», для губернского статистического комитета. Свиньин П. П. опубликовал рисунки находок этого клада и уточнил время его обретения, по его сведениям, это был 1835 г.

П. П. Свиньин был первым, кто попытался подойти к анализу финно-угорских традиций через сопоставление с топонимическими данными, местными верованиями, бытовыми особенностями.

На 40-е гг. XIX в. приходится активная деятельность костромского и вичугского краеведа, фольклориста, писателя князя Александра Дмитриевича Козловского. Александр Дмитриевич Козловский происходил из древнего княжеского рода, ведущего свое начало от князя Рюрика. Детство его прошло в костромском родовом имении в селе Борщовка на Волге. В Костромском архиве сохранился документ, свидетельствующий о том, что с 1810-го по 1817-й гг. велось дело отца Александра Дмитриевича Д. Н. Козловского: «Об установлении дворянского происхождения и внесения в Родословную книгу» девяти его детей и княгини Прасковьи Тимофеевны Козловской¹²³, из которого видно, что дети получили княжеское достоинство. На гражданской службе он был предводителем дворянства г. Плеса, а затем г. Кинешмы. На чрезвычайном заседании «Общества Истории и Древностей Российских» 8 марта 1829 г. Александр Дмитриевич был принят членом-соревнователем в это общество¹²⁴. Из фольклорных записей А. Д. Козловского широкую известность получили собранные

¹¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти т. Курс русской истории /под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль, 1989. Т. 1. Ч. 1. – С. 297.

¹²⁰ В 1923 г. Галичскую стоянку (XIII – VIII вв. до н. э.) у с. Туровское исследовали Л. Н. Казаринов и В. И. Смирнов и подтвердили предположения П. П. Свиньина о древности галичской культуры.

¹²¹ Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Ч.1. (с иллюстрациями автора). – СПб.: типография Н. Греча, 1839. – С. 174.

¹²² Там же.

¹²³ ГАКО. Ф. 121. Оп.1. Д. 604. Л. – 1.

¹²⁴ Титов А. А. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. – М., 1892. – С. 24.

им свадебные песни, напечатанные в сборнике «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» под редакцией профессора И. М. Снегирева.

Его работа «Взгляд на историю города Костромы»¹²⁵ впоследствии послужила фундаментом для многих историко-краеведческих работ, стала основой для Памятной книжки на 1862 г., нашла отражение в «Материалах для географии и статистики России. Костромская губерния» Я. Крживоблоцкого¹²⁶. А. Козловский указывал на наличие мерянского населения в Костроме, вместе с тем, как считает ряд исследователей, его суждение о принадлежности мерян славянскому этносу было ошибочным. Он писал: «Страна, занимаемая теперь Костромью, вероятно обитаема была народами славянского поколения, именовавшимися меря»¹²⁷.

В 1840 г. А. Д. Козловский познакомился в Костроме со священником Михаилом Яковлевичем Диевым – известным исследователем костромской старины. В 1842 г. Козловский написал М. Я. Диеву письмо и послал экземпляр своей книги «Взгляд на историю города Костромы». Но только что начавшаяся переписка неожиданно оборвалась. В 1845 г., находясь на службе в г. Юрьевце в должности уездного судьи, А. Д. Козловский скончался.¹²⁸

Огромная роль в изучении истории Костромского края принадлежала историку и выдающемуся костромскому краеведу, священнослужителю, активному члену Московского общества любителей российской словесности, Московского общества истории и древностей российских Михаилу Яковлевичу Диеву. Вся жизнь Михаила Яковлевича прошла на Нерехтской земле. Многие из его исследований посвящены изучению старины и быта Нерехтского уезда Костромской губернии.

М. Диев родился в семье священника в с. Тетеринском Нерехтского уезда Костромской губернии. Он закончил Костромскую Духовную семинарию, находившуюся в Ипатьевском монастыре и имевшую хорошую библиотеку, которая способствовала его занятиям историей края. Огромное влияние на будущего историка-краеведа оказал талантливый историк и литератор, директор училищ Костромской губернии Ю. Н. Бартенев, он стал первым критиком его трудов. Личность М. Я. Диева многогранна. Он известен как опытный священнослужитель. Долгие годы М. Я. Диев прослужил протоиереем в Троице-Сыпановом монастыре г. Нерехты. Одновременно он был с 1827 г. законоучителем и наблюдателем преподавания Закона Божия в Нерехтских мужском и женском училищах. В памятной книжке за 1857 г. мы находим сведения: Законоучитель, священник Троицкой церкви в Сыпановой слободе, Михаил Яковлевич Диев¹²⁹. Наряду со служебными обязанностями он с большой любовью отдавался научным занятиям по изучению родной старины вообще и костромской в

¹²⁵ Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М.: типография Н. Степанова, 1840.

¹²⁶ Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. – СПб., 1861.

¹²⁷ Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. – Кострома: Губернская типография, 1885. – С. 1.

¹²⁸ Любимов А. А. Народные праздники, поверья и предания сельских жителей Костромского Поволжья. Фольклорный сборник, 2000.[Электронный ресурс].URL: // http://vichugahronograph.narod.ru/Folk01/Lubimov_text.htm.

¹²⁹ Памятная книжка Костромской губернии на 1857 год. – Кострома, 1857. – С. 36.

особенности. Для нас особый интерес имеет общественная жизнь М. Диева, связанная с деятельностью в научных обществах краеведческого характера. Как известно, М. Я. Диев был активным членом- корреспондентом Костромского губернского статистического комитета, членом Московского общества любителей российской словесности и действительным членом Московского общества истории и древностей российских. Вся жизнь Михаила Яковлевича прошла на Нерехтской земле, поэтому многие его исследования посвящены изучению старины и быта Нерехтского уезда Костромской губернии. В «Московских ведомостях» напечатаны протоколы заседаний Общества истории и древностей российских (ОИДР), из которых видно, что в 1829 г. в Общество принят нерехтский священник отец М. Диев. Надо уточнить, что первоначально он был признан соревнователем, то есть кандидатом общества, и только в 1832 г. признан действительным членом Императорского общества Истории Древностей Российских.

В мае 1830 г. М. Я. Диев стал сотрудником Общества любителей русской словесности. С этого времени он начинает кропотливо собирать пословицы и поговорки Костромского края, записи народных песен, описания обычаев и обрядов. В круг его интересов входит древняя история нерехтской и галичской земли. В Сыпанове обнаружился ценный архив некогда бывшего там монастыря и в нём – редкие исторические источники. Это был не единственный случай. Диев часто ездил по окрестным сёлам, много беседовал с местными жителями, будучи священником и учителем имел богатый опыт общения. М. Диев коллекционировал древние рукописи, редкие монеты. В 1835 г. он построил храм преподобного Пахомия: «нынешним летом особенно развлечён был я постройкой церкви над гробом пр. Пахомия...».¹³⁰ В 1842 г. М. Я. Диев был приглашен в качестве сотрудника в комиссию, учреждённую при Святейшем Синоде для исправления и пополнения истории российской иерархии, однако активная краеведческая деятельность не одобрялась Костромским архиереем, что доставляло множество проблем М. Диеву. В то же время за свои учёные труды он удостоивался благодарности от попечительства Московского учебного округа, от министра народного просвещения. Участие М. Я. Диева в деятельности ИОДР было весьма плодотворным, «почитая обязанностью всякую рукопись достойную внимания представлять в достопочтеннейшее Историческое Общество...»¹³¹ Кроме того, что Михаил Яковлевич посылал материалы для изданий общества, выходили и отдельные его труды, в том числе касающиеся древней истории и культуры Костромского края¹³². О находках М. Я. Диев сообщает в письмах учёным-археографам – митрополиту Евгению (Болховитинову), графу А. С. Уварову, С. П. Шевырёву, А. Ф. Малиновскому

¹³⁰ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857 гг. – М., 1909. – С. 72.

¹³¹ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857 гг. – М., 1909. – С. 34.

¹³² О селе Ликурге // Труды и Летописи ОИДР. – 1833. – Т. VI. – С. 124–130. Некоторые черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда, Костромской губернии // Чтения в ОИДР. – 1845–1846. – Кн. 2, IV. Смесь. – С. 19 – 26; Какой народ в древние времена населял Костромскую сторону и что известно об этом народе? // Чтения в ОИДР. – 1845. – Кн. IV. – С. 167–178.

и др. Из письма последних лет М. Я. Диева секретарю ИОДР, писателю, переводчику, поэту, издателю древнерусских исторических памятников О. М. Бодянскому следует, насколько насыщена была жизнь М. Я. Диева: «Сколь ни глубоко проникнут я чувством признательности, но снедаюсь совестью, что, получая все издания Общества, нимало не заслуживаю сего. Сколько бы ни желал я участвовать чем-либо в трудах Общества, но, право, не имею времени, будучи постоянно занят по Синодальной Комиссии о поправлении Истории Российской Иерархии, особенно с того времени, как за поверку иерархических каталогов с летописями и актами награждён был повышением моего сана»¹³³.

По свидетельству биографа М. Я. Диева Т. Б. Кастальевой он «не только сам занимался собиранием документов и исследованием прошлого своей родины, но и старался заинтересовать этим окружавших его людей. Его переписка с соседями, родными и знакомыми показывает, как под его влиянием многие из них становились собирателями материалов родного края. Интересна переписка Диева со свояком-священником села Покровского С. В. Костровым: корреспондент Диева живо интересуется его собирательской деятельностью, просит советов, книг и все это получает безотказно»¹³⁴. Также М. Я. Диев был дружен с шуйским любителем истории края В. А. Борисовым, который делился этнографическими и фольклорными находками с Диевым¹³⁵.

Необходимо также отметить, что М. Диев собрал прекрасную библиотеку, состоящую из книг духовного содержания и краеведческих работ, касающихся истории г. Галича, Буя, Любима, Чухломы, Солигалича, Шуи и др. Учитывая его пастырское служение и преподавательскую деятельность, можно предположить, что его библиотекой пользовались местные жители, что способствовало популяризации краеведческих знаний.

М. Я. Диева на протяжении всего жизненного пути интересовало финно-угорское наследие Костромского края. Его глубоким убеждением было осознание большого влияния на культуру Костромского края финно-угорских традиций.

В 1846 г. вышла в свет одна из первых работ Михаила Яковлевича Диева, посвящённая этнографии, традициям Костромского края – «Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда»¹³⁶. В данной работе М. Я. Диева содержатся интересные этнографические сведения о некоторых местных традициях, например, о бытовании кокошников в качестве свадебного головного убора. М. Я. Диев писал, что в Нерехтском уезде (в первой половине XIX в.) после венчания молодой подавали на блюде кокошник, приговаривая при этом: «Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!»¹³⁷. Речь идёт о головном уборе, известном и сегодня под своим древнейшим названием – кокошник. Название имеет финское происхождение: «кёкко» – «курица», «кокош» – «петух»; старофинский термин применительно к домашним птицам использовался наряду с

¹³³ Титов А. А. Указ. соч. – С. 9.

¹³⁴ Кастальева Т. Б. История учёного протоиерея М. Диева, рассказанная им самим. – М., 2008 – С. 46.

¹³⁵ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857 гг. – М., 1909. – С. 68.

¹³⁶ Диев М. Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // ЧОИДР. – М., 1846. – № 2.

¹³⁷ Диев М. Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // ЧОИДР. – М., 1846. – № 2.

привычными сегодня русскими как минимум до XVII в.¹³⁸, а в поговорках он сохранился и по сей день – подобно тому, как до сих пор используется в провинции термин «кока» (родная сестра матери или крёстная мать). Курица была у финских народов особо почитаемой птицей за её плодовитость, и такая ассоциативная привязка должна была способствовать выполнению женщиной в обществе её главной репродуктивной роли. В финских материалах Верхнего Поволжья, в древних погребениях и иных археологических комплексах, имеются доказательства наличия кокошников¹³⁹.

Особое влияние на формирование М. Диева как историка и краеведа оказал Иван Михайлович Снегирёв, секретарь Московского общества истории и древностей российских, русский историк, этнограф, фольклорист, археолог, искусствовед, член-корреспондент Петербургской Академии наук, профессор Московского университета. Кроме того, И. М. Снегирев с 1819 г. состоял членом Общества любителей Российской словесности, членом которого с 1830 г. стал и М. Диев. «Читая Труды Общества Российской Словесности, как я обрадовался, когда я узнал, что и там вы занимаете значительное место! Осмелюсь сказать, что мне весьма приятно следить и сим незнакомым путём, когда я уверен, что и здесь внимание ваше»¹⁴⁰. Таким образом, двух любителей истории объединяет деятельность в научных обществах, о чём говорит длительная переписка М. Я. Диева с И. М. Снегирёвым, продолжавшаяся с 1830 г. по 1857 г. Конечно И. М. Снегирёв, находясь в столице, по мере сил покровительствовал М. Я. Диеву, который вёл тяжелую жизнь учителя, деревенского священника, отца большого семейства. Тем более И. М. Снегирёв ценил творческое рвение М. Диева, его глубокий ум и бесконечную преданность краеведению.

Впервые переписка была опубликована только в 1909 г. Ввёл её в научный оборот после смерти М. Я. Диева ростовский краевед, также член Общества истории и древностей Российских А. А. Титов, опубликовавший значительную часть переписки и воспоминания, написанные М. Я. Диевым¹⁴¹. Переписка даёт ценные сведения о жизни протоиерея, краеведа, учёного и общественного деятеля М. Диева. Даёт представление о его нелёгкой, но наполненной активным творчеством жизни. Также переписка служит источником информации для изучения финно-угорского культурного наследия Костромского края.

В письмах М. Я. Диев посылал И. М. Снегиреву материалы для его работ: «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» и «Русские народные пословицы и притчи»¹⁴². Эта переписка интересна для нас тем, что содержит

¹³⁸ Подтверждение финской основы и обоснование названия кокошника даёт современный историк, археолог П. Н. Травкин, исследуя плёские костюмы. Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 229 – 230.

¹³⁹ В непосредственной близости от Плеса обнаружены следы кокошников среди остатков костюма VII в. на Алабужском городище. Травкин П. Н. Древний костюм Ивановского края. Раннее средневековье. – Иваново, 1999. – С. 34 – 35.

¹⁴⁰ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857 гг. – М., 1909. – С. 25.

¹⁴¹ Там же. – С. 64.

¹⁴² Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. – М. Университетская типография, 1839. Вып. 4.

конкретные данные о характерных нерехтских традициях, обрядах и фольклоре. Она является авторитетным источником для изучения межкультурных взаимодействий финно-угорских и славянских этносов, проживавших в Нерехтском крае. Собирая сведения о современных ему православных праздниках и обрядах, М. Я. Диев вскрывал отголоски древнейших форм верований и черты архаических религиозных систем, уходящих корнями в финно-угорские и славянские мифологические представления.

М. Я. Диев в переписке сопоставлял нерехтские свадебные обряды и мордовские. При описании нерехтской свадьбы, рассказывая о покупке дружкой места за столом для свахи, М. Я. Диев отмечал: «Купивши место, дружка кладет под жениха и невесту овчину шерстью вверх, а отец невесты, взявши большой пирог со стола, оным касается жениха и невесты и их сажает обоих вместе»¹⁴³. М. Я. Диев уточняет: «Этот обряд и у Мордвы, только с тем различием, что там отец женихов концом пирога поднимает у невесты покрывало, говоря: будь счастлива к хлебу, скотине, семье»¹⁴⁴.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, упоминавшаяся М. Я. Диевым, традиция сажать жениха и невесту на шкуру животного. Можно предположить, что данный обряд связан с культом животных, в частности с культом медведя – особо почитаемого у финно-угров. В церкви, во время венчания, постилали молодым под ноги камку или ковер. «При входе в дом каждый из молодых старался первым встать на ковёр. Кто первым встанет, того будет власть»¹⁴⁵. Здесь просматривается и пожелание молодым достатка от охоты и, конечно же, покровительство священных животных. После свадебного застолья тысяцкая, надев на себя две шубы: одну – как должно, другую навыворот, осыпала молодых и кормила их жарким на постели¹⁴⁶. Подобное межэтническое сопоставление характерно и для культа Велеса, который распространён на мерянских и мордовских территориях. М. Я. Диев писал, что в Ростове и Переяславле его «чтили в камне», то есть изображали в виде большой каменной глыбы: «...почитаю не излишним заметить, что у нынешней Мордвы, потомков Ростовской Мери, переселившейся за Оку и смешавшейся с Мордвою, доселе языческий праздник, совершаемый Мордовцами летом, называется Вел-Осос. У нас в 2 верстах от Нерехты под деревнею Иголкиной среди реки Нерехты есть странный камень, видом как бочка ведер в двадцать пять и как бы с насеченными обручами; простой народ рассказывает, что те, кои осмеливались пить воду близ этой бочки, впадали в сумасшествие. Этот камень на самой дороге, где переезжают реку, и я молодой несколько раз проходил мимо его; не Велес ли наших Нерехтчан?»¹⁴⁷ Поклонение камням принято связывать с наследием древних финно-угорских народов. У синих камней меряне устраивали сходы, моления, жертвоприношения (хлеб, плоды, ягоды). Это были своего рода святилища,

¹⁴³Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857. – М., 1909. – С. 90.

¹⁴⁴Там же. – С. 91.

¹⁴⁵ Там же.– С. 164.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857. – М., 1909. – С. 546, 703.

как и родники, священные рощи¹⁴⁸ и т. д. Факт почитания языческих богов, воплощённых в камне на территории Костромского края впервые отмечен М. Я. Диевым¹⁴⁹.

В переписке интересны выводы, которые касаются сходства погребального обряда у финно-угорских народов. М. Я. Диев писал: «К доказательствам, что нравы нынешней Мордвы сходны с жителями Костромской, Ярославской и Владимирской губернии, осмеливаюсь присоединить и то, что те и другие одинаковым почти образом отправляют поминки по своим сродникам. В родительскую Дмитриеву субботу Мордва собирается на свои кладбища с блинами и пивом, которые едят и пьют, сидя на могилах своих сродников; с малой почти разностию празднуется родительская суббота крестьянами около Галича, Буя и Макарьева, они приносят в церковь также блины, оладьи и опекушки, с коими выходят на могилы и над которыми священники совершают панихиду»¹⁵⁰. Автор стремился подчеркнуть родство двух финно-угорских народов: меря и мордва при помощи сопоставления традиций.

В одном из писем И. М. Снегирёву упоминается об особо почитаемом в Нерехте празднике «Никольщине». Это празднование 19 декабря дня памяти Святителя Николая Чудотворца. В Костромском крае Николай Чудотворец был особо почитаемый святой: почти в каждом селе – престол, и уж конечно в каждой избе – икона¹⁵¹.

М. Я. Диев писал, что на «Никольщину» устраивалась знаменитая складчина: крестьяне всего села складываются, варят пиво, ставят всем миром в церкви свечу и правят молебен о ниспослании на них всех благ. После чего угощают всех брагой, пивом, пирогами. Остатки раздаются нищим. В совершении христианского обряда памяти Святителя Николая в Костромском крае, можно обнаружить явные языческие мотивы¹⁵². Православный молебен Святителю и панихида по умершим родителям перемежались с языческими обрядовыми действиями жертвоприношения: собирали деньги на пиво Николаю Чудотворцу, подвязывали к потолку пивовара, чтоб тот отдал

¹⁴⁸ В виде каменной головы медведицы изображали богиню Макошь северные финские народы. Леонтьев А. И., Леонтьева М. В. Неведомые земли и народы севера. – М.: Вече, 2009.

¹⁴⁹ Топоним «синий камень» современные исследователи считают индикатором мерянской территории (Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Заонежье как периферия топонимных ареалов Карелии / Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск: Кижи, 2007. – С.248; Сазонов Л. Мерянские «Синие камни» / Эрзянь Мастор. – 2005. – №209. – 16. 05.

¹⁵⁰ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857. – М., 1909. – С. 703.

¹⁵¹ В православном акафисте Святителю Николаю звучит связь с морской пучиной и власть его над водным и подводным царством.: «По земле путешествующим и по морю плавающим... утопающих известное хранилище, треволнение морские управляющий». Православный молитвослов. – М.: Даниловский Благовестник, 1995. – С. 77.

¹⁵² По мнению Б. А. Рыбакова, А. Голана, образ Николая Чудотворца наложился на образ языческого бога Велеса, известного охотничьим финно-угорским народам, и именно он выполнял функции спасающего на воде. А. Голан возводит Велеса к Чернобогу, поэтому его почитание сопровождалось плясками, песнями и особо винопитием. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981; Голан А. Миф и символ. // Великая богиня [Электронный ресурс] 123с. [сайт] 2011. URL: <http://astrovic.ru/>.

последний ушат пива. В письмах М. Я. Диева читаем: «...когда кто в семье не может, то таковой обещается по выздоровлении сделать Никольщину. Выздоровев, в своем околотке собирает Николе на пиво, которое там варит особый повар»¹⁵³. В подтверждение высказанного М. Я. Диевым вывода о древней языческой основе праздника «Никольщины» на основе анализа источников можно отметить, что в Костромском крае было принято изображать Николая Чудотворца в скульптуре. Например, в экспозиции Нерехтского краеведческого музея расположена скульптура Святителя Николая Чудотворца¹⁵⁴.

Важный аспект переписки – это размышления о елтонском наречии, которое, по мнению М. Диева, имело мерянские основы. Приведём отрывок письма М. Я. Диева к И. М. Снегирёву: «В названии городов Костромской губернии доньше слышатся слова елтанского наречия, что служит доказательством древности онаго, так например: Галич, Кострома, Кинешма и Пучеж. Слово елтанское галь, многолюдный, обширный, кажется, дало название нашему Галичу. Доселе по-елтански губернский или большой город называется костр галь, или кострыга галея. Вероятно, что и название Костромы одолжено словам: елтанскому костр, город, иначе кострыга или кострыга, и мордовскому маси, хороший, красивый, таким образом костромаси значит город красивый»¹⁵⁵. Из приведённых высказываний видно, что переписка М. Я. Диева и И. М. Снегирёва изобилует фактами этнических параллелей в мордовских, мерянских и других финно-угорских культурах.

Иван Михайлович Снегирёв был чрезвычайно благодарен М. Диеву за присылаемые сведения и помощь в сборе материалов для его работ. Он высоко оценивал деятельность М. Я. Диева в ОИДР: «Ваши труды у меня пред глазами и на душе...занятия ваши отечественною историею и древностями делают вам истинную честь, а науке пользу... Если б Историческое общество имело в разных местах России подобных вам сотрудников, оно много бы приобрело собранием и соображением местных, частных сведений, из коих можно бы составить общее...Ваше описание Нерехтской старины в разных отношениях есть академический подвиг и шаг вперед»¹⁵⁶.

Из писем видим, что на заседаниях ОИДР (Общество истории древностей российских) представлялись труды М. Я. Диева: «О последнем заседании Исторического общества, где представлены были ваши сочинения, вы прочтете в газетах»¹⁵⁷.

К этому же периоду относится занятие Михаилом Яковлевичем составлением «Костромской вивлиофики» (1845 – 1847 гг.)¹⁵⁸. В настоящее время рукопись хранится в

¹⁵³ Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857. – М., 1909. – С. 90.

¹⁵⁴ КГИАХМЗ. КОК 17318. Скульптура Св. Николая.

¹⁵⁵ Титов А. А. Указ. соч. – С. 24–25.

¹⁵⁶ Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830–1857. – М., 1909. Письмо И. М. Снегирёва от 19 декабря 1831 г. – С. 13–23.

¹⁵⁷ Там же. Письмо И. М. Снегирёва от 13 февраля 1831 г. – С. 13–23.

¹⁵⁸ ЦИАМ КОК 24738. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845–1847 гг.

Церковном историко-архитектурном музее. Это рукопись насчитывает 1250 страниц¹⁵⁹. На данный момент изданы только небольшие отрывки рукописи. Содержание её сводится к собранию старинных грамот, разных рукописей и надписей, относящихся к Костромскому краю. Одной из главных тем рукописи является агиографический материал – жизнеописание костромских святых. Описания М. Я. Диева переплетаются с выдержками из исторических документов: грамоты, летописи, фрагменты писцовых книг. Существенная часть вивлиофики посвящена истории городов Костромской губернии: Юрьевцу, Судаю, Костроме, Галичу, Чухломе, Нерехте и т. д. Неоднократно автор, обращаясь к историческим фактам, описывал некоторые города Костромской губернии, регистрировал субстратные топонимы. Есть упоминания о марийском и мерянском населении. Например, «...князь Андрей женился у Ветлужского и Хлынова города»¹⁶⁰; «Приходил князь Никита Иванович с Лугового Черемисского на Галичского князя Андрея Федоровича»¹⁶¹.

Большая часть публикаций М. Я. Диева нашла отражение на страницах «Костромских губернских ведомостей», поскольку он был признан членом-корреспондентом костромского статкомитета.

Таким образом, учёная общественность Костромской губернии в первой половине XIX в. делала первые шаги по изучению финно-угорских древностей и осознавала необходимость распространения этих знаний среди широкой общественности в связи с растущим интересом к истории края. Отметим, что первые работы по истории Костромского края отличались весьма низким уровнем, поскольку были написаны не профессионалами, а любителями. Особое значение имела общественная деятельность М. Я. Диева как члена научных обществ, краеведа, коллекционера, автора публикаций.

Первая половина XIX в. – период формирования исследовательского интереса учёной общественности Костромского края к сбору и анализу материалов, касающихся финно-угорских народов, населявших территории Верхнего Поволжья.

Среди первых исследователей, проявивших научный интерес к истории Костромского края, был вице-губернатор Костромы И. К. Васьков. Работу «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. Сочиненное полковником Иваном Васьковым» можно считать одним из первых исторических описаний г. Костромы.

Огромная заслуга в изучении истории Костромского края принадлежала П. П. Свиньину. П. П. Свиньин был первым среди исследователей-краеведов, кто попытался подойти к анализу финно-угорских традиций через сопоставление с топонимическими данными, местными верованиями, бытовыми особенностями.

Большая заслуга по изучению родной старины вообще и Костромской в особенности принадлежала историку-краеведу М. Я. Диеву, священнику Троицкой церкви в Сыпановой слободе. М. Я. Диева на протяжении всего жизненного пути интересовало финно-угорское наследие Костромского края. Его глубоким убеждением было осознание большого влияния на культуру Костромского края финно-угорских традиций.

¹⁵⁹ Хранителем фондов музея Сапрыгиной Е. В. была определена по штемпелям датировка документа. Сапрыгина Е. В. Стражи времени. – Кострома: Промдизайн-Н, 2005. – С.357.

¹⁶⁰ ЦИАМ. КОК 24738. – Л. 60. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845 – 1847 гг.

¹⁶¹ Там же. – Л. 60.

Все учёные-краеведы состояли в том или ином научном обществе как общероссийского, так и регионального уровня. Так, членами научно-исторического «Общества Истории и Древностей Российских» при Московском университете были И. М. Снегирёв, П. П. Свиньин. М. Я. Диев был активным корреспондентом Костромского губернского статкомитета, а также членом Московского общества любителей российской словесности и действительным членом Московского общества истории и древностей российских. Связь с общероссийскими обществами способствовала росту профессионального уровня любителей-краеведов и популяризации собранных материалов о финно-угорском культурном наследии Костромского края.

§ 3. Губернский статистический комитет и его мероприятия по активизации краеведческого движения в крае

Важную роль в развитии краеведческого движения в губерниях в первой половине XIX в. играли губернские статистические комитеты. Они появились в 1834 г. при Совете Министерства внутренних дел, где было учреждено особое Статистическое отделение по описанию России. Статкомитеты были призваны заниматься сбором статистических сведений в пределах губернии. Главной их задачей было обеспечение центра статистической информацией. Во главе комитета должен был стоять губернатор. Сотрудники комитета работали на общественных началах, в их обязанности входил сбор первичного статистического материала, доставка копий отчётов, других официальных сведений по ведомству и согласование сформированных годовых отчётов губернатора. Наиболее опытный член комитета занимался обработкой статистических сведений по губернии и представлением сводных отчётов в Министерство внутренних дел. Собранные сведения предоставляли возможность описания губернии в целом или отдельно некоторых отраслей хозяйства, промышленности и торговли. Несомненно, сведения из губерний имели большое значение для внутренней политики государства, особенно в экономической и демографической областях. Кроме того, комитеты могли осуществлять работы по составлению списков древних сооружений, исторических документов, собирать материалы по истории губернии.

В обязанности комитетов входила публикация статистических сведений. С 1850-х гг. статкомитеты повсеместно издавали «Памятные книжки»¹⁶². Являясь государственными объединениями общественного характера, комитеты кроме обязательной деятельности могли заниматься изучением истории края. Учитывая растущий интерес учёной общественности к историческому прошлому, комитеты объединяли вокруг себя патриотически настроенную провинциальную интеллигенцию, желающую изучать и популяризировать историю края. Деятельность многих из них была направлена на изучение губернии в историко-культурном плане, проводились

¹⁶²Романова С. Н., Глуховская И. И. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. – 1917 г.) // Вестник архивиста. 1998. – № 46–50; Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Предварительный список. – СПб.: Дм. Буланин, 2008 .

научно-исторические и краеведческие исследования, археологические, археографические, издательские работы, организовывались музеи, библиотеки. По мнению К. Е. Балдина: «Главная заслуга статистических комитетов середины XIX века заключалась в том, что они сформировали краеведческий актив в российской глубинке, который действовал и в последующие годы, когда статкомитеты уже утратили своё значение»¹⁶³. Уже к 1850 г. в 44 губернских городах появились «Губернские ведомости», публиковавшие краеведческие материалы.

Костромской губернский статистический комитет был создан в 1835 г. Первым председателем стал губернатор Александр Григорьевич Приклонский. Основная деятельность статистического комитета по сбору и обработке материалов по Костромской области отражена в журналах заседаний Костромского статкомитета. К методам проведения статистических обследований губернской статистической службой относятся анкетирование, экспедиционный метод, саморегистрация; не являлся исключением и опрос населения. К сбору сведений привлекались городские головы, уездные исправники, становые приставы, волостные старшины, благочинные церкви, волостное правление¹⁶⁴. Первое заседание губернского статистического комитета в Костроме прошло 20 апреля 1835 г., на котором все члены высказались за полезность начатого дела. В 1835–1843 гг. губернским статкомитетом были проведены работы по межеванию и топографическому описанию отдельных территорий губернии: волостей, уездов, частных землевладений. При этом было дано подробное описание исторических, географических, экономических, демографических и административных особенностей территорий губернии. Это был первый научный опыт описания губернии, который дал четкое представление о границах территорий, сведения о численности и социальном составе, состоянии хозяйственной деятельности.

В 1843 г. комитетом были составлены «Ведомости» о числе посадов, сел, монастырей, деревень и жителей в Костромской губернии, «Алфавитный список деревень и селений Юрьевецкого уезда Костромской губернии» с указанием церквей, а также «Статистический обзор Юрьевецкого уезда». В 1845 г. впервые были составлены «Сведения» о лесах Костромской губернии, в 1846 г. проведены работы и составлены «Сведения» о состоянии податей, земских сборов и неокладных доходов и о количестве хлеба, употребляемого на пивоварение по Костромской губернии¹⁶⁵. На регулярно проводимых заседаниях решались вопросы методики сбора информации, улучшения качества сведений, изучался опыт других комитетов, создавались новые формы отчетности¹⁶⁶.

В 1860-х гг. появилось «Положение о губернских и областных статистических комитетах», оживившее их деятельность. Губернским статистическим комитетам

¹⁶³ Балдин К. Е. Купцы-краеведы: страницы истории изучения Ивановского края // Борисовский сборник. Вып. 1. – Иваново: Изд. дом Референт, 2009. – С. 18.

¹⁶⁴ Отчёт о деятельности КГСК за 1884 г. – Кострома: из-во Костромских губернских ведомостей, 1985.

¹⁶⁵ Шипилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX века: костромская школа. – Кострома, 2007. – С. 136.

¹⁶⁶ Журнал собрания Костромского губернского статистического комитета от 28 марта 1867 г. – Кострома, 1868. – С. 2.

предлагалось заниматься исследованиями различных направлений по развитию губернии.

В обязанности статистического комитета входил также сбор сведений об исторических памятниках. Активизации научных исследований и издательской деятельности способствовал вышедший в 1861 г. циркуляр Министерства внутренних дел за № 397, в котором указывалось на необходимость собирать сведения об исторических памятниках и истории губернии и публиковать собранный материал. Члены комитета публиковали свои работы в местных изданиях «Костромских губернских ведомостях», «Епархиальных ведомостях», а также в трудах научных обществ или съездов. Костромской комитет занимался издательской деятельностью, публикации его членов касались самых разных вопросов и тем: экономическая статистика, статистика церковных приходов, льноводство, пчеловодство и др. Выходили авторские труды отдельными изданиями. Начиная с 1860-х гг., комитет начинает выпускать «Памятные книжки. 1851–1862 гг.», «Адрес-календари»¹⁶⁷, «Костромской календарь на 1895–1908 гг.», сборник «Материалы для статистики Костромской губернии. 1870–1891 гг.»¹⁶⁸ и другие. Отдельные выпуски «Материалов...» основывались на сведениях уездных членов: И. Иванова из Варнавинского уезда, священников И. Нифонтова и И. Митинского из Солигаличского уезда, Д. Жбанова из Солигалича. Костромской губернский статистический комитет (КГСТ) имел тесные контакты с Археологической комиссией и центральными учёными обществами: Русским географическим, антропологическим, Московским археологическим обществами, которые приводили к повышению уровня историко-археологических знаний членов провинциальных обществ. Важным событием в изучении Костромского края стало издание в 1861 г. сборника «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба по Костромской губернии, составленные Я. Крживоблоцким». В этой работе приводился материал о совместных походах черемис, мордвы и татар на Кострому. «В 1467 г. казанские ханы вместе с черемисами и мордвой покушались напасть на Кострому и Галич. Князь Стрига Оболенский...гнал их до Унжи»¹⁶⁹.

В круг интересов учёной общественности КГСК, несомненно, входили вопросы древней истории, финно-угорского культурного наследия Костромской губернии. Это отражено в материалах, публикуемых КГСК. В «Памятной книжке Костромской губернии» 1862 г. были напечатаны «Исторические сведения о постепенном заселении края»¹⁷⁰. Важно, что в статье определены пути заселения края славянами и упомянуто

¹⁶⁷ Адрес-календарь лицам, числящимся на службе по Костромской губернии. Май 1871. – Кострома, 1871.

Адрес-календарь лицам, числящимся на службе по Костромской губернии. Октябрь 1871. – Кострома, 1871.

¹⁶⁸ Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Сек. Комитета В. Пирогова. – Вып.1–7. 1870–1891.

¹⁶⁹ Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Костромская губерния. – СПб: Генеральный штаб, 1861. – С. 15.

¹⁷⁰ Исторические сведения о постепенном заселении края // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским Губернским Статистическим Комитетом. – Кострома: Губернская типография, 1862.

автохтонное население края: «Три главные пути, коими совершалось постепенное заселение нынешней Костромской губернии: первый путь – движение Мери вниз, по течению Волги до Оки или Нижнего-Новгорода, в продолжении XI и XII вв.; второй путь обратный, это движение Черемис из нынешних губерний Нижегородской и Вятской; третий путь, путь Новгородский – движение славянского народонаселения из Новгородской области с севера к Галичу, Солигаличу, Чухломе и вообще к Костромскому Поволжью. В Тоншаевской волости Ветлужского уезда состоит в настоящее время более 1600 мужского и женского пола душ племени Черемис, в нравах коих, обычаях, семейном быту и в народных преданиях сохранились доселе многие особые черты, свойственные этому племени, так что ни вековые сношения с Русскими, ни влияние православной веры не могли ещё окончательно изменить типа черемисского племени»¹⁷¹. В статье был приведён материал и о заселении городов Костромской губернии: Чухломы, Нерехты, Галича. «Самое название Нерехта (Мерехта) указывает, что первоначально населял эту местность народ финского племени Меря»¹⁷².

В статье был также сделан вывод о том, что коренное население Галича – меря: «На пространстве Галича и его окрестностей любитель отечественной старины встретил следы преданий о древних мерячах язычниках. На гористых берегах Галичского озера святые отшельники Авраамий, Паисий воздвигли первые пустыни для распространения евангельского учения между древними Мерячами, сильно привязанными к языческой религии»¹⁷³.

Ряд выводов в данном документе касаются «чудского» языческого населения Чухломы: «...сказание местной солигаличской летописи об основании в половине XIV века солигаличского Воскресенского монастыря, где названо чухломское озеро «Чюдским» а жители около него «Чюдски», и отзывы упомянутого преподобного Авраамия о глубоких следах идолопоклонничества на берегах чухломского озера в XII в., дают право сделать вероятное заключение, что первоначальные жители этой местности были чудского племени в последствии смешавшиеся с славянами – новгородскими выходцами»¹⁷⁴.

В 1867 г. костромской комитет для реализации своих целей создал Особую комиссию, которая должна была заниматься составлением «подробных инструкций и форм по всем вопросам и исследованиям способов записи основных статистических материалов»¹⁷⁵. Деятельность комитета к этому времени расширилась, увеличилось число членов. Председателем КГСК был И. Доргобужинов, членами стали И. Ф. Исаев, Н. П. Альбицкий, М. Ф. Головачёв, С. Н. Мацаевский, Н. К. Бошняк, П. Ф. Островский (дядя драматурга А. Н. Островского), секретарем был выбран В. Г. Пирогов. Звание

¹⁷¹ Исторические сведения о постепенном заселении края // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским Губернским Статистическим Комитетом. – Кострома: Губернская типография, 1862. – С. 217 – 218.

¹⁷² Там же. – С. 299.

¹⁷³ Там же. – С. 324 – 325.

¹⁷⁴ Исторические сведения о постепенном заселении края // Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским Губернским Статистическим Комитетом. – Кострома: Губернская типография, 1862. – С. 348 – 349.

¹⁷⁵ Журнал собрания Костромского губернского статистического комитета от 2 мая 1867 г. – Кострома, 1868. – С. 2.

почётных членов комитета было присвоено Преосвященному Платону, епископу Костромскому и Галичскому, Нафаилу, епископу Кинешемскому, звание действительных членов А. А. Алалыкину, В. И. Баскакову, Л. Д. Данилову, Ф. И. Дозе, И. М. Корсакову, Н. Е. Лаговскому, Н. П. Поливанову, С. И. Ширскому и др.¹⁷⁶ Одним из видов деятельности статкомитетов стали исторические и этнографические обследования. Итогом работы стало составление специальной программы для сбора сведений, которая включала в себя большое количество вопросов и рекомендаций по основным направлениям статистических исследований: описания местности, населения, промышленности.

В журнале заседаний костромского статкомитета от 12 июня 1867 г. была помещена «Программа для сбора сведений»¹⁷⁷, в которой среди других вопросов определённое место отведено разделам: быт жителей, народные обычаи, орографические материалы, а также включены этнические данные. В целом активная деятельность губернского статкомитета способствовала развитию интереса к истории края и была направлена на распространение краеведческих знаний. Члены губернского статистического комитета проявляли особый интерес к финно-угорскому культурному наследию.

Особого внимания заслуживает деятельность отдельных членов губернского статистического комитета, направленная на сбор вещественных источников, подтверждающих проживание на территории Костромского края финно-угорских народов. Исследовательский интерес к финно-угорским древностям Костромского края проявил во второй половине XIX в. член губернского статкомитета, палеонтолог Геннадий Михайлович Девочкин (1833 – 1883 гг.). Геннадий Михайлович Девочкин был помещиком Нерехтского уезда Костромской губернии, выпускником Ярославского Демидовского лицея. С именем Геннадия Михайловича связаны первые серьёзные историко-археологические исследования в Костромском крае и первая собранная коллекция вещественных источников каменного века. Будучи чиновником особых поручений при Костромском губернаторе, членом губернской земской управы, почётным мировым судьей, он развернул успешную деятельность по сбору орудий каменного века и составил значительную коллекцию..., тщательно изучал то, что собирал, и по поводу своих работ постоянно поддерживал сношения с московскими представителями науки¹⁷⁸. Г. М. Девочкин, с одной стороны, собирал уже найденный материал каменного века, который, на наш взгляд, даёт нам основание сделать вывод о проживании на территории Костромского края прафинно-угорских племён задолго до железного века и уж, конечно, до прихода славян. С другой стороны, он сделал первый шаг в обнаружении финно-угорских древностей в курганных раскопках. В 1856 г. он послал несколько каменных орудий, найденных в Костромской губернии, в

¹⁷⁶ Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 28 марта 1867 г. – Кострома: Губернская типография, 1868. – С. 22–23.

¹⁷⁷ Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 12 июня 1867 г. – Кострома: Губернская типография, 1868.

¹⁷⁸ Комаров М. Н. Памяти Г. Н. Девочкина [первого местного археолога-любителя] // Костромской листок. – 1903. – № 141.

Археологическое общество в Петербурге¹⁷⁹. А в 1859 г. обобщил свои изыскания в статье «Очерк пространства Костромской губернии»¹⁸⁰, напечатанной в «Костромских губернских ведомостях». Г. М. Девичкин проявил особый интерес к раскопкам курганов у деревни Калищи на р. Емсне, 42 курганов на р. Кубань¹⁸¹. Находки раскопанных курганов дали финно-угорский материал. Главную задачу для себя Г. М. Девичкин видел в обнаружении в курганах финно-угорских древностей. Г. М. Девичкин оставил после себя костромскому музею коллекцию археологических находок – 32 орудия из камня¹⁸².

С декабря 1854 г. членом-корреспондентом Костромского статистического комитета становится М. Я. Диев. При отсутствии в архивах документов, свидетельствующих о конкретном участии М. Я. Диева в деятельности комитета (большинство документов уничтожено пожаром 1982 г.) можно судить о его активной позиции по многочисленным публикациям в местных изданиях, курируемых статкомитетом¹⁸³.

В основном публикации членов комитета размещались в «Костромских губернских ведомостях», набравших к этому времени отличный состав авторов. Издавались «Костромские губернские ведомости» с 1838 г., сначала выходили еженедельно, а потом два раза в неделю. У губернского статкомитета там была постоянная рубрика, кроме того отдельные члены комитета печатали свои работы на разные темы, особенно в неофициальной части газеты. С 1857 г. редактором неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» становится Павел Иванович Андронников, служивший помощником столоначальника Гражданской палаты и бывший активным членом губернского статистического комитета. Неофициальная часть в то время издавалась по субботам и представляла собой тетрадь в восемь страниц второго формата с уже сложившимися рубриками, среди них: историческо-краеведческие исследования, костромская летопись. Большую часть сведений предоставлял губернский статкомитет. Во время редакторства П. Андронникова было напечатано несколько статей М. Диева, в том числе статья

¹⁷⁹ Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 98–99.

¹⁸⁰ Девичкин Г. М. Очерк пространства Костромской губернии. // Костромские губернские ведомости. – 1859. – № 22, 23.

¹⁸¹ Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев [и др.] – Кострома, 1997. – С.10.

¹⁸² Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год (Год VIII). – Кострома, 1920. – С. 2.

¹⁸³ Диев М. Я. Исторический обзор обширности древней Костромской области (из истории городов Нерехты, Буя, сел и деревень губернии) // Костромские губернские ведомости. – 1857. – № 34. – С. 36–40; Укрепленные места древней Костромской области (из истории основания города губернии) // Костромские губернские ведомости. – 1858. – № 35–38; Солигалич (из истории основания города) // Костромские губернские ведомости. – 1859. – № 10 – 12; Какой народ в древние времена населял Костромскую сторону и что известно об этом народе? // Костромские губернские ведомости. – 1861. – № 48 – 49; Находка костей животных // Костромские губернские ведомости. – 1863. – № 46; Город Нерехта в первые годы царствования императрицы Екатерины Великой // Костромские губернские ведомости. – 1864. – №1.

«Исторический обзор обширности древней Костромской области»¹⁸⁴. К 1856 г. в газете штат сотрудников насчитывал 30 человек. Из присланных материалов особо были выделены и опубликованы этнографические материалы С. В. Максимова «Крестьянские посиделки в Костромской губернии». Надо отметить, что в период руководства П. И. Андронниковым неофициальной частью «Костромских губернских ведомостей» в газете было напечатано много материалов, касающихся древней истории края.

Вторая половина XIX в. – это время, когда члены губернского статкомитета активно занимаются краеведческими поисками. Они знакомятся с разработками столичных исследователей, что способствует повышению уровня их краеведческого образования. Это время, когда в России на фоне преимущественного проявления исследовательского интереса отдельных деятелей и инициатив археологов-любителей начинают зарождаться первые научные общества, задачей которых становится изучение истории, географии, этнографии. Это было закреплено в «Своде законов Российской империи» (1863 г.) в 386 статье «Об учреждении учёных обществ на основании правил»¹⁸⁵. В 1863 г. основано «Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии». Для провинциальных историков, живших в разных губерниях в XIX в., изучение археологических источников могло способствовать воссозданию картины финно-угорского мира, в связи с недостаточностью письменных сведений по самому раннему периоду истории. В 1864 г. в Москве было учреждено Московское археологическое общество, которое возглавлял граф А. С. Уваров вплоть до своей кончины.

Деятельность графа А. С. Уварова стала отражением нового взгляда на изучение и популяризацию финно-угорских древностей. Его деятельность была известна и костромским краеведам. С 1848 г. он проводил исследование древностей на территории древнего Суздальского княжества. Им было открыто свыше 750 курганов. В 1857 г. А. С. Уваров был избран руководителем отдела русской и славянской археологии при Академии наук. С 1865 г. МАО (Московское археологическое общество) выпускало свои труды – «Древности». По сведениям В. А. Бердинских, к 1890 г. МАО насчитывало до 300 членов¹⁸⁶. Оно имело постоянные и прочные контакты с различными провинциальными учреждениями: губернскими статистическими комитетами, научными обществами, редакциями «Губернских ведомостей», духовными консисториями, учебными заведениями, а также отдельными местными любителями истории и археологии. Особое значение для провинциальных исследователей имело участие в археологических съездах, организуемых обществом. Членами-корреспондентами МАО были костромские краеведы: В. Д. Беляев, Н. Н. Селифонтов, И. В. Миловидов¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Диев М. Я. Исторический обзор обширности древней Костромской области// Костромские губернские ведомости. – 1858. – № 17.

¹⁸⁵ Продолжение Свода Законов Российской Империи, изданного в 1857 году. По 31 марта 1863 года. – СПб., 1863. Ч. 3.

¹⁸⁶ Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов: дис. ... д-ра. ист. наук – М., 1994.

¹⁸⁷ Шипилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX века: костромская школа. Кострома, 2007. – С. 38.

В 1851–1854 гг. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым были проведены раскопки на территории Ярославской и Владимирской губерний, Ростова, Суздаля, Переславля. Исследованы были два древних поселения: Сарское городище близ Ростова и Александрова гора под Переславлем, а также свыше 7000 курганов X – XIII вв. Автор характеризует особенности культуры меря: верования, одежду, захоронения, взаимоотношения со славянами, финно-угорские топонимы. Результатом этой экспедиции, а так же анализа материалов, собираемых МАО, в том числе и по Костромской губернии, стал труд А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам»¹⁸⁸, вышедшей в 1869 г. Это было первое комплексное исследование мерянской культуры. Деятельность А. С. Уварова, в том числе издательская, открыла новый этап для провинциальных исследователей, и костромская учёная общественность активно использовала результаты, обобщённые А. С. Уваровым. Произошёл значительный скачок в понимании особенностей древней финно-угорской культуры, её значения для формирования древнерусской культуры. Экспедиционная деятельность А. С. Уварова стала примером для провинциальной интеллигенции, включившейся в археологические работы. В обществе с целью распространения исторических знаний читались публичные лекции, в том числе самим А. С. Уваровым. В этом сказался дух демократических реформ 1860-х гг.

Работа А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам» имела приложенные к изданию карты, чертежи, таблицы и описи находок. Он проанализировал обнаруженные предметы коллекции и составил картину о погребальных обрядах по курганным захоронениям.

Важное значение имеет вывод А. С. Уварова о том, что «водворение славянских пришельцев или, вернее – это ослабление финского племени под напором новгородского влияния – не обошлось без кровопролитий», то есть он опровергал существовавшее мнение о мирном характере слияния финно-угорского и славянского населения, основоположником которого был В. О. Ключевский. А. С. Уваров считал, что в «Повести временных лет» указаны не все местности расселения меря, а только территории по берегам озер Неро и Плещеево неслучайно. Вместе с тем автор полагал, что найденные в этих местах предметы и монеты как хронологические данные, свидетельствуют об интенсивности мерянского населения на данных территориях и служат источником сведений о степени развития народа меря.

Несомненной заслугой А. С. Уварова являлся анализ отличительных признаков мерянских захоронений, описание украшений. Впервые автор описал по находкам в мерянских могилах одежду, внешний вид мерян, особенности их костюма.

Для определения территории расселения мерян А. С. Уваров использовал географические названия с основой «мер», что способствовало определению границ мерянской территории, которая находилась в пределах Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, а также частью Вологодской и Новгородской губерний. А. С. Уваров, так же, как учёные М. А. Кастрен, Т. К. Семёнов, М. Я. Диев считал, что часть мери ушла на восток под напором славянской колонизации, где и осела.

¹⁸⁸ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. – М., 1871. Т. 2. – С. 643–847.

Определяя приблизительное пространство, занятое мерянскими поселениями на основании названия местностей, созвучных с названиями, встречающимися около Переяславского и Ростовского озер – центра летописной меры, восточную границу он указал от Устюжского уезда, от верховьев р. Сухоны, далее на юг до р. Межи, потом р. Унжей до впадения её в Волгу. «На рубеже теперешнего Семеновского уезда меряне перешли Волгу и распространились до самой реки Кержеца. Река Межа, вытекающая из Никольского уезда Вологодской губернии и протекающая по одной Костромской губернии более ста верст, получила, вероятно, своё название от положения, которое она занимала между Мерою и Черемисою»¹⁸⁹. Меря, граничившая на востоке с единоплеменным финским народом – черемисами, не могла, по мнению А. С. Уварова, выселиться в такую низменную глушь, какую представлял собой Ветлужский край. Меря остановилась перед «естественными преградами» при реке Унже и Меже.

Собранный автором корпус неславянских топонимов позволяет говорить о их преимущественном распространении в древние века на территории мерянских поселений. В Костромской губернии А. С. Уваров назвал реки: Андоба, Векса, Вехтома, Воча, Какша, Керженец, Кильна, Корба, Корегга, Кочуга, Луха, Шуда, Шуя и др.

Среди названий селений к мерянским он отнёс: Баки, Галич-Мерский, Кинешма, Кострому, Пучеж, Темту, Урень, Хомкино, Чухлому, Шунгу. Повторы названий на отдалённых территориях свидетельствуют о едином народе. По мнению автора: «Только один и тот же народ мог, раскинув свои селения на обширном пространстве, повторять те же имена или давать названия одинакового этимологического происхождения»¹⁹⁰.

Позднее ряд учёных (в частности А. А. Спицын на материалах Владимирских курганов) опровергли мнение А. С. Уварова о том, что курганы являются характерными мерянскими захоронениями. Последующие открытия доказывали, что именно Костромские курганы изобилуют мерянскими находками и курганы Костромского края явно отражают процесс ассимиляции мерянских и славянских этносов.

В 70–80-х гг. XIX в. работы А. С. Уварова считались основополагающими. Опираясь на его выводы, стали появляться небольшие работы по изучению истории отдельных районов. Современные учёные высоко оценивают историко-археологические исследования А. С. Уварова. Основатель историографии российской археологии А. А. Формозов, оценивая труды А. С. Уварова, писал: «Считать работу Уварова образцовой оснований нет, но и возмутительной ее назвать нельзя. Это книга своего времени, впервые познакомившая учёных с массовым курганным материалом и содержащая опыт сопоставления археологических и письменных источников. Для середины XIX в. это было важно»¹⁹¹.

В XIX в. в Костромском крае формируется краеведческое движение учёной общественности по изучению и популяризации культурного наследия финно-угорских

¹⁸⁹ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. – М., 1871. Т. 2. – С. 645–646.

¹⁹⁰ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. – М., 1871. Т. 2. – С. 650.

¹⁹¹ Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. – 1993. № 3. – С. 228–245

народов. Благодаря учёной общественности идёт активный сбор материала, его анализ. Результатом этой работы явились первые публикации по истории родного края.

С созданием губернского статкомитета формируется краеведческий актив российской глубинки. Являясь одновременно официальным и общественным учреждением, он стал опорой для деятельности научных обществ, представлял собой единственный научный и издательский центр в провинции. В обязанности статкомитета входил сбор сведений по описанию исторических, географических, экономических, административных особенностей территорий губернии, а также сведений об исторических памятниках. Это давало возможность учёной общественности Костромской губернии организовывать археологические экспедиции, собирать древние рукописи, печатать материалы исследований на страницах местных изданий, проводить областные археологические съезды.

Костромская интеллигенция была тесно связана со столичными историческими обществами (ОИДР, МАО и др.). Это приводило к повышению уровня историко-археологических знаний членов провинциальных обществ. В 1864 г. в Москве было учреждено Московское археологическое общество, возглавляемое А. С. Уваровым, имевшее тесные связи с костромскими краеведами, для которых изучение археологических источников могло способствовать воссозданию картины финно-угорского мира в связи с недостаточностью письменных сведений по самому раннему периоду истории.

Однако для активизации изучения наследия финно-угорской культуры Костромского края недоставало объединения усилий, постановки общих целей, обмена информацией. Следовательно, данный период заложил основу для дальнейшей положительной динамики исследования и распространения знаний учёной общественностью о финно-угорских древностях Костромского края, формированию новых краеведческих организаций.

Глава II. Вклад учёных архивных комиссий и краеведческих научных обществ в развитие краеведческого движения в Костромском крае в конце XIX – первой трети XX вв.

§1. Научная и просветительская деятельность КГУАК по изучению и популяризации финно-угорского этноса на территории Костромского края

В начале 1870-х гг. интерес к историческим исследованиям стал проявляться на государственном уровне. В 1869 г. в Москве был созван 1-й Археологический съезд¹⁹². Инициатива организации Археологических съездов принадлежала Московскому Археологическому Обществу (МАО) и главным образом его председателю – графу А. С. Уварову. Основную цель Археологических съездов организаторы видели в объединении всех научных сил России в области исследования, изучения, охраны и популяризации памятников истории и культуры. Съезд разработал «Проект положения

¹⁹² Протоколы заседаний Археологического съезда. Б. Заседания 1 Отделения: Древности первобытные// Труды I Археол. съезда. 1869. – М., 1871. Т. I. – С. LXII – XCIII.

об охране памятников старины»¹⁹³. Опубликованные в материалах археологических съездов доклады, сообщения и целые исследования, посвящённые вопросам истории, археологии, этнографии, лингвистики, историографии и др., содержали богатый фактический материал. В 1871 г. в Санкт-Петербурге прошёл 2-й Археологический съезд, число участников которого насчитывало 170 человек. Почётным председателем на съезде был сам великий князь Константин Николаевич, председателем А. С. Уваров¹⁹⁴. В 1871 г. по инициативе Н. В. Калачева была учреждена комиссия по устройству архивов для подготовки вопроса о принципах переустройства архивного дела в стране и обсуждения проблем устройства в России архивов и правил хранения в них документов. Она действовала как комиссия 2-го Археологического съезда, а с 1873 г. была переименована в межведомственную комиссию, учреждённую согласно постановлению Комитета министров. На фоне этих событий активизировалась вся краеведческая работа, в том числе и организация экспедиций по изучению местного края.

В 1882 г. Общество естествознания при Казанском университете организовало раскопки курганов и направило своих сотрудников С. Дмитриева и Н. М. Бекаревича в Костромской уезд. В целом они раскопали 134 кургана в 7 могильниках. Результаты были опубликованы, но слишком кратко и обобщенно, без разделения материалов по могильникам и, тем более, по отдельным курганам. Материалы этих раскопок кратко были освещены позднее в первом выпуске «Костромской старины» 1890 г.¹⁹⁵ В 1883 г. Н. М. Бекаревич самостоятельно раскопал 48 курганов не менее чем в трёх курганных группах в Костромской губернии. По отдельным курганам анализ раскопок опирался на исследования, ранее проведённые А. С. Уваровым.

Н. М. Бекаревич не сумел правильно интерпретировать данные и поддержал концепцию, разработанную И. В. Миловидовым. Вместе с тем это были первые попытки анализа курганных древностей. Эта работа активизировалась после создания Костромской губернской учёной архивной комиссии.

К концу 1880 г. учёные архивные комиссии были созданы в 39 губернских городах России. Созданные по инициативе государства, они приобрели большое общественное значение, став организаторами и координаторами научных исследований, пропаганды научных знаний в губернии. Комиссии существовали на пожертвования, членские взносы и не получали средств от государства. Формировавшиеся на добровольных началах, они состояли часто из интеллигенции, чиновников, купцов и помещиков, духовных лиц, интересующихся русскою историей и памятниками русской старины. Каждая комиссия обязана была посылать отчёты о работе в Петербургский археологический институт и Академию Наук. Попечителями комиссий часто становились губернаторы. Из своих членов выбирали председателя и секретаря, чаще всего работавших на общественных началах. Основными функциями ГУАК были: 1) формировать губернский исторический архив; 2) собирать сведения о древностях края,

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Протоколы заседаний Второго археологического съезда // Труды II Археол. съезда. 1871.– СПб. 1881. Вып. 2. – С. 28.

¹⁹⁵ Бекаревич Н. М. Раскопки в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома, 1890. Вып. 1. – С. 2.

создавать местные музеи; 3) популяризировать памятники старины; 4) содействовать распространению исторических и археологических сведений. Многие губернские архивные комиссии создавали библиотеки и краеведческие музеи с ценными коллекциями, организовывали археологические экспедиции, составляли карты, собирали этнографический и фольклорный материал, реставрировали памятники архитектуры, организовывали съезды. Архивы комиссий пополнялись благодаря популяризаторской и собирательской деятельности их членов, куда часто передавались материалы из упразднённых учреждений, монастырей и дворянских усадеб. Комиссии занимались охраной исторических памятников и древностей. Большинство комиссий издавало «Труды», «Сборники», где печатались их отчёты и протоколы, статьи, документы, описи и обзоры; издавались отдельные работы членов комиссий. В работе некоторых комиссий участвовали прогрессивно настроенные государственные деятели и известные историки.

Члены комиссий вели просветительскую деятельность по популяризации и пропаганде местных исторических достопримечательностей. Большое внимание комиссия уделяла просвещению и воспитанию населения на исторических материалах. Несомненно, что они оказывали большое влияние на формирование национального самосознания населения края. Характеризуя деятельность губернских учёных архивных комиссий России, надо отметить, что их интересы переросли те задачи, которые ставились перед ними первоначально, большинство из них, являясь общественными организациями, занимались научной деятельностью. «Возможность делать выводы на основании собственных архивных, археологических, этнографических изысканий была важным стимулом в деятельности членов комиссий и вполне соответствовала требованиям провинции иметь собственное мнение по местным и государственным вопросам»¹⁹⁶. Задача сохранения историко-культурного наследия была одной из приоритетных. Архивисты стремились выработать у народа сознательное и деятельное отношение к историческому опыту, привить любовь к родному краю и его древностям. Они считали это главным условием формирования национального самосознания. Члены ГУАК сотрудничали со столичными учеными, а так же тесно общались с представителями архивных комиссий других городов. Местная общественность обычно высоко ценила работу губернских архивистов, которые трудились в основном безвозмездно в свободное от работы время. Конечно, многие члены комиссии не отличались профессионализмом, не имели опыта работы с документами, не владели методикой сбора исторических артефактов, зато это компенсировалось необыкновенной преданностью делу и работоспособностью. Научные работы учёной общественности края можно рассматривать как фактор осмысления регионального пространства. При этом немаловажную роль имело обращение к своим «историческим корням», этническому своеобразию территории.

Члены губернских учёных архивных комиссий Верхнего Поволжья, естественно, не могли не заинтересоваться проблемами, связанными с межнациональными отношениями в Верхневолжье. Обширный и сложный процесс межэтнических

¹⁹⁶ Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России. – Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное изд-во, 1991. – С.3.

контактов рассматривался деятелями ГУАК прежде всего как история заселения края с древнейших времён и освоения его территории славянами.

Костромская губернская учёная архивная комиссия была создана в 1885 г. по «Проекту о губернских учёных архивных комиссиях и исторических архивах при них», составленному директором Археологического института, видным историком и археографом Н. В. Калачёвым, ранее одобренному министром внутренних дел графом Д. А. Толстым, Положением Комитета министров «Об учреждении учёных архивных комиссий и исторических архивов», утверждённом 13 апреля 1884 г. императором Александром III¹⁹⁷. Её возникновение являлось частью общего процесса. В Указе от 1889 г. было отмечено, что «открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы в Императорскую Археологическую комиссию для представления на Высочайшее воззрение»¹⁹⁸. На первом заседании ГУАК губернатор В. В. Калачёв, попечитель комиссии, указав, что костромская земля богата памятниками старины и некоторыми коллекциями, находящимися у частных лиц, отметил важность не только изучения, но и пропаганды краеведческих исторических знаний: «...развитие в здешней губернии сознания о её прошлом, о её исторической судьбе и её преуспеяния в будущем всем нам крайне желательны, а с другой стороны и крайне необходимы – в этом не может быть ни малейшего сомнения»¹⁹⁹.

Костромская губернская учёная архивная комиссия начала свою деятельность с рассмотрения дел губернского правления с 1745 по 1765 гг.; канцелярии губернатора 1798–1808 гг., бывшего приказа общества призрения за 1784–1867 гг.; строительной и дорожной комиссий 1828–1866 гг.; описанием богатого архива Ипатьевского монастыря (И. В. Миловидовъ) и др. Комиссия обратила внимание на архив Макариево-Унженского монастыря, в котором хранится немало стариннейших рукописей, большей частью XVII и XVIII вв. Организована комиссия была как археографическое общество, основными видами деятельности которой являлись: археография, археология, охрана памятников, музеефикация памятников. В 1888 г. в комиссии насчитывалось 23 члена, а к 1898 г. их было уже 176 человек.

Костромская комиссия получила от Московского архива министерства юстиции сведения о документах, касающихся Костромской губернии. А также комиссии были предоставлены материалы от церквей Костромской епархии. Эти материалы и стали основой архива КГУАК.

Костромской историк А. Д. Шипилов отмечал, что «о социальном статусе этой организации может отчасти свидетельствовать тот факт, что число действительных членов комиссии в 1904 г. составляло 301 человек, а несколько костромских

¹⁹⁷ Собрание узаконений. Отдел I. 1 июня 1884 г. Ст. 443 // Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1884. Т.4. № 2149. – С. 226.

¹⁹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб, 1889. Т. IX. № 5841. – С.95.

¹⁹⁹ Журнал заседаний. Костромская губернская архивная комиссия. 1895 г. – Кострома, 1895. – С.1.

губернаторов в своё время были председателями этой комиссии²⁰⁰. За год до создания КГУАК пост костромского губернатора занял брат директора Археологического института Николая Васильевича Калачёва, Виктор Васильевич, готов был поддерживать инициативу брата и всячески ей содействовать. Поэтому в Костроме всё складывалось удачно. Предполагалось, что научные исследования комиссии будет направлять Императорская академия наук. Своими целями комиссия ставила деятельность в области археографии, археологии, охраны и музеефикации памятников.

Следует выделить основные направления деятельности учёной общественности в рамках работы в КГУАК. Научно-просветительская деятельность выражалась выступлениями с докладами на заседаниях обществ, съездах, чтением публичных лекций. Организаторская работа заключалась в открытии библиотек и музеев. Археологические и этнографические экспедиции составили собирательскую деятельность. Научно-исследовательские инициативы проявились в организации съездов, разработке программ, опросников, сборе и обработке информации, контактах с центральными головными организациями. К этому же направлению относится публикация трудов, отражающая результаты деятельности. Издательская деятельность представлена выпуском специальных изданий, журналов, отдельных трудов. Коллекционирование состояло из поиска и сохранения предметов древности, документов, рукописей.

Первым председателем комиссии был товарищ председателя костромского окружного суда Д. Н. Трандафилов.

В 80-х гг. КГУАК положила начало систематической разработке финно-угорской тематики. Популяризация этой темы велась в рамках выступлений на съездах. Особо важным видом деятельности комиссии можно считать подготовку и её участие в Российских археологических съездах. В 1869–1911 гг. было проведено 15 Российских археологических съездов. На съездах работали тематические отделения (древности первобытные, древности историко-географические и этнографические, памятники искусств и художеств, русский быт, церковные памятники, памятники славяно-русского языка и письма, памятники археографические и т. д.). Одной из главных задач съезда, реализованных благодаря разработанному порядку их подготовки, было привлечение широких слоёв российского общества к обсуждению проблем, касающихся изучения и сохранения исторического наследия.

На съезде в Ярославле речь шла и о необходимости получения более полного и верного представления о доисторических древностях России, в связи с этим было принято заключение о важности составления и издания археологических карт губерний с нанесением на эти карты имеющихся в губерниях курганов, городищ, других могильников, валов...а также мест находок кладов, монет, каменных или медных изделий»²⁰¹. В 1887–1899 гг. Императорское московское археологическое общество,

²⁰⁰ Шипилов А. Д. Костромская губернская ученая архивная комиссия // Краеведческие записки: сб.ст. – Ярославль, 1986. Вып. 4. – С. 51.

²⁰¹ ГАКО. Ф 179. Оп. 2. Д. 47. – Л. 17. Отчёт о деятельности Императорского Московского Археологического общества (1887–1899 гг.).

«желая получить более полное и верное понятие о численности и распределении древностей России приняло решение о необходимости издания археологических карт губерний с нанесением на эти карты имеющихся в губерниях курганов, городищ, могильников, валов. Программа эта была разослана и по благочинным Костромской епархии. По программе были описаны Нерехтский, Чухломской, Кологривский и Ветлужский уезды»²⁰².

Наиболее активный период деятельности комиссии связан с именем Н. Н. Селифонтова, который был председателем КГУАК с 1891 по 1900 гг. Николай Николаевич Селифонтов известен как учёный-генеалог, археограф. Кроме того, это крупный чиновник – статс-секретарь, товарищ министра путей сообщения, а позже сенатор и член государственного совета. Он родился в Нерехтском уезде Костромской губернии. Н. Н. Селифонтов составил поколенную родословную своих предков. Родовую усадьбу Семёновское он превратил в культурный центр, широко известный за пределами Костромы²⁰³. С костромским губернатором Н. В. Калачёвым его связывала долгая дружба и совместная работа в Археологическом институте²⁰⁴. Именно по просьбе Н. В. Калачева и, учитывая частое пребывание в Нерехтской усадьбе, Н. Н. Селифонтов согласился возглавить общество и активизировать его деятельность, используя столичные связи и опыт работы в Археологическом институте. Еще до начала председательствования в КГУАК Н. Н. Селифонтов составил «Программу желательной деятельности Костромской архивной комиссии»²⁰⁵.

Начало интереса Н. Н. Селифонтова к историческим изысканиям проявилось в тот период времени, когда он начал разбирать свой родовой архив в Семеновском. По мнению Л. И. Сизинцевой, «начиная с 1870-х гг., он стал публиковать небольшие биографические очерки, написанные на основании найденных им документов и бумаг, которые ему приносили позже из соседних усадеб. Интерес к истории собственной семьи постепенно перерос в интерес к генеалогии, археографии, краеведению. Эти два момента – интерес к историческим изысканиям (не только и не столько теоретический, сколько практический) и организаторский дар – позволили ему в качестве председателя КГУАК привести в движение все направления её работы. Так, на протяжении почти десяти лет он был неформальным (несмотря на официальное звание председателя) лидером комиссии, определявшим направления развития, организовывавшим людей, обеспечивавшим средства этой деятельности»²⁰⁶.

Именно КГУАК положила начало планомерным и систематическим раскопкам в Костромском крае. С развитием деятельности Костромской губернской архивной

²⁰² ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. – Л.17. Отчет о деятельности КГУАК.

²⁰³ Румянцева О. В. Сельцо Семёновское – «родовое гнездо» Селифонтовых // Памяти Селифонтова. Сб. докладов первых Селифонтовских чтений. – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. – 70.

²⁰⁴ Сапрыгина Е. В. Рождение КГУАК. Н. В. Калачёв и Н. Н. Селифонтов // Памяти Селифонтова: сб. докладов первых Селифонтовских чтений / КГОИАМЗ (16 – 17 ноября 2000 года). – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. 118.

²⁰⁵ Программа желательной деятельности Костромской архивной комиссии / Сост. сенатором Н. Н. Селифонтовым // Журнал заседаний КГУАК. – 14 марта 1891. – С. 4.

²⁰⁶ Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие XIX – первая треть XX века: дис...канд. культ. – М., 1998. – С.90.

комиссии всё больше стал проявляться интерес костромских историков-краеведов к древней истории края, её этническому составу, историко-культурному своеобразию.

Наиболее активными членами КГУАК, внесшими значительный вклад в изучение финно-угорского историко-культурного наследия Костромского края были: И. Д. Преображенский, он был единственным человеком, получавшим в комиссии жалование как делопроизводитель; И. В. Миловидов – историк-краевед; Н. М. Бекаревич, совмещавший работу в комиссии с ветеринарной практикой. Творческое ядро организации так же составили В. Г. Пирогов, Ф. Д. Нефёдов, Д. П. Дементьев, И. В. Баженов, Н. Н. Виноградов и др.

Иона Дмитриевич Преображенский (1857 – 1915 гг.) был сыном сторожа костромского кафедрального собора. Не имея систематического образования, он изучал историю края по древним рукописям в библиотеке Богоявленского собора. Позднее И. Д. Преображенский много и плодотворно занимался собирательством древностей, предметов этнографии и рукописей. По мнению краеведа Л. И. Сизинцевой, несмотря на недостаток образования, именно И. Д. Преображенский определил и осуществил новую линию сбора музейных предметов. Он стал собирать вещи, выходявшие из обихода, много занимался раскопками, оставил ценные дневниковые записи²⁰⁷. В 1861 г. начал объезды деревень и сбор фольклорного и этнографического материала, в том числе и финно-угорских древностей²⁰⁸. В. Апушкин в статье «Печальник Костромской старины» показал нелегкую судьбу вечно бедствовавшего преданного краеведению и архивному делу Преображенского. «Так бедствовал до конца своей жизни человек, который мог бы разбогатеть и жить безбедно ...но коммерческий дух был чужд Ионе Дмитриевичу вообще, а в любимом деле – особенно. Бедняк сам, он обогащал родной ему музей... Он постоянно ездил по деревням, по брошенным «дворянским гнездам», забирался в самые глухие углы деревни и вывозил от туда исчезающие постепенно предметы быта»²⁰⁹.

Чтобы добиться того или иного результата, нужно было умение Ионы Дмитриевича говорить с крестьянами и увлекать интеллигентных собственников старины. В телеге, на дровнях или на розвальнях трясся он из деревни в деревню, а то шагал и пешком, целые вечера просиживал в избе на посиделках и вечеринках, пил водку с мужиками, грыз семечки с девками, пел с парнями, калякал со старухами – и в результате добывал или старый убрус, старинную вышивку, или песню, или сказку, или сведение о «кладе», или легенду, или просто справку о том, у кого какая старина есть еще»²¹⁰.

Особое место в деятельности И. Д. Преображенского занимали археологические раскопки, во время которых им было обнаружено большое количество артефактов финно-угорской культуры. Материал раскопок стал основой для статей и выступлений

²⁰⁷ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49353. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

²⁰⁸ Сизинцева Л. И. Музей КГУАК и его создатели // Памяти Селифонтова: сб-к докладов Первых Селифонтовских чтений / КГОИАМЗ (16 – 17 ноября 2000 года). – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. 129.

²⁰⁹ Апушкин В. Печальник Костромской старины. – Кострома: тип. КНОИМК, 1919. – Вып. XIII. – С.10.

²¹⁰ Там же.

на съездах. Кроме того, И. Д. Преображенским был собран ценный фольклорный материал в уездах Костромской губернии, подтверждающий взаимовлияние финно-угорской и славянской культур²¹¹.

Продолжая объезды усадеб, И. Д. Преображенский собирает интересные факты, подтверждающие присутствие характерных финно-угорских черт на территории Костромского края. В докладах на заседаниях КГУАК он констатирует: «Костромского уезда Бычихинской волости, близ деревни Юрнова, в лесу есть местность «Могилки», где существуют курганы, обложенные камнями»²¹². В журнале заседаний КГУАК отмечено: «...представлены два доклада, из коих можно составить понятие о местах, избираемых курганными людьми для погребений умерших, о форме могил и о способе погребения, о положении костяков, о видах предметов и украшений, с коими эти люди погребали умерших, и о металле, из которого делались вещи или украшения. Насыпь раскопанных курганов формы полушарообразной и состоит из песку, по основанию почти всегда обложена валунами. Скелеты, находимые в курганах, лежат головою на запад, ногами на восток, руки по большей части вытянуты вдоль туловища. В кургане № 6, около правого слухового прохода, медная серьга с подвескою; на шейных позвонках серебряная фибула и под левой тазовой костью медная подвеска»²¹³.

Отражением общественной активности в отношении сохранения и популяризации культурного наследия является переписка. В Российском государственном архиве литературы и искусства обнаружены неопубликованные ранее шесть писем секретаря КГУАК Ионы Дмитриевича Преображенского к Филиппу Деомидовичу Нефёдову – члену Московского археологического общества. Они датированы 1893–1895 гг. В письме есть указания на раскопки, проводимые в Костромской губернии членами КГУАК И. Д. Преображенским и М. Н. Бекаревичем весной 1893 г.: «Уведомляю Васъ, что мы предполагаем проводить раскопки в мае, если уже подсохнет, кроме того будет проводить раскопки и Поливанов в Варнавинском уезде»²¹⁴. Основным содержанием писем являются сведения о пересылке в Московское археологическое и антропологическое общество предметов, обнаруженных при раскопках (курганных черепов и др.), а также печатных изданий, отчётов, журналов заседаний.

«Многоуважаемый Филиппъ Деомидовичъ! Препровождая при семъ къ Вамъ журналъ нашей Комиссии 14 марта 1893 года, имею честь просить Васъ справиться и дать мне знать относительно пересылки череповъ въ антропологическое общество. Общество ответило намъ, что оно с охотою приметъ для исследования курганные черепа, но не сказало, на чей счетъ пересылка будетъ принята. Комиссия препроводить все черепа в Ваше общество съ темъ лишь условием, чтобы несколько экземпляров

²¹¹ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49350. Преображенский И. Д. Клады и паны / легенды и предания Костромского края.

²¹² Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. Доклад. Члена-делопроизводителя комиссии И. Д. Преображенского // Костромская старина. Кострома: Типо-лит. – СПб.: С. П. Федотова, 1897. – Вып. 4.– С. 369.

²¹³ Там же. – С. 372–376.

²¹⁴ РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1. – Л. 1. 22 марта 1893 – 13 сентября 1895 гг. Письма Преображенского Ионы Дмитриевича Нефёдову Филиппу Деомидовичу.

было по измерении возвращено в Комиссию, пересылка же их не будет ли принята на средства общества»²¹⁵.

Содержание писем свидетельствует об организации одного из популярных в XIX в. видов деятельности обществ – составлении программ для собирания археологических и этнографических сведений по губернии через учителей, учительниц, воспитанников и священников. Письма имели целью и сбор денежных средств на раскопки курганов в Костромской губернии. О разнообразии деятельности членов КГУАК свидетельствуют и строки письма от 13 сентября 1895 г., где говорится о пересылке фольклорных материалов, в частности отрывка текста свадебного обряда – «наговора дружек».

«Многоуважаемый Филиппъ Деомидовичъ! Пожелав Вам всего доброго, препровождаю к Вам два наговора дружек. Они писаны наскоро со слов разнощиков»²¹⁶.

В письме от 4 октября 1893 г. Иона Дмитриевич пишет: «испрашиваю разрешения о предложении Вас в члены нашей комиссии»²¹⁷.

За период с 1895 по 1899 гг. члены комиссии раскопали 721 курган²¹⁸. При этом 15 курганов было раскопано на восточной окраине Костромского Поволжья, в пределах нынешнего Сокольского района Нижегородской области (места проживания мари). В 1897 г. составлен отчёт об обследовании И. Д. Преображенским мерянского Дурасовского городища на р. Стежера²¹⁹.

С 1895 г. изменилась методика отчётности, и Археологическая комиссия начала посылать авторам раскопок открытые листы на ведение работ и унифицированные полевые дневники с правилами раскопок и фиксации курганных погребений. Исследователи должны были представить научный отчёт о проведённых работах²²⁰. В связи с этим документация раскопок постепенно стала составляться более обстоятельно и сопровождалась планами раскапываемых курганных могильников. Это важный шаг в совершенствовании методики описания археологических древностей.

Необходимо отметить, что процесс проведения археологических раскопок сопровождался отчётами, которые зачитывались на заседаниях КГУАК. Выступления участников экспедиций подвергались обсуждениям. На заседании комиссии 6 июля 1895 г. председатель КГУАК Н. Н. Селифонтов выступил с докладом, где было отмечено, что Костромская губерния займёт более важное место на страницах Русской истории, чем то, которое ей отводится сейчас. «Разноплемённость состава первоначального населения ещё и доселе напоминает о себе многочисленными мерянскими, чудскими и т. п. названиями отдельных городов, селений, рек. Сохранившиеся здесь в целостности народные обряды и обычаи прямо переносят в

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1. – Л. 6. 22 марта 1893 – 13 сентября 1895 гг. Письма Преображенского Ионы Дмитриевича Нефёдову Филиппу Деомидовичу.

²¹⁷ Там же. – Л. 4.

²¹⁸ Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг. Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома, 1901. № 5. – С. 303 – 346.

²¹⁹ Бекаревич Н. М. Доклад о раскопках, произведенных совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома, 1897. – С. 371 – 376.

²²⁰ Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. – СПб: Изд-во СПб. ГУ, 1992. – С. 14.

эпоху древнего язычества и доставляют материал для характеристики первоначальных нравов и культа (праздник Ярилы, семик и др.)²²¹.

В фондах Костромского музея-заповедника обнаружена рукопись, датированная 1895 г., составленная Ионой Дмитриевичем Преображенским, «Сведения о курганах и городищах Костромской губернии», в которой автором собраны данные о курганах и городищах. Данные материалы ранее не были опубликованы. Введение их в научный оборот представляет научный интерес, так как ряд этих сведений указывает на мерянское происхождение данных объектов. Поздние раскопки определяют эти территории как мерянские²²².

И. Д. Преображенский писал, что «Близ с. Буяново Андреевской волости на р. Шача находятся 5 курганов, обложенных камнями»²²³. Опираясь на мнение И. А. Горюновой, Е. А. Рябилина о том, что курганы, обложенные камнями – это характерный мерянский признак, и вообще финский, приведём мнение Т. А. Матвеевой: «Для погребальной культуры всех прибалтийско-финских племён характерны могильники с каменными кладками»²²⁴.

В рукописи присутствует несколько замечаний о находках оружия в захоронениях. Как известно, оружие в могильниках – это финно-угорский признак. «Кинешемский уезд Колшевской волости близ д. Кокухова, в лугу при р. Шехть, имеется курган, там, по рассказам, зарыто оружие. С. Ухтубуж. Кологривский уезд. Существуют насыпи и курганы. При разрытии одного найдены были глиняные сосуды и оружие»²²⁵. На применение трупосожжения указывают горшки с пеплом, найденные в Карпумовской волости при деревне Петряево, где имеется укрепление в виде курганов, «один из них крестьяне раскопали и нашли в нём человеческие и лошадиные кости, два горшка с пеплом, три каменных молотка и бронзовый топорик»²²⁶. Интересно упоминание о панах и курганах, указывающее также на финское автохтонное население: «Макарьевский уезд. Близ д. Юркова насыпь в виде трёх холмов на ровном месте. По рассказам крестьян, будто бы тут жили какие-то паны. Троица, Рождественской волости. Близ села имеются курганы, по рассказам, тут похоронены «паны»²²⁷. Распространено мнение, что «панами» на территориях финно-угорских поселений называли могильники. Ярославский краевед А. А. Титов в 1885 г. пишет: «Еще в конце XIX в. петербургский учёный В. Н. Майнов в письме к ростовскому археологу А. И. Кельсиеву определил этимологию слова «пан» следующим образом:

²²¹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. Л. 13 – 14. Обзор деятельности КГУАК за первые десять лет, с 6 июля 1885 г. по 6 июля 1895 г., читаемый председателем комиссии Н. Н. Селифонтовым, в заседании комиссии 6 июля 1895 г.

²²² КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49353. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

²²³ Там же. – Л. 3.

²²⁴ Матвеева Т. А. К исследованию комплекса каменных кладок под п. Подборовье Выборгского района / Большая Петербургия в пространстве культурологического исследования: сборник научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – Вып. 4. – С. 12–13.

²²⁵ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49353. – Л. 3. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

²²⁶ Там же. – Л. 3.

²²⁷ Там же. – Л. 14.

«по-весьски или по-чудски «паннен» значит класть, полагать, а «пангед» – могила; по-карельски «панап» – хоронить; по-мордовски: 1) мокша «панда» – холм, курган, могила, 2) эрзя «пандо» – гора, могила, холм»²²⁸.

В фондах Костромского музея-заповедника нами обнаружена рукопись, которая свидетельствует о большой краеведческой работе И. Д. Преображенского, касающейся фольклорных материалов²²⁹. Иона Дмитриевич в экспедиции записывает легенды и разные предания о кладях и неких странных особых людях панах, которые причастны к захоронению кладов и чудесам, с ними связанными: «Юрьевецкого уезда, Болотновской волости в 3-х верстах от д. Малых Ломов на покосте, называемом Лубеньки, передают крестьяне, что есть клад под большим камнем. Крестьяне по ночам принимались рыть, но за не возможностью свалить камень отступились. Близ той же деревни Ломов в болоте, называемом «Плаксино», говорят, тоже есть клад, который показывается крестьянам в виде лошади. Существует предание, что в доме близ д. Дьяконова, Дьяконовской волости, зарыт клад Стенькою Разиным, который крестьяне прежде начинали вырывать, но при рытии один из работающих выругался, и клад ушёл в землю глубже. Макарьевский уезд. Крестьяне Кавернинской волости упорно верят в клад, находящийся на так называемой «каменной заклади». Близ р. Ветлуги есть место, которое и доселе называется «Паново». У панов много было золота, серебра, сокровищ, которые сокрыты в землю. Эти сокровища клада может найти только тот человек, у которого была с собой панова нога»²³⁰. На наш взгляд, верным был вывод И. Д. Преображенского о том, что в народном фольклоре присутствуют признаки мерянской культуры.

Среди краеведов-любителей КГУАК выделялся своими знаниями историк Иван Васильевич Миловидов (1851–1898 гг.), уроженец г. Владимира, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, закончивший университет с золотой медалью. После преподавательской работы в Шуе и Твери, он с 1883 г. был назначен преподавателем истории и географии Костромского реального училища. Занимаясь архивной работой, много внимания он уделял исследованию городищ и курганов, написал очерк истории города. В 1896 г. его стараниями в Костроме был открыт музей, содержащий в том числе и коллекции вещественных памятников, добытых при раскопках курганов. Именно в трудах И. В. Миловидова в большей степени заметны попытки анализа материала, добытого на раскопках И. Д. Преображенским и Н. М. Бекаревичем. Иван Васильевич, будучи историком, стремился не только описать, но и проанализировать артефакты финно-угорской культуры. После смерти И. В. Миловидова 6 апреля 1898 г. комиссия лишилась специалиста-историка, и вся тяжесть работ легла на плечи И. Д. Преображенского и Н. М. Бекаревича.

Члены КГУАК участвовали в разработке карт губернии. По примеру Московского археологического общества КГУАК рассылает запросы о наличии остатков древности и старины на местах. От разных лиц – земских начальников,

²²⁸Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда.– М.: Синодальная типография, 1885. – С.51.

²²⁹КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49352. Преображенский И. Д. Клады и паны, легенды и предания Костромского края.

²³⁰ Там же. – Л. 6.

учащихся, священников, крестьян – поступают многочисленные сведения о памятниках. Большею частью это были данные о курганах или «Панах» – «Панках», так их называли костромские крестьяне²³¹. Собранные воедино вместе с материалами раскопок эти сведения впоследствии позволили составить И. В. Миловидову первую карту Костромской губернии и переслать её в Московское археологическое общество.

От КГУАК на Седьмом съезде выступил Иван Васильевич Миловидов с докладом «О Костроме в историко-археологическом отношении»²³². Характеризуя этнический состав населения города, И. В. Миловидов определял Кострому как «городок со смешанным славянско-мерянским населением»²³³. Учёный выявил условные территориальные границы расселения финно-угорских племён в Верхнем Поволжье. По мнению И. В. Миловидова, по рекам Унжа и Межа проходила восточная граница расселения финно-угорского племени меря. Он использовал сведения письменных и рукописных источников, опирался на труды учёных XVIII в., обобщил ранее известные сведения, касающиеся этнического состава городского населения, места основания города и привёл известные на тот период времени версии объяснения названия города Костромы, в том числе и финно-угорскую версию, при этом сам склонялся к славянской.

И. В. Миловидов первым выдвинул концепцию удревления города Костромы, в которой подверг сомнению выводы В. Н. Татищева, а также утверждения И. Васькова, кн. А. Д. Козловского об основании Костромы в 1152 г. как славянского города. Суть его предположений сводилась к тому, что Кострома первоначально возникает в виде городка со смешанным славяно-мерянским населением на правом берегу реки Волги на месте села Городища. Временем его основания И. В. Миловидов считал начало второй половины IX в., аргументируя археологическими данными. «Городища, как писал И. В. Миловидов, оставлены мерей, а название Костромы происходит от имени божества весны у языческих славян, следовательно, городок носит смешанный славяно-мерянский характер. Это слияние началось в начале второй половины IX в., поэтому и «городок» возникает в это время»²³⁴. И. В. Миловидов отметил, что, возможно, Юрий Долгорукий укрепил, но не основал Кострому.

Определяя роль КГУАК в сохранении и популяризации финно-угорского культурного наследия Костромского края, необходимо отметить активную деятельность комиссии уже в 80-е гг. в области археологических разведок и раскопок, сборе огромного количества артефактов. Материалы раскопок дают важнейшие сведения о проживании финно-угорских племён на территории Костромского Поволжья. Члены

²³¹ Виноградова С. Г. Археологическая деятельность Костромской губернской архивной комиссии (1885-1990гг.) // Памяти Селифонтова. – Кострома: КГОИАМЗ, 2000. – С.149.

²³² Миловидов И. В. О Костроме в историко-археологическом отношении // Труды седьмого археологического съезда в Ярославле. – М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1887. Т.1. – С. 54 – 72.

²³³ Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома: губ. тип., 1885. – 2-е изд. – Кострома, 1886. – С. 1.

²³⁴ Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома: губ. тип., 1885. – 2-е изд. – Кострома, 1886. – С. 1.

КГУАК не ставили перед собой цели классификации археологических находок по этническому признаку, некоторые находки атрибутировались неверно или спорно, но важно то, что значительный пласт вещественных источников, собранный КГУАК в дальнейшем, дал возможность учёным строить предположения и делать выводы относительно этнического состава и особенностей культуры автохтонного населения Костромского края.

На территории Костромского края археологические экспедиции возглавлял в это время Ф. Д. Нефёдов, который внёс значительный вклад в изучение финно-угорской темы.

Нефёдов Филипп Диомидович, уроженец Владимирской губернии, известный писатель, журналист, археолог, этнограф. В 1872 г. он избирался членом Общества любителей российской словесности, в 1874 г. членом-сотрудником этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1882 и 1884 гг. Ф. Д. Нефёдов совершил путешествие по Южному Уралу, описал жизнь и быт горнозаводских рабочих, русских переселенцев, башкир, мари, мещеряков. Обследовал и нанес на карту до 800 курганов Башкирии. По заданию общества он путешествовал по российским губерниям, собирая материал о быте русского крестьянства, в результате чего представил отчёт об этнографическом исследовании. С 1887 г. он стал активным членом Московского археологического общества, в этом же году опубликовал «Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам»²³⁵ Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии направило Ф. Д. Нефёдова в Костромское Поволжье на раскопки курганов.

В 1895 – 1896 гг. Ф. Д. Нефёдов исследовал 548 курганов в 85 могильниках, в большинстве находившихся на территории Кинешемского уезда, позднее вошедшего в состав Ивановской области. В границах современной Костромской области оказалось 67 раскопанных им курганов в девяти могильниках²³⁶. Почти до конца XIX в. КГУАК отдавала явное предпочтение изучению курганных древностей, хотя и располагала многочисленными сведениями о других типах памятников, собранных на основе опросных листов. Видимо, это было связано в какой-то степени с ограниченностью денежных средств, которыми могла располагать комиссия. Раскопки курганов сравнительно менее трудоёмки и позволяют быстрее получить эффективные результаты. Позднее материалы раскопок Ф. Д. Нефёдова были использованы Н. М. Бекаревичем при составлении «Материалов для археологической карты Костромской губернии»²³⁷.

Дневник раскопок курганов в Костромской губернии Ф. Д. Нефёдовым, произведённых летом 1895 и 1896 гг., содержит перечисление и описание курганов

²³⁵ Нефёдов Ф. Д. Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам // Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М.; 1877. Т. 4. – С. 40 – 69.

²³⁶ Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т.3. – С. 161 – 232.

²³⁷ Бекаревич Н. М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд (Из Трудов Тверского Областного Археологического Съезда). – Тверь: Типография губернского правления, 1905.

Костромского, Нерехтского, Буйского уездов Костромской губернии, содержащих преимущественно финно-угорские находки²³⁸ второй половины X – начала XII вв. В дневниках Ф. Д. Нефёдова находим указания именно на финно-угорские элементы. Например, наличие «глиняных сводов» над захоронениями. Современные археологи считают это ярким элементом субстратной финно-угорской культуры. При описании курганов автор дневника останавливается на особенностях «глиняных сводов». Вопрос захоронения «под сводами» как вариант «домика мёртвых», опираясь на находки Ф. Д. Нефёдова, в настоящее время развивает П. Н. Травкин. По его мнению, погребения «под сводами» могут считаться отголосками захоронения в «домиках мёртвых»²³⁹.

С огромного пространства финских земель на территорию Древней Руси распространилась традиция хоронить умерших в своих жилищах, что соответствовало космогоническим представлениям финно-угорской мифологии. Мёртвые живут в своем мире, чтобы не навредить живым²⁴⁰.

Обращают на себя внимание многочисленные указания на захоронение под глиняным сводом в Нерехтском и Костромском уездах. Приведём примеры из дневника Ф. Д. Нефёдова: «на глубине 1 мт. встретилась заливка из глины и извести; под нею скелет головою на Ю.–З., правая рука и ноги вытянуты, а левая согнута и кисть лежит на груди. Вещи: ... на висках 3 серебряных кольца; на груди бронзовая круглая прорезная бляшка с ушком, в середине которой крест, а по сторонам его две змеи; на правом бедре серебряная подвеска с тремя бубенчиками; около левого бедра железный ножик...»²⁴¹. «Курган XVI. Покойник на материке... Над головою и грудь заливка из глины с известью» и др. Второй чертой финно-угорской принадлежности является наличие одиночных погребений с оружием, ножами и одновременно с женскими украшениями. Шумящие подвески, ножи, височные кольца – всё это предметы финно-угорской материальной культуры. Почти во всех захоронениях Ф. Д. Нефёдов обнаруживает наличие ножей, браслетов, топоров. В финно-угорской символике нож обладает магией острого предмета. Существует целая серия предметов, которые были специально предназначены для «запирания» умерших на том свете и обеспечения тем самым спокойствия живых. К таким предметам можно отнести: ножи, браслеты, наконечники стрел, гвозди. Например, почти во всех курганах в Костромском уезде (курганы I, II, III, V, VI, VII) Ф. Д. Нефёдов обнаруживает у покойников при левом бедре железный нож, витые бронзовые браслеты, топоры²⁴².

П. Н. Травкин при обследовании жертвенной ямы на Соборной горе в г. Плесе в 1996 г. обнаруживал особым образом воткнутый топор (секиру), подтверждая применение ритуала «запирания» покойника в потустороннем мире²⁴³. В ряде

²³⁸ Субстратные черты финно-угорской культуры, отмеченные Ф. Д. Нефёдовым, позднее были развиты в трудах Горюновой Е. И., Рябининой Е. А., Седова В. В., Третьякова П. Н.

²³⁹ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 180 – 182.

²⁴⁰ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 180 – 182.

²⁴¹ Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т.3. – С. 167.

²⁴² Там же. – С.163, 164, 167, 199, 224, 225.

²⁴³ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново: Талка, 2007. – С. 102.

могильников зафиксированы немногочисленные меридиональные труположения, связанные, безусловно, с финно-угорским миром. Это, как указывалось ранее, субстратная черта. Приведём примеры из дневника, где отмечены захоронения северной подгруппы с меридиальной ориентировкой (юго-восток, север, северо-восток, юго-запад): Нерехтский уезд «Курган VI. ...обложен камнями. Покойник на материке, руки на груди, ноги вытянуты головою на Ю. – З.»²⁴⁴ Костромской уезд. «Курган III. Покойник на материке, головою С.–З., руки на груди, ноги вытянуты»²⁴⁵ и др.

Ф. Д. Нефёдовым проводились раскопки на территории Красносельской волости, где были найдены в мерянских захоронениях вещественные памятники финно-угорского язычества XI – XIII вв. В дневнике Ф. Д. Нефёдова²⁴⁶ указаны курганы, расположенные на берегах р. Волги недалеко от села Красное: у с. Коробово, Яковлевское, д. Чернецово, Редтово и др. Эти находки свидетельствуют о том, что на костромской земле мастера мерянского племени изготавливали из бронзы и низкопробного серебра в технике литья разнообразные выразительные украшения: височные кольца и перстни, гривны и браслеты, подвески и кольца, рельефные, плоские и литые изображения зверей и птиц, пряжки, лунницы, серьги, бусы и другие предметы убранства женского и мужского костюма. Вещи, выполненные в металле, тогда особенно ценились, они были связаны с языческим культом, выполняли роль амулетов и «оберегов» и неслучайно их закладывали в погребения²⁴⁷.

Наиболее интересны найденные подвески в виде водоплавающей птицы. Данная зооморфная фигурка тотемного характера указывает на древний культ, характерный всем финно-угорским народам. Культовые фигурки водоплавающих птиц и их символы – подвески в виде перепончатых лапок – были чрезвычайно широко распространены в мерянской земле. У г. Плёса на Алабужском городище найдены подвески в виде водоплавающих птиц²⁴⁸. Ф. Д. Нефёдов первым обратил внимание на большую распространённость на территории Костромского Поволжья подвесок в виде фигурок водоплавающих птиц в могильниках конца XI – XIII вв.²⁴⁹ В Костромском Поволжье найдено 150 подвесок, составляющих около 20% всех древнерусских зооморфных украшений. Среди этих подвесок встречаются плоские литые и полые объёмные фигурки одно- и двуглавые²⁵⁰.

В настоящее время красносельские находки Ф. Д. Нефёдова находятся в экспозиции Красносельского музея ювелирного и народно-прикладного искусства и являются экспонатами ГУК «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника», фонда археологии. Среди находок есть

²⁴⁴ Там же. – С. 199.

²⁴⁵ Там же. – С. 224.

²⁴⁶ Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т.3. – С.224.

²⁴⁷ Бузин А. И. Красносельские художники-ювелиры. – Кострома: Красносельский ювелирпром, 1997. – С. 9–10.

²⁴⁸ Травкин П. Н. Плесское ювелирное искусство: 25 веков истории. – Иваново: А – Гриф, 2010. – С. 4.

²⁴⁹ По мнению Горюновой Е. И. одним из центров производства этих вещей были южные приволжские районы Костромской области. Горюнова Е. И. Указ. соч. – С. 142.

²⁵⁰ Алексеев С. И., Комаров К. И., Леонтьев А. Е. Археология Костромского края. – Кострома, 1997. – С. 185.

шумящие подвески в виде литых плоских уточек с привешенными перепончатыми лапками: подвеска шумящая треугольная каркасная с тремя привесками в виде гусиных лапок XII – XIII вв., подвеска из шести цилиндрических пронизок с двумя подвесками в виде гусиных лапок по краям XII – XIII вв. и другие²⁵¹.

Таким образом, именно подвески-уточка становятся характерной приметой финно-угорских ювелирных украшений на территории Костромского края. Этот факт подтвердили и более поздние находки. Подвески-уточка найдены в 60-х гг. XX в. при раскопках Поповского городища Унженского района (Мантуровский район Костромской области) среди других украшений унженского населения VI – VII вв. В настоящее время в коллекции из раскопок этого городища, хранящейся в ГУК «Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника», представлено более 20 предметов с утино-гусиной символикой: шумящая подвеска бронзовая в виде прямоугольного щитка с 6-ю отверстиями ушками и 5-ю привесками-цепочками с утиными лапками; подвеска бронзовая шумящая в виде одностороннего витого стержня-пронизки с 3-мя кольцами и продетыми в них 3-мя гусиными лапками и др.²⁵² (см. Приложение 3).

Членами КГУАК готовились, а затем зачитывались на заседаниях КГУАК рефераты на темы, касающиеся сохранения и популяризации финно-угорского наследия, неоднократно на заседаниях выступал Ф. Д. Нефёдов. В архиве Костромского музея-заповедника нами обнаружены ранее неопубликованные рукописные материалы, составленные Ф. Д. Нефёдовым к протоколу заседания КГУАК²⁵³. В материалах заседания указывалось: «В настоящем заседании заслушаны два реферата по доисторической археологии. Н. М. Бекаревич познакомил собрание с результатами раскопок «мерянских» курганов, произведенных им совместно с другими членами комиссии в Костромском уезде, а А. П. Поливанов – с раскопками городища близ с. Богородского в Варнавинском уезде. Коллекции вещей констатируют факт существования в Костромском Приволжье мерян и наглядно восстанавливают их быт и культуру. Не подлежит никакому сомнению, что обследованные курганы – мерянские. Так, громадное большинство курганных предметов совершенно одинаковы с предметами, находящимися в богатых коллекциях графа А. С. Уварова: как известно собранию, что он первый исследовал памятники мери в пределах наших Центральных губерний. Мы видим также медные и бронзовые привески, височные кольца, серьги и шейные украшения, браслеты, перстни и прочее и равно железные ножички, топоры и другие орудия»²⁵⁴.

Из материалов к протоколу заседания КГУАК, составленных Ф. Д. Нефёдовым, понятно, что на заседаниях обсуждались конкретные темы, касающиеся жизни мерянского населения края. Ф. Д. Нефёдов отмечает, что большой интерес представляют сведения о жилищах мерян, о которых до этого времени нечего не было

²⁵¹ КГИАХМЗ. КОК 15467/8 А – 135/8; 15453/42. А – 121/42.

²⁵² КГИАХМЗ. КОК 37808. № 20, 375.

²⁵³ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49350. Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной ученой Комиссии 29 августа 1895 г.

²⁵⁴ КГИАХМЗ. Фонд археология. КОК 49350. – Л. 1. Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной ученой Комиссии 29 августа 1895 г.

известно: «Все они представляют фигуру удлинённого квадрата заросли по сторонам травой и встречаются по одной, по две и по пять. При раскопках двух таких ям, по вынутой обсыпавшейся земле, оказались угли, глиняные черепки горшков и признаки очагов или каменок. Очевидно, эти ямы служили жилищами мерян, так как в скрытых ... курганах при покойниках найдены украшения и разные вещи мерянского типа»²⁵⁵. Нефёдовым Ф. Д. в этих записках очерчена территория заселения меря: «Меря занимала обширную территорию: губерния Московская, Новгородская, Ярославская и Костромская – вот мерянский край»²⁵⁶.

В конце 80-х гг. XIX в. учёная общественность особый интерес проявила к традиционной культуре марийского народа. В 1888 г. под руководством Совета общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете была организована экспедиция для изучения культуры, религиозных верований и быта марийцев. Коллектив экспедиции составили: хранитель музея отечествоведения П. В. Тауберг, научный сотрудник И. Н. Смирнов, М. П. Веске – специалист по финским наречиям. Посещая марийские поселения Заветлужья, которые входили в Нижегородскую, Вятскую и Костромскую губернии, они собрали богатый материал, на основании которого и была подготовлена И. Н. Смирновым работа «Черемисы»²⁵⁷, которая была удостоена Уваровской премии и переведена на французский язык²⁵⁸. В ходе экспедиции был собран топонимический материал. Были выявлены финно-угорские названия рек: Ветлуга (Вытла), Кокшага (Какшан), Кичига, Пижма, Унжа, Урта, Крутья, Турья, Сурья и др. Отчёт об экспедиции включал и Костромскую губернию. По мнению П. С. Березина, И. Н. Смирнов «свёл воедино все или почти все существовавшие к тому времени сведения о верованиях черемис, добавив немало собственных наблюдений, а потому его деятельность представляет особую ценность»²⁵⁹.

Экспедиция собрала ценнейший фольклорный материал. Предания о тех местностях, где происходили крупные сборища горных черемис для молений своим богам и где приносились жертвы кереметям, к моменту посещения этих мест экспедицией были ещё свежи в памяти местных жителей: «В жертву своим богам вместо целого животного горные черемисы под влиянием экономических причин стали приносить только часть его, а потом одно лишь подобие жертвенного животного, например, вместо лошади, коровы, петуха – особого рода пряники (аргамаки) с оттиснутой на них фигурой животного»²⁶⁰. И. Н. Смирнов установил, что у черемис культ Николая Чудотворца, Варсонофия и Казанской Божьей Матери: «...совершенно тождествен с культом языческих богов: им приносят в лесах жеребят, мясо которых

²⁵⁵ Там же. – Л. 3.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889.

²⁵⁸ Smirnov I. N. Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama: Etudes d'ethnographie historique. – Paris: E. Lerouz, 1898.

²⁵⁹ Березин П. С. Обитатели Среднего Поволжья с первобытных времен до наших дней/ Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней. – Саратов: Надежда, 1996. – С.8.

²⁶⁰ Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1889. – С. 143.

съедают, а кости и кожу сжигают. Николай Чудотворец (Никола — русский бог) слился в представлении черемис с образом небесного бога. Его помощь считают особенно важной в несчастных случаях на воде»²⁶¹. Просматривается сходство в праздновании «Никольщины» у черемисов, зафиксированное И. Н. Смирновым, и представления «Микольщины» М. Я. Диевым у мерян Нерехтского уезда. В обоих случаях прослеживаются языческие мотивы, основанные на мифологических знаниях финно-угорских народов.

Одним из направлений деятельности комиссии стало формирование Костромского музея²⁶². Основной задачей учредители и члены комиссии считали приведение «в известность и сохранность» письменных источников, назначенных к уничтожению, предполагая «с их помощью начертать те данные, которые до сих пор оставались в неизвестности или дошли до нас как, дорогие, но смутные предания»²⁶³. Начиная с первых заседаний в КГУАК шла речь о собирании музейной коллекции. Сохранялись предметы, найденные в процессе раскопок, случайные археологические и палеонтологические находки²⁶⁴. Основным способом пополнения коллекции музея были добровольные пожертвования. Предпринимались обращения к населению губернии с просьбами о содействии «в приискании рукописей и предметов древности, которые могут бесследно исчезнуть, бесцельно находясь в кладовых местных владельцев или быть уничтоженными, если случайно будут найдены людьми несведущими»²⁶⁵. С этими обращениями выступали члены комиссии, а также костромской губернатор, как попечитель КГУАК²⁶⁶. При этом прикладывалась программа сбора исторических предметов²⁶⁷. Временем основания музея древностей можно считать 1891 г., когда в безвозмездное пользование стараниями нового председателя КГУАК Н. Н. Селифонтова ей было передано костромским дворянством здание на Павловской улице. Дальнейшее пополнение коллекции музея связано с организацией экспедиций в ближайшие и отдалённые волости Костромской губернии.

На рубеже веков значительно вырос библиотечный фонд КГУАК. В библиотеку поступали книги от жертвователей. И. Я. Сырцов передал библиотеку, состоящую из 57 названий книг конца XVIII – нач. XIX в. Поступали издания научных учреждений: Императорского общества истории и древностей при Московском университете, Историко-филологического общества при Казанском университете, Русского географического общества и др. В ответ на присланные экземпляры комиссия высылала собственные издания. Книги для библиотеки могли приобретаться за наличные средства, регулярно выписывались журналы «Русский архив», «Русская старина»,

²⁶¹ Там же. – С. 142.

²⁶² Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие XIX – первая треть XX века: дис...канд. культ. – М., 1998.

²⁶³ Журнал заседания Костромской губернской ученой архивной комиссии (далее – КГУАК) 6 июля 1895 года. – Кострома, 1895. – С. 11.

²⁶⁴ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. Л. 39 об; Журнал заседания КГУАК 6 июля 1895 г. – Кострома, 1895. – С. 15. и др.

²⁶⁵ ГАКО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1. – Л. 52.

²⁶⁶ ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 47. Л. 8–11; Костромские епархиальные ведомости. – 1894. – №48. – Часть офиц. – Л. 55–60.

²⁶⁷ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 35, 37 и др.

«Былое» и др.

На 90-е гг. XIX в. приходится наиболее активная деятельность КГУАК, комиссия пополнилась новыми членами, приобрела определенный навык в сборе исторических документов, фольклора и этнографии. Эти годы отмечены многочисленными поисковыми экспедициями, совершенствуется и методика их проведения. Заседания комиссии проводились регулярно, её члены выступали с сообщениями о раскопках, о поиске архивных источников, рассматривались весьма актуальные вопросы: о связях с вышестоящими инстанциями, с научными учреждениями, другими архивными комиссиями, с губернскими и уездными земскими управами, различными обществами. Члены комиссии докладывали о поступлениях в библиотеку комиссии, обсуждали различные пожертвования, ставили вопросы об издательских делах.

Губернская архивная комиссия вела активную издательскую работу: 150 номеров «Журналов заседаний» и приложений к ним, 30 отдельных изданий. С 1890 по 1911 гг. комиссией было издано шесть выпусков сборника «Костромская старина», включающих 51 публикацию.

Разнообразен характер изданий, выпущенных КГУАК – это исторические исследования, архивные материалы, публикации, очерки и описания, каталоги, указатели, путеводители, библиографии, отчёты, отзывы, материалы заседаний съездов, мемуары, письма, записки, публикации о памятниках археологии, юбилейные и памятные сборники, описания коллекций, памятники фольклора²⁶⁸. В. П. Макарихин, автор обобщающего труда о деятельности губернских учёных комиссий, отмечал: «они не создали обобщающих трудов по истории страны. Они стремились как бы «прописать» в общерусской истории свой край и выделить моменты его особой роли в истории России... позитивистская методология... сумела продемонстрировать свои сильные стороны. Прежде всего, это сказалось в усиленной работе с историческими источниками, в постоянном поиске новых исторических фактов»²⁶⁹.

С 1890 г. КГУАК начала издавать сборник «Костромская старина», посвящённый вопросам археологии и истории Костромского края. До 1901 г. вышло пять томов. В приложениях помещались описи и выписки из различных документов и рукописей, относящихся к истории и культуре Костромского края.

На 90-е гг. XIX в. приходится исследовательская деятельность одного из членов КГУАК В. Г. Пирогова, который некоторое время сочетал исполнение обязанностей по должности секретаря Губернского статистического комитета с общественной деятельностью. После отъезда секретаря КГУАК Д. Н. Трандафилова он стал

²⁶⁸ Костромская ГУАК//Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. Вып. 7. – С. 8–9; 1900. Вып. 13. – С. 230–232; Костромская ГУАК // Известия Имп. Археологической Комиссии. Прибавление. – 1904. – № 5; № 21; 1912. – С. 35–37; № 26, 1912. – С. 35–37; Костромская ГУАК // Сборник Археологического института. Об участии Костромской ГУАК на I областном съезде исследователей Ростово-Суздальской земли//Костромские губернские ведомости. – СПб., 1902. – 3 апреля; Отчёты о деятельности Костромской ГУАК за 1900 год // Костромские губернские ведомости. – Кострома, 1901. – 4 декабря.

²⁶⁹ Макарихин В. П. Губернские ученые архивные комиссии России.– Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991. – С. 8.

председателем архивной комиссии, оставаясь при этом ещё и редактором неофициальной части «Губернских ведомостей».

В. Г. Пирогов, имея опыт работы в статкомитете, занимался сбором сведений об археологических древностях Костромской губернии и анализом материалов опросных листов, разосланных от Императорской академии художеств в конце 1886 г. по губернии. В. Г. Пирогов собрал интересные факты, касающиеся проживания на данных территориях финно-угорского этноса. Он отметил субстратные топонимы, образованные от имени особо почитаемого у мерян языческого божества Велеса (Волоса, Волота): «В 8 верстах от Буя есть курган, имеющий более 2 сажень высоты и 120 сажень длины, на кургане растёт сосновый лес, он носит название «*Волотовой горы*», по преданию, здесь находился клад»²⁷⁰. В подтверждение сведений представленных В. Г. Пироговым, можно отметить, что подобного рода названия встречаются на других мерянских территориях. Около г. Фурманова находится Волотова гора», Волотово поле под Новгородом, озеро Волотовское под Костромой, «Волотова могила» у г. Переславль-Залесский, Волотовы горы близ г. Муром и др. Имеются легенды об основании г. Вологды – «...От баснословных каких-то Волотов, подобно греческим гигантам, якобы они перед... крещением тут жили и построили сей город по имени своему Волотой или Володовой»²⁷¹.

Этой же темы касался Н. Н. Селифонтов, излагая своё наблюдение в письме к И. В. Миловидову (1890 г.): «У нас в Петербурге есть 2 деревни Волосова и Ерина, вероятно недаром»²⁷². Позднее в своём докладе об архивных актах и делах Н. Н. Селифонтов отмечал эти же названия в Костромской губернии: «на планах 1775 года (под № 162 и 185 помещены 2 ведомости за 1775 г.) на пустоши Бакшеево Сорахтского стана Нерехтского уезда видно, что пустошью владели экономические крестьяне двух соседних деревень Волосовой и Ериной, названия которых легко сопоставляются с наименованием древних языческих божеств Волоса и Ярилы – бога солнца»²⁷³. В народном представлении Волотом считался великан, богатырь, человек необычайного

²⁷⁰ Пирогов В. Г. Сведения о курганах, городищах земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и прочее по некоторым городам и уездам Костромской губернии // Костромская старина. – Кострома: Костромская губернская типография, 1890. Вып.1.– С. 135.

²⁷¹ Ерофеева Е. Н. Археологические памятники Ивановской области. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1965. – С. 9.

²⁷² ГАКО. Ф. 652. Д. 2. – Л. 12 об. Письма Н. Н. Селифонтова к И. В. Миловидову.

²⁷³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. Труды КГУАК. Списки костромских воеводств. Исторические сведения о Костромском крае и другие статьи. 1891 – 96 гг.

роста²⁷⁴. Известны случаи, когда найденные случайно кости мамонтов назывались крестьянами «костями великанов»²⁷⁵.

Особую роль в сохранении и популяризации культурного наследия древних черемис надо отвести общественному деятелю, энтузиасту-любителю, Дмитрию Петровичу Дементьеву, проживавшему в Ветлужском крае Костромской губернии. В коллекции рукописей Государственного архива Костромской области хранятся рукописи Дементьевского архива²⁷⁶.

Д. П. Дементьев был, пожалуй, одной из самых любопытных личностей среди представителей учёной общественности. Бытописатель древностей, историк-самоучка, единственный крестьянин, принятый в члены Костромской губернской архивной комиссии²⁷⁷. В своём рабочем кабинете, больше похожем на землянку, он обрабатывал собранные им в архивах ветлужских монастырей, церковей и помещичьих усадеб подлинные документы. О жизненном пути Дмитрия Петровича Дементьева мы узнаем из его рукописных воспоминаний «Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива, том 167»²⁷⁸, и работы В. Н. Бочкова «Ветлужский летописец»²⁷⁹. Родился Дмитрий Петрович 17 сентября 1859 г. в городе Ветлуге в бедной семье. С юношеских лет пришлось ему зарабатывать средства к жизни в качестве портного, каменщика-печника, плотника.

В своих воспоминаниях Д. П. Дементьев с горечью, а иногда и с гордостью отмечал, что достиг всего самоучкой. «Но любознательный юноша был достаточно грамотен, чтобы читать рукописные старинные книги, монастырские и церковные летописи, которые поставили его на путь историка-краеведа – «летописца и любителя старины»²⁸⁰. На первой странице «Летописи странника» автор, характеризуя себя, пишет о том, чья летопись: «Самоучки писателя, общественного гражданина, члена и корреспондента разных учёных обществ, писца, странника и летописца»²⁸¹ и приводит собственные стихи:

²⁷⁴ В 1919 г. о Волотах в Буйском уезде Костромской области был записан В. И. Смирновым следующий рассказ: «Близ имения Г. Н. Глаголева «Ивановское» есть Волотовы горы... они, по преданию, накопаны были жившими здесь великанами по имени Волоты. Они были так велики, что, занимаясь кузнечным делом, передавали друг другу топоры на другой берег реки». Смирнов. В. И. Клады, паны и разбойники // Труды Костромского научного общества. – Кострома, 1921. Вып. XXVI.

²⁷⁵ Чернецова С. Б. Опыт интерпретации преданий об аборигенах края в Верхнем Поволжье в связи с семантикой культовых камней // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ / Материалы конференции. – Ярославль, 2008. – С.138 – 146.

²⁷⁶ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 1. Дементьев Д. П. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива. Ветлужская старина.

²⁷⁷ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. – Л. 24 об. КГУАК. Отчёт о деятельности КГУАК 1891 г.

²⁷⁸ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 1. Дементьев Д. П. Указ. соч.

²⁷⁹ Бочков В. Н. Ветлужский летописец: Образы краеведов // Памятники Отечества.– 1989. №1.– С. 72 – 78.

²⁸⁰ Бочков В. Н. Ветлужский летописец: Образы краеведов // Памятники Отечества.– 1989. №1.– С. 72.

²⁸¹ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 1. Дементьев Д. П. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива.

«Что было раньше, то прошло,
То память в летопись запишет.
Иное время подошло,
Трудимся мы доколе дышим.

Берем великую отвагу
Сей труд немалый, а велик,
У нас нет денег на бумагу,
Но я сознанием проник»²⁸².

В 70 – 80-е гг. XIX в. юноша Д. П. Дементьев странствовал по сёлам Варнавинского и Ветлужского уездов, переписывал из церковных архивов исторические документы. Он активно сотрудничал с Костромской учёной архивной комиссией. В 1892 г. он пожертвовал этой комиссии 283 свои рукописи под названием «Материалы для истории Ветлужского края» и был зачислен в число действительных её членов. Не имея средств даже на бумагу, Д. П. Дементьев постоянно писал и собирал древности, выкупая их разными способами: «Да хотя не имею даже пятака, чтобы купить белой бумаги на тетрадь 6 листов, но я нашёл неисписанные 3 листа у сына, взятых на копейку для курения табаку, но нам подарены эти табачные листы, и мы заполняем их в Новый год началом новой 167 книги»²⁸³. Тем более удивительным кажется подвиг самоучки писателя, что жизнь его в материальном плане была совсем не устроена, но бытовые трудности, недовольства семьи не останавливали его на пути поиска и покупки новых исторических документов у населения, поиска документов храмов.

О его тяжелом материальном положении говорит тот факт, что, будучи уже не молодым, в 55 лет Дементьев просит послать его служить в армию, надеясь иметь там хотя бы одежду и пропитание²⁸⁴. В Государственном архиве Костромской области сохранились неопубликованные письма не установленному нами адресату (Павлу Аксентьевичу). Из письма Д. П. Дементьева: «По части археологии и приобретения древности предметов много расходую своего жалованья, отказывая себе в другой необходимости»²⁸⁵.

В середине 1880-х гг. Д. П. Дементьев начал писать первые тома своего удивительного труда, содержащего многочисленные факты черемисской культуры, «Ветлужская старина» под общим заголовком «Рукописи Дементьевского архива». Кроме того, в архиве сохранились и его отдельные труды – этнографические записи, стихотворные сборники, работы по истории Ветлужского края. В 1885 г. его трудами заинтересовался костромской губернатор В. В. Калачёв. При содействии В. В. Калачёва ряд трудов Д. П. Дементьева, касающихся финно-угорской культуры Ветлужского края, были напечатаны в «Правительственном вестнике», «Историческом вестнике», «Костромских губернских ведомостях» и «Костромской старине».

²⁸² Там же. – Л. 3 – 4.

²⁸³ ГАКО. Ф. 558. Оп.2. Д.188. / Летопись странника. Т. 167.– Л. 4.

²⁸⁴ Там же. – Л. 88.

²⁸⁵ ГАКО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1. – Л. 2 об. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891 г.

Сохранились неизданные письма Д. П. Дементьева Ф. Д. Нефёдову, где он сообщал о посылке ему своей рукописи «Свадебные обряды в Шанге и материалы для русских свадеб в Пыщуге»²⁸⁶ – работы, содержащие черемисские традиции и фольклор.

В эти же 90-е гг., по материалам «Ветлужского летописца», полученного от крестьянина починка Зотово Тоншаевской волости Захара Солоницына, Д. П. Дементьев написал две работы: «Краткие исторические сведения о Кажировской пустыни»²⁸⁷, и «Краткий исторический очерк Шангского городища»²⁸⁸. КГУАК напечатала их в своём сборнике «Костромская старина» (выпуски 2, 3, 4, 5 за 1892, 1894 и 1901 гг.). В этих работах Д. П. Дементьев дал подробные сведения о взаимоотношениях галичских (мерянских) и марийских князей в период первоначального заселения русскими верховий Ветлуги, Ветлужской волости в XIV – XVII вв. Поскольку «Ветлужский летописец» и другие местные летописи, которыми пользовался Д. П. Дементьев при написании своих работ, не вошли в сборник русских летописей, то изложенный в работах материал может показаться сомнительным. Однако написанные Д. П. Дементьевым работы заслуживают серьёзного внимания краеведов. Тем более, что учёные и краеведы этим периодом истории края не занимались.

В отчёте о деятельности КГУАК за 1891 г. отмечалось о необходимости издания истории Кажировой пустыни Д. П. Дементьева: «статья «Краткий исторический очерк Шангского городища» весьма интересная по извлечённым из разных источников сведениям из истории Ветлужского края»²⁸⁹. Безусловно, материалы, собираемые Д. П. Дементьевым о черемисском населении, сыграли большую роль в составлении этнической картины Костромского края. Черемисское население, как принадлежащее к финно-угорской группе, составляло значительную часть среди населения Костромского края. Если к XIX в. мерянское население не осознавало своих этнических корней и относило себя к великороссам, то черемисы считали себя самостоятельной этнической группой. Так, по переписи населения 1897 г., среди населения Костромской губернии, составлявшего 1387015 человек, черемис насчитывалось 2001 человек, притом, что великороссов было 1381376 человек²⁹⁰.

Наиболее важным пунктом поселения черемис (мари) можно считать Кажирово – это село в Вохомском районе Костромской губернии. На древнем марийском языке село называлось Якшан. Первоначально село Якшан было основано черемисским юмским князем Коджа Ералтем, на землях шангского черемисского князя Кая, имевшего резиденцию в Шанге (мар. *Шанза*). Впоследствии Коджа Ералтем принял христианство

²⁸⁶ ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. – Л. 24. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива. Ветлужская старина.

²⁸⁷ Дементьев Д. П. Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни // Костромская старина. – Кострома, 1892. – Вып. 2.

²⁸⁸ Дементьев Д. П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина. – Кострома, 1894. – Вып. 6.

²⁸⁹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 47. – Л. 27. Отчёт о деятельности КГУАК 1891 г.

²⁹⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. [электронный ресурс] // Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку: [Сайт].[2010]. URL: <http://www.demoscope.ru/>.

под именем Елиазар и строил церкви, беспрепятственно допуская на марийских землях русские и татарские поселения. Марийское население с принятием христианства постепенно ассимилировалось с русскими. Еще в 1744 г. Кажирова пустынь вошла в состав новообразованной Костромской епархии²⁹¹.

Д. П. Дементьев обнаружил рукописи бывшего Кажировского монастыря, хранящиеся в церковном архиве в селе Кажирове. Рукописи были найдены благодаря священнику Василию Дилигенскому. Сам же Д. П. Дементьев в кладовой монастыря в старых бумагах случайно нашёл отрывки древнего Кажировского летописца. Отрывки из этих документов и послужили основанием к составлению указанной работы. Д. П. Дементьев отмечал в письме «Лишь только кончу печь (*складывать*), приступлю вновь к сочинениям о Черемисах и изложении событий по летописи»²⁹².

Найденные документы содержали сведения о проживании черемис: «В Костромской губернии настоящего Ветлужского уезда, а в прежней Ветлужской волости, по берегам реки Ветлуги, в XII в. жили Черемисы, называвшие себя Меря. В Лаврентьевской Летописи Черемисы в первый раз упоминаются в 858 г., т. е. до начала истории русскаго государства... Черемисы составляли тогда многочисленное племя и жившие на берегах реки Ветлуги...»²⁹³. По завоевании Черемисского города Кошкарова новгородцами в 1174 г., переименованного ими в Котельнич, а также при основании города Хлынова, нынешней Вятки, «Черемисы более населяли местность в Ветлужских пределах, по берегу Ветлуги, и основали новый город Якшан. В 1240 г. последовало сюда и ниже по берегу Ветлуги, заселение Черемис с Юмы (Котельничского уезда) под начальством Черемисского князя Коджи, который остался на месте Якшана или нынешнего Кажирова»²⁹⁴.

В рукописном варианте работы «Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни» указывалось: «В 1468 году Черемисы, населявшие берега Ветлуги, не повиновавшиеся великому князю и разорявшие его сторону, были покорены, и семьи их разграблены и сожжены галичанами, а крепости и города их Ветля-Шанга отобраны. За одержание такой победы главный покоритель князь и боярин Михаил Мстиславский получил в дар от Иоанна всю Ветлужскую волость»²⁹⁵. Из описанных исторических событий мы видим, что контакты военного характера и многочисленные переселения, вероятно, стали причиной этнического смешения, поэтому в начале работы Д. П. Дементьев отмечал, что черемисы называли себя меря.

Достойное место в деятельности КГУАК занимают археологические изыскания Н. М. Бекаревича. Николай Михайлович Бекаревич, будучи по основной профессии ветеринаром, ещё с времён сотрудничества в Обществе естествоиспытателей при Казанском университете приобщился к археологической работе. Хорошие знания анатомии и зоологии на первых порах пригодились при занятиях раскопками,

²⁹¹ Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церковей 1628–1710 и 1722–1746 гг. – Кострома, 1895. – С. 134.

²⁹² ГАКО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 1. – Л. 7. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу. 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891 г.

²⁹³ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. – Л. 58. Дементьев Д. П. Краткие сведения о Кажировой пустыни.

²⁹⁴ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 41. – Л. 59. Дементьев Д. П. Краткие сведения о Кажировой пустыни.

²⁹⁵ Там же. – Л. 62.

впоследствии большая экспедиционная практика, совместная работа с Ф. Д. Нефёдовым сделали из археолога-любителя настоящего профессионала. Членом КГУАК он был избран 14 марта 1891 г.

Значительным событием в деятельности КГУАК, представлявшей учёную общественность города, в 90-е годы стали два доклада на заседании комиссии Н. М. Бекаревича о произведённой им совместно с И. Д. Преображенским и И. В. Миловидовым раскопке курганов в Костромском уезде²⁹⁶. Н. М. Бекаревичем изложен анализ раскопок 99 курганов в 11 группах Костромского уезда, произведённых в 1892 г.²⁹⁷, 45 курганов в девяти могильниках в 1893 г. и 106 курганов в 14 могильниках в 1894 г.²⁹⁸ Важными были выводы Н. М. Бекаревича о том, что в курганах Костромского уезда обнаружено большое количество предметов мерянской культуры. При этом автор подтверждал мнение А. С. Уварова о финно-угорской принадлежности курганных памятников.

В 1895 г. Н. М. Бекаревич начал очередные раскопки курганов в Костромском Поволжье и севернее. И в этом же году он произвёл осмотр и описание Каримовского городища. Продолжались эти раскопки до 1899 г. Н. М. Бекаревич неоднократно выступал перед членами КГУАК с отчётами о раскопках и выдержками из дневников экспедиции на заседаниях учёной архивной комиссии²⁹⁹. Внимание Н. М. Бекаревича, начиная с 1895 г., сосредоточено на курганных могильниках, расположенных в левобережье Волги. В течение трёх летних полевых сезонов 1895–1897 гг. вскрывалось ежегодно около 200 курганов. Среди наиболее интересных находок присутствовали явно финно-угорские. В деревне Терешино на игольнике изображён «... вид капища и в середине его как бы изображение жертвенника. По сторонам этого строения изображены два коня.... Из Васильковского курганного кладбища – изящно сделанный прорезной двуглавый петушок, с подвешенными внизу на цепочках лапками»³⁰⁰. Н. М. Бекаревич внёс весомый вклад в развитие темы исследования финно-угорской культуры Костромского края. В основном это касалось накопления материала финно-угорских археологических древностей, его первичной обработки, простейшего описания и некоторых выводов с опорой на имеющиеся в его распоряжении на тот момент знания археологической науки.

Наиболее популярным видом деятельности членов архивной комиссии в конце XIX в. стали публичные лекции по результатам археологических раскопок и сбора исторического материала. Лекции были рассчитаны на широкую публику, среди

²⁹⁶ Бекаревич Н. М. Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведённой им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома, 1894. – Вып. 3.; Доклад о раскопках, произведённых совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома, 1897.

²⁹⁷ Бекаревич Н. М. 1894. Указ. соч. – С. 25–39.

²⁹⁸ Бекаревич Н. М. Доклад о раскопках, произведённых совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома, 1897. – С. 371–376.

²⁹⁹ Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведённые членами Комиссии в 1895–1899 гг., Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома, 1901. № 5. – С. 444 – 446.

³⁰⁰ Там же. – С. 444.

заинтересованных лиц были учёные, школьники, студенты, просто горожане, интересующиеся историей и культурой. В Костроме эти лекции часто проводились в Дворянском собрании. В декабре 1896 г. и в августе 1897 г. в публичных лекциях Н. М. Бекаревич высказал мнение и дал характеристику вещевого материала погребального инвентаря, привёл данные о виде, форме, размерах насыпи, прописал обряд захоронения, высказал свои соображения по вопросам хронологии и этнической принадлежности населения, оставившего костромские курганы: «Курганные люди жили в обследованных районах в конце IX и X вв. Близки же они к Ярославскому курганному населению, т. е. к Мери...»³⁰¹. Высказанные мнения представляют интерес, в плане того, что впоследствии в научных исследованиях сформировались две точки зрения на костромское население: представители первой считали костромское финно-угорское население именно мерянским, опираясь на данные топонимики (Галич Мерский, река Маара и др.), вторая точка зрения отрицает этот факт. Необходимо отметить, что Н. М. Бекаревич первым обратил внимание на данный вопрос. Описанные Н. М. Бекаревичем находки финно-угорского характера на данных территориях (шумящие подвески, зооморфные изображения), впоследствии были подтверждены находками Ф. Д. Нефёдова на территории с. Красное, атрибутированными как финно-угорские. Это шумящие подвески, зооморфные амулеты: подвеска шумящая объёмная в виде птички с двумя коническими привесками XII в.³⁰²; подвеска шумящая треугольная каркасная с тремя привесками в виде гусиных лапок XII – XIII вв.³⁰³ и др.

В дневнике Н. М. Бекаревича содержались сведения о погребальном обряде и хронологии курганной эпохи, собранные во время раскопок. Исследователь датировал погребальные насыпи концом IX– X вв., но считал возможным отнести некоторые памятники к XI – XII вв.³⁰⁴

К научно-исследовательской деятельности КГУАК относятся выступления на заседаниях и подготовка рефератов членов КГУАК, которые свидетельствуют о том, что учёная общественность в 90-х гг. была хорошо знакома с передовыми методами исследований, научной проблематикой, касающейся финно-угорского культурного наследия. Среди работ, непосредственно касающихся этой темы и обсуждаемых членами КГУАК, следует отметить труды А. А. Спицына. Он был известен членам КГУАК как археолог и как заместитель председателя Императорской Археологической комиссии. Будучи на службе в комиссии с 1892 г., он фактически направлял всю её повседневную работу. Он занимался изучением, систематизацией, каталогизацией древностей России (бронзовый век, скифо-сарматские, волжско-камские, славянские). Составил уникальную для своего времени по полноте и разнообразию сводку печатных и архивных данных об археологических памятниках и отдельных находках древностей на всей территории Российской империи, а также продолжил начатую Д. Я. Самоквасовым, публикацию анкетных данных о расположении городищ и курганов в

³⁰¹ Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг., Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома, 1901. № 5. – С. 446.

³⁰² КГИАХМЗ. Коллекционная опись. Фонд археологии. КОК 15452/90. А – 120/90.

³⁰³ Там же. КОК 15453/42. А – 121/42.

³⁰⁴ Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг., Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома, 1901. № 5. – С. 446, 453.

отдельных губерниях и областях России³⁰⁵. Благодаря археологическим раскопкам конца XIX – начала XX вв. и прежде всего научной деятельности А. А. Спицына, в начале нашего столетия стали хорошо известны предметы финно-угорской материальной культуры, давшие достаточное представление об особенностях материальной культуры древней мордвы, муромы. А. А. Спицын продемонстрировал новый подход к интерпретации археологических источников. К концу XIX – началу XX вв. выдающийся систематизатор славянских и финно-угорских древностей проделал колоссальную работу по изучению средневековых курганных материалов из разных древнерусских областей. Впервые появилась возможность сопоставления материалов обширной зоны русско-мерянского пограничья с материалами тех районов, где финно-угорский этнический элемент заведомо отсутствовал. В итоге сравнительного анализа А. А. Спицын пришёл к заключению о древнерусском облике культуры крупных курганных регионов в северо-западных и северо-восточных областях Руси³⁰⁶. А. А. Спицыным написана первая сводная работа о мерянских археологических памятниках³⁰⁷.

В конце XIX в. популяризация финно-угорского культурного наследия связана с деятельностью «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева на территории Костромского края. Князь Вячеслав Николаевич Тенишев – крупный промышленник, инженер, этнограф, археолог и социолог, общественный деятель и основатель Тенишевского реального училища в Санкт-Петербурге. В 1890-х гг. он на собственные средства создал «Этнографическое бюро» для сбора материалов об образе жизни русского народа. В 1898 г. бюро разработало «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России», которая создавалась В. Н. Тенишевым в течение 1896 – 1897 гг. с помощью смоленских краеведов В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова. Эта Программа опиралась на опыт сбора подобных материалов Академией наук, Вольным Экономическим Обществом, Русским Императорским Географическим Обществом и др. Она рассылалась внештатным сотрудникам «Этнографического бюро». Всего в программу включен 491 пункт, объединённый в 10 разделов, в составе которых насчитывалось 2500 вопросов. В дополнение к изданной программе составлялись и рассылались специальные анкеты по разделам, представлявшим наибольший интерес для владельца бюро. Программа включала вопросы, ориентированные на фиксацию старины, запись народных юридических обычаев, обрядов, фольклорных текстов³⁰⁸.

³⁰⁵ Бердинских В. А. Вятский период жизни А. А. Спицына // Очерки истории русской и советской археологии. – М., 1991.

³⁰⁶ Жукова Е. Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: дис... канд. ист. наук. – М. 2005. – С. 40.

³⁰⁷ Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей Российских в археологическом отношении // ЗРАО – СПб., 1899. Вып. 1–2. – С. 237–248.

³⁰⁸ В 2003 г. Архив РЭМ публикует документы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева в рамках целевой федеральной программы «Культура России 2001 – 2010» под руководством Грусмана В. М.; Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. [Электронный ресурс]. [2010]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section/343/1652/1764/2945.htm>. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева // АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1.

Деятельность «Этнографического бюро» была хорошо организована. Владельцем и главным научным руководителем всего предприятия был сам В. Н. Тенишев. Конкретной организационной работой занимался заведующий бюро, должность которого в разное время занимали этнографы А. А. Чарушин и С. В. Максимов. В бюро имелись штатные и внештатные сотрудники. Внештатные сотрудники, так называемые корреспонденты, занимались сбором сведений в той местности, в которой они жили. Это были учителя, священнослужители, семинаристы, студенты и небольшое количество образованных крестьян – всего 350 человек из 23 губерний Европейской России. Материалы должны были иметь название главы программы и номер освещаемого вопроса. Ответы на вопросы должны были быть точными, являться фактами, а не общими рассуждениями о жизни крестьян. От корреспондентов требовалась абсолютная достоверность информации, считавшаяся главным условием успешности выполнения программы. Корреспонденты, отвечая на вопросы программы, должны были излагать свои непосредственные наблюдения за жизнью народа, записывать возможно более точно рассказы крестьян.

В Костромской губернии в качестве корреспондентов выступали сельские учителя: М. С. Ветюгова, И. М. Воропонова, И. П. Григорьева, Н. Колосова, В. В. Решеткина и А. П. Травина, а также студент Вологодской духовной семинарии Я. И. Кузнецов, его отец фельдшер И. Кузнецов и ещё четыре корреспондента В. И. Андреева, А. Н. Макарова, К. И. Рощина, Н. Путьковский, профессиональную принадлежность которых установить не удалось, но, судя по тексту, они были, вероятно, также учителями. Авторы этих материалов описывают жизнь крестьян Буйского, Ветлужского, Галичского, Макарьевского, Солигаличского, Чухломского уездов. В рукописях имелась также информация о крестьянах Павинской и Вознесенской волостей Никольского уезда Вологодской губернии³⁰⁹.

Эти источники давали возможность выявить рудименты финно-угорского культурного наследия в крестьянских традициях XIX в. При этом на первый план выходит молодежная субкультура: посиделки, гулянья, игры, пляски, а также свадебный обряд³¹⁰, а также материалы, характеризующие жилище, одежду, пищу, орудия труда и утварь³¹¹.

В качестве примера можно привести записи о праздновании Егорьева дня на исконно мерянских территориях Галичского и Чухломского уездов, где сильно укоренён языческий обряд «окликания Егория»³¹².

Деятельность «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева обсуждалась учёной общественностью Костромской губернии.

В 1995 г. состоялось юбилейное заседание КГУАК, посвященное 10-летию юбилею комиссии. На заседании подводились итоги общественной, научно-исторической и просветительной деятельности КГУАК. Н. Н. Селифонтов сделал

³⁰⁹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева.

³¹⁰ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 72. – Л. 1. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева.

³¹¹ Там же. Д. 376. – Л. 9 – 10.

³¹² АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 592. Л. 1 – 6. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния. Галичский уезд.

доклад³¹³, в котором были представлены основные формы работы: разбор местных архивов, формирование губернского архива, музейной коллекции, библиотеки, издательская и просветительская деятельность, сбор, сохранение и популяризация археологических древностей.

Таким образом, 90-е гг. XIX в. можно охарактеризовать как годы активного интереса к культурам отдельных территорий. Деятельность научной общественности по сохранению и популяризации финно-угорского культурного наследия сгруппировалась вокруг КГУАК.

К основным видам деятельности по популяризации культурного наследия Костромского края членами КГУАК в этот период можно отнести: формирование губернского исторического архива; сбор сведений о древностях края, создание местного музея с ценными коллекциями; формирование библиотек; популяризацию памятников старины в публичных выступлениях; содействие распространению археологических и исторических сведений; исследовательскую деятельность и организацию археологических экспедиций, составление карт, издание отчётов, «Трудов», «Сборников».

Среди наиболее активных членов КГУАК и общественных деятелей, занимавшихся популяризацией финно-угорского культурного наследия, необходимо назвать И. Д. Преображенского, И. В. Миловидова, Н. М. Бекаревича, В. Г. Пирогова, Ф. Д. Нефёдова, Д. П. Дементьева, С. В. Максимова.

Деятельность членов КГУАК была ориентирована на передовые разработки столичных учёных и связана с научной общественностью других архивных комиссий.

§ 2. Археологические съезды в начале XX в. – новый качественный этап развития провинциальной исторической мысли

Заметным явлением научной жизни Российской империи с конца 60-х гг. XIX в. до 1911 г. стали историко-археологические съезды.

Идея проведения Археологических съездов в России (по примеру ведущих европейских стран) была высказана в 1864 г. председателем Московского археологического общества гр. А. С. Уваровым. Всего было 15 Археологических съездов: 1-й – в Москве (1869 г.), 2-й – в Санкт-Петербурге (1871 г.), 3-й – в Киеве (1874 г.), 4-й – в Казани (1877 г.), 5-й – в Тифлисе (1881 г.), 6-й – в Одессе (1884 г.), 7-й – в Ярославле (1887 г.), 8-й – в Москве (1890 г.), 9-й – в Вильно (1893 г.); 10-й – в Риге (1896 г.), 11-й – в Киеве (1899 г.), 12-й – в Харькове (1902 г.), 13-й – в Екатеринославле (1905 г.), 14-й – в Чернигове (1908 г.), 15-й – в Новгороде (1911 г.)³¹⁴. Предполагавшийся 16-й съезд в 1914 г. в Пскове не состоялся из-за начала первой мировой войны. Археологические съезды сопровождались выставками, которые

³¹³ Обзор деятельности Костромской губернской учёной архивной комиссии за первые десять лет с 6 июля 1885г.–6 июля 1895 г.,читанный председателем комиссии Н. Н. Селифонтовым, в заседании комиссии 6 июля 1895 г.//Журнал заседаний Костромской губернской архивной комиссии 6 июля 1895г.– С. 6

³¹⁴ Серых Д. В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX–начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук: – Самара, 2005.

представляли местные древности, служили для пояснения предлагаемых на заседаниях тематических рефератов, знакомили с результатами деятельности археологических обществ. Издавались подробные каталоги выставок. С 3-го съезда начали проводиться экскурсии, с 5-го – показательные археологические раскопки под руководством известных учёных (В. Б. Антоновича, Н. П. Кондакова). В дни проведения Археологических съездов издавались «Известия о занятиях съезда», а иногда альбомы с фотогравюрами участников и т. п. Доклады и рефераты публиковались в полном объёме в «Трудах» съезда. Несомненно, что участие в работе съездов продвигало изучение финно-угорского культурного наследия, поднимало проблемы, связанные с этой темой, на высокий научный уровень.

Созданные по инициативе губернских учёных архивных комиссий областные Археологические съезды отражали направления деятельности этих комиссий (комплектация местных исторических архивов, популяризация культурно-исторического наследия губернии). В областных съездах участвовали представители ГУАК, действовавших на территории нынешнего Верхневолжского региона.

Эффективная работа съездов расширяла круг его участников. Надо отметить, что к началу XX в. в их работе приняли участие исследователи Нижнего Новгорода, Вологды и Новгорода Великого³¹⁵. А также прибывали гости из Москвы и Санкт-Петербурга. Порядок подготовки и проведения областных съездов в целом повторял принятый на общероссийских. Областных Археологических съездов было 4: 1-й – в Ярославле (1901 г.), 2-й – в Твери (1903 г.), 3-й – во Владимире (1906 г.), 4-й – в Костроме (1909 г.)³¹⁶.

Археологические съезды играли исключительно важную роль в развитии исследовательского интереса к историческим древностям в провинции. Именно в период проведения археологических съездов оформилось научное направление по изучению всего комплекса материальной культуры древних финно-угорских народов, проживавших на территории Костромского края. Важно, что среди многих вопросов на съезде были отдельно выделены вопросы, касающиеся сохранения и популяризации финно-угорских древностей. Съезды стали качественно новым уровнем развития провинциальной исторической мысли и популяризации историко-культурного наследия. Они проводились с целью координации деятельности научно-исторических обществ отдельных регионов России.

В рамках участия в съездах был представлен широкий круг материалов, в которых исследователи касались финно-угорских древностей, истории жизни автохтонного населения Костромского края. Съезды стимулировали научную мысль, подогревали интерес к исследованиям, давали возможность высказаться в кругу единомышленников, рождали новые интересные идеи. Это способствовало организации новых исследовательских экспедиций, составлению новых программ по изучению этнографии и фольклора. Съезды аккумулировали всю научную историческую мысль в провинции; тематика вопросов, представленных на заседаниях,

³¹⁵ Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 47.

³¹⁶ Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М., 1902.

выходила за рамки проблем археологии и часто касалась историко-краеведческих исследований в целом. Материалы заседаний археологических съездов освещались в периодической печати.

Для Костромского края период 1900 – 1910-х гг. был временем оживления интереса к этнографическим, фольклорным и археологическим артефактам финно-угорского культурного наследия.

Открытие первого областного историко-археологического съезда состоялось в Ярославле 10 августа 1901 г. На съезд прибыло около 200 делегатов. В соответствии с программой съезда были сформированы секции, которые возглавляли столичные учёные, их названия почти не менялись после съезда в Ярославле: 1) «первобытных древностей»; 2) «церковных древностей»; 3) «живой старины» и филологии; «истории»; 4) «архивоведения и археографии»³¹⁷. В секции «первобытных древностей» Н. М. Бекаревич выступил на первом областном съезде с докладом «О некоторых городищах в Костромской губернии», в котором подвёл итоги археологических исследований в Костромской губернии³¹⁸.

Между съездами КГУАК вела активную просветительскую деятельность, одним из её видов были экскурсии по музею учёной архивной комиссии. В газете «Костромской листок» за 1903 г. описывался приезд школьников из г. Плеса в Кострому, при этом сообщалось, что экскурсанты отправились в музей учёной архивной комиссии, где им даны были подробные объяснения Н. М. Бекаревичем и И. Д. Преображенским».

Следующий 2-й областной археологический съезд состоялся в Твери в 1903 г. В программу съезда кроме выступлений были включены посещение археологической выставки и экскурсий. Одним из решений этого съезда было составление археологических карт губерний по примеру работ В. А. Плетнёва, представлявшего Тверскую комиссию, и Н. М. Бекаревича, представлявшего Костромскую учёную архивную комиссию. На антропологической выставке съезда из коллекции костромского музея были представлены предметы финно-угорской культуры: черемисские костюмы из Ветлужского уезда Костромской губернии и коллекция «куричьих богов» из уездов Костромской губернии, зарисовки черемисской семьи из деревни Большие Ошары, двух кереметищ и священного дуба³¹⁹.

Костромские исследователи Андроников В. А. и Бекаревич Н. М. выступили на съезде с докладами. В. А. Андроников с докладом «Свадебные причитания Костромского края со стороны формы и содержания», в котором он развил тему

³¹⁷ Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2010. № 3. – С. 48.

³¹⁸ Бекаревич Н. М. О некоторых городищах в Костромской губернии// Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М. 1902. № 3. – С. 38 – 40.

³¹⁹ Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. – С. 20.

своеобразия свадебных обрядов Костромского края. Н. М. Бекаревич – с докладом «Заметка о курищем боге в Костромской губернии»³²⁰.

Доклад Н. М. Бекаревича явился результатом изучения коллекции «куриных богов», хранящихся в количестве 285 экземпляров в музее КГУАК. «Куричим (куриным) богом» – с древних времён считался камень со сквозным отверстием, служившим для охраны кур от болезней, которые посылались кикиморой. Участники съезда: И. Я. Шляпкин и М. И. Соколов предложили сопоставлять аналогичный этнографический материал для выявления причин использования камня.

Необходимо отметить, что иногда роль «куриного бога» выполняли старые предметы, поломанные, вышедшие из употребления (горшок и лапоть с дырой); они традиционно связывались с культом мёртвых. Для различных предметов, воплощающих собой «куриного бога», характерна необычная форма, а также то, что они помещались на высокое, видное место; это должно было сразу привлечь взгляд постороннего человека, вызвать его удивление и тем самым уберечь хозяйство от сглаза. На данном этапе Н. М. Бекаревич лишь предложил изучать интересное явление. Позднее исследователи предположили, что название «куриный бог» образовано, возможно, по аналогии со «скотий бог» (так характеризуется Велес в летописях) – оберег скота. Функции того и другого оберега могли выполнять одни и те же предметы. В горшке селился дух, покровительствующий курам. В почитании «куриного бога» перемешаются славянские и финно-угорские традиции и восходят к более древним временам. Обережные ракушки с дырочками обнаруживаются на стоянках человека каменного века. При этом в разных местах их называли то священными, то колдуньиными³²¹. В коллекции Российского этнографического музея хранится камень «Куриный бог», присланный из Костромской губернии (см. Приложение 4).

В начале XX в. неоднократно поднимался вопрос о создании археологической карты Костромской губернии. В Твери на 2-м областном археологическом съезде материалы для составления подобной карты представил Н. М. Бекаревич³²².

В материалах в большом количестве приводятся артефакты финно-угорского культурного наследия. При анализе документов нами проанализировано 19 записей, свидетельствующих о древнейшем заселении территории края прафинно-угорскими

³²⁰ Андроников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. С. 33–93; Бекаревич Н.М. Заметка о курищем боге в Костромской губернии/Отдел Живая старина. Областная этнография // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда 1903 года 10-20 августа. – Тверь, 1906. – С. 115–123.

³²¹ Зеленин Д. К. Магические функции примитивных орудий // Изв. АН СССР. Отделение обществ, наук. – 1931. – № 6; Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л., 1983. – С. 124 – 133.

³²² Бекаревич Н. М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд. – Тверь: Типография губернского правления, 1905. – С. 16–44.

племенами³²³. Так, в дер. Елкотово Гридинской волости находятся 4 курганных группы³²⁴.

Группа 1-я располагается на северо-востоке от селения и состоит из 24 насыпей, из числа которых 23 были раскопаны в 1895 г. Костромской Архивной Комиссией. При костяках обнаружены: бронзовые и серебряные височные кольца, фибула со знаком свастики, подвески в форме усечённых конусов и барашков, пряжки, кольца, ножи; 2-я находится на юге от первой, по другую сторону р. Сендеги, на небольшой возвышенности, и состоит из 18 курганов. При костяках найдены: височные кольца, браслеты, перстни, железные ножи; 3-я находится к юго-западу от селения и состоит из 14 насыпей. При костяках обнаружены: височные кольца, лунница подвески в виде птиц, конька и барашка, браслеты, ножи. В деревне Поповка, Гридинской волости Курганное кладбище расположено на юго-востоке, в 1 версте от деревни, по левую сторону р. Сендеги, и включает 23 насыпи полушарообразной формы, из числа которых 20 в 1895 г. были исследованы Костромской Архивной Комиссией. При костяках найдены: височные кольца, подвески в форме коньков, железные ножи»³²⁵. Также найдены: височные кольца, пронизка, треугольные подвески с пластинками в виде утиных лапок, лунницы, браслеты, ножи³²⁶. Н. М. Бекаревичем было сделано качественное описание археологических находок. Однако они не атрибутированы ни по времени, ни по этнической принадлежности. Сопоставляя их с более поздними находками мерянских городищ (например, Поповское городище), можно сделать вывод о мерянской принадлежности находок, описанных Н. М. Бекаревичем. Об этом свидетельствуют и подвески в виде утиных лапок, в форме коньков, многочисленные железные ножи и топоры, височные кольца.

Признаком мерянской территории являются топонимы, отмеченные Н. М. Бекаревичем в материалах для археологической карты: р. Сендега, Паны. Интересно название Руболдино. Изучение некоторых названий на -бал, -бала, -бол, -бола, по мнению известного лингвиста А. К. Матвеева, являются яркой дифференцирующей чертой мерянской топонимии: «бесспорно, ойконимический формант, характерный для мерянских названий поселений и достаточно широко распространенный на территории исторических мерянских земель, где зафиксировано несколько десятков таких наименований (Атебал, Брембола, Искробол, Курдобалово, Мушпал, Ружбал, Яхробол и т. п.)»³²⁷. Наиболее ценными для дальнейших исследований в работе Н. М. Бекаревича были указания на погребения в сосновых колодах с меридиональным труположением; наличие женских украшений (шумящие подвески), литые коньковые привески, ножи, топоры; обычай насыпать могильные холмы-курганы («паны»). В середине XX в., по материалам Н. М. Бекаревича, археологом и исследователем финно-

³²³ Там же. – С. 16.

³²⁴ Там же. – С. 25–27.

³²⁵ Бекаревич Н. М. Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд. – Тверь: Типография губернского правления, 1905. – С. 34.

³²⁶ Там же. – С. 36–37.

³²⁷ Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери / Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург. – 1997. – № 7. – С. 5–17.

угорской культуры Поволжья Е. И. Горюновой были сделаны выводы о принадлежности Боровиковского могильника мерянской культуре³²⁸.

Очередной III областной историко-археологический съезд состоялся во Владимире летом 1906 г. На съезде присутствовали 158 делегатов, среди них академики, профессора, преподаватели, учёная общественность Владимирской, Ярославской, Костромской губерний, а также из столиц.

Съезд проходил в сложных для науки условиях, в период революции 1905–1907 гг. Несмотря на это, он был проведён на высоком уровне, который превзошёл все ожидания. По мнению председателя съезда профессора Н. В. Покровского, «III областной археологический съезд свою научную задачу выполнил «удовлетворительно» — «многие вопросы, относящиеся к старине Владимиро-Суздальского края, решены, многие намечены, но остались неразрешёнными вследствие затруднительности их решения, требующего участия всех наших учёных сил»³²⁹. Вместе с тем В. Н. Покровский отметил, что всё услышанное на съезде «часто-часто будет заставлять нас обращаться мыслью и сердцем к отдалённому прошлому исконного русского края, где русский дух и предания старины глубокой ещё и доселе живы»³³⁰.

К началу III областного историко-археологического съезда во Владимире открылась выставка, положившая начало историческому музею. В экспозиции владимирского исторического музея к открытию выставки в 1906 г., имелось 897 экспонатов, которые делились по разделам церковных и первобытных древностей, бытовых памятников. Коллекции музея с первых дней работы ВУАК постоянно пополнялся пожертвованными и купленными на средства комиссии предметами старины. Общее количество экспонатов, поступивших в музей за двадцать лет существования ВУАК (Владимирской ученой архивной комиссии), составило более чем 8 тысяч предметов³³¹. В разделе древностей особый интерес представляли доклады Г. Г. Мельниченко «К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII в.» и И. А. Тихомирова «Кто насыпал Ярославские курганы?»³³²

В перерывах между съездами члены КГУАК продолжали научную деятельность, стремились дополнить свои знания. В 1904 г. в Твери решено было провести работу археологических курсов с чтением лекций. В 6-м выпуске «Костромской старины» был дан отчет о Тверских археологических курсах и об участии костромичей в занятиях на курсах. Для чтения лекций были приглашены известные ученые России С. Ф. Платонов, Н. В. Покровский, А. И. Соболевский, В. В. Майков, И. Я. Гурлянд и др. Костромичи присутствующие на курсах, могли ещё и пообщаться с приехавшими членами Нижегородской, Ярославской и Пермской учёных комиссий³³³.

³²⁸ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА № 94. – М: Академия наук СССР, 1961. – С. 240.

³²⁹ Смирнов А. В., Трегубов М. И. Отчёт о деятельности ВУАК за восьмой год её существования (1906 г.) // Труды ВУАК. Кн. IX. – Владимир, 1908. – С. 24–27.

³³⁰ Там же. – С. 27.

³³¹ Кириллова Л. В. Владимирская ученая архивная комиссия: создание, научная и просветительская деятельность (1808–1918 гг.): дисс... канд. ист. н. – Владимир, 2012.

³³² Труды III Областного историко-археологического съезда. – Владимир, 1909.

³³³ Отчет о деятельности Тверской ГУАК с 1903 по 1912 г. – С. 44.

Период 1905 – 1909 гг. для КГУАК и всей ученой общественности можно считать подготовительным к Костромскому областному историко–археологическому съезду. Интересно отметить внимание церковной интеллигенции к вопросам, касающимся древней истории и культурного наследия края. Среди этой части ученой общественности надо выделить имя Иоанна Яковлевича Сырцова. Ректор Костромской духовной семинарии, протоиерей костромского Успенского кафедрального собора, он также выполнял обязанности редактора «Костромских епархиальных ведомостей», был членом Костромской духовной консистории. И. Я. Сырцов вёл обширную общественную работу. Он являлся почётным членом КГУАК, Костромского Александровского православного братства, активным корреспондентом «Морского сборника», «Православного собеседника», «Русского обозрения», «Русского чтения», «Странника», «Церковных ведомостей» и провинциальных периодических изданий. К съезду И. Я. Сырцов подготовил справочник «Город Кострома в её прошлом и настоящем»³³⁴. Наиболее значимым церковным деятелем Костромской губернии конца XIX в. можно считать Ивана Васильевича Баженова. Учёный-богослов, историк, краевед и публицист Иван Васильевич Баженов (1855–1920 гг.), сын священника с. Кой Тверской губернии, закончил магистром Казанскую духовную академию, преподавал в Вятской, а затем с 1883 по 1918 г. в Костромской духовной семинарии. Преподавательская работа не мешала его исследованиям, с 1887 г. им напечатано свыше 300 статей в различных богословских и археологических изданиях, два варианта истории Костромского Богоявленского монастыря вышли отдельно. Магистерская диссертация была защищена в Казани в 1907 г. С 1894 г. И. В. Баженов состоял членом совета КГУАК, а в 1912 г. был избран членом-сотрудником Петербургского Археологического института. Он с 1911 г. был единственным председателем недолго просуществовавшего Костромского церковно-исторического общества. Наряду с этим И. В. Баженов являлся членом КГУАК и сотрудником Санкт-Петербургского Археологического института. Ему принадлежит более трёхсот краеведческих трудов о Костромской области. И. Я. Сырцов и И. Баженов были единомышленниками И. В. Миловидова, разделяя его точку зрения о месте основания города Костромы и версии объяснения древнего названия города. Однако именно И. Баженов³³⁵ описал финскую версию, согласно которой город построен мерянским финским племенем в пору начинающегося слияния этого племени с пришедшими славянами. По другой версии предполагается, что город построен князьями, стремившимися распространить славянство, а население города представляло собой славяно-мерянский конгломерат. И. Баженов высказал предположение, что город возник ранее 1152 г. на правом берегу реки Волги в районе Городища, и связано это с тем, что на данной территории издревле проживали мерянские племена. «Мы полагаем, что Городище занимало центральное положение и, вероятно, самое лучшее возвышенное место посередине мерянских поселений»³³⁶. По его мнению, оно служило укрепленным местом для самих жилищ

³³⁴ Сырцов И. Я. Город Кострома в её прошлом и настоящем. – Кострома, 1909.

³³⁵ Баженов И. В. Костромской кремль. Историко-археологический очерк // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1905. – Вып. 4. – С. 90–116.

³³⁶ Баженов И. В. Костромской кремль. Историко-археологический очерк // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1905. – Вып. 4. – С. 93.

обитателей. «Между тем нельзя забывать, что у всех племён железного века был общенародный обычай насыпать городища; конечно, он существовал и у тех мерян, которые колонизовали г. Кострому...и кремль находился, видимо, на том же самом возвышении, которое ныне занимает селцом Городище, составлявшем в отдаленной древности, несомненно, мерянский городок»³³⁷.

В своих исследованиях И. М. Баженов опирался на исследования А. С. Уварова и И. В. Миловидова, которые, в свою очередь, приводили все известные на то время версии названия города Костромы. Не менее существенным было обследование И. М. Баженовым храмов и монастырей г. Костромы, содержащих значительные для истории края рукописи. Материалы, имеющие фактологическую ценность в области древних обрядов, были отражены в исследованиях «Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII в.»³³⁸, «Обозрение Костромских монастырей и пустыней Костромской епархии»³³⁹. Исследования содержат сведения об исторических событиях, легенды, связанные с древним населением края.

Просветительская деятельность в преддверии съезда также активизировалась. В местной прессе находим сведения о проведении экскурсий по Романовскому археологическому музею: «здесь внимание экскурсанток наиболее было затронуто этнографическим отделом и предметами, добытыми при раскопках. Нужные при обозрении музея разъяснения давали хранитель музея А.И. Черницин и инспектор епархиального училища св. П. А. Алмазов, состоящий членом совета архивной комиссии. При обозрении отдела раскопок последним была предложена вниманию посетительниц краткая лекция о том значении, какое имеют раскопки для изучения прошлого данной местности»³⁴⁰. Как видим, стремление к распространению знаний о древней истории края стало одной из важнейших задач КГУАК.

Главным событием для научной общественности в 1909 г. стала подготовка к IV областному историко-археологическому съезду в Костроме. Ведущую роль в подготовке и организации съезда играла КГУАК. Как только стало известно о том, что съезд будет проходить в Костроме, Комиссия на своих заседаниях занялась разработкой программы, сбором сведений об участниках, подготовкой списка изданий, которые было необходимо выпустить к съезду. При непосредственном участии КГУАК IV областной историко-археологический съезд в Костроме состоялся 21 – 29 июня 1909 г. Несомненно, съезд особо привлёк внимание краеведов к истории и археологическим древностям Костромской губернии.

Участниками областного историко-археологического съезда были столичные учёные, искусствоведы, историки, которые собрались для обмена информацией, получения новых данных в области исторической науки и археологических изысканий. В съезде принимали участие: русский богослов, профессор Московской духовной

³³⁷ Там же. – С. 95.

³³⁸ Баженов И. В. Костромские городские церкви и монастыри по писцовым книгам XVII в. – Костромские епархиальные ведомости. – 1889. – №№5, 11, 16, 17, 18; 1900. – № 19; 1901. – № 8; 1902. – № 1 (некоторые номера на реставрации или отсутствуют).

³³⁹ Баженов И. В. Обозрение Костромских монастырей и пустыней Костромской епархии // Костромские епархиальные ведомости. – 1917. – 15 марта – 15июня (№ 6 – 12).

³⁴⁰ Поволжский вестник. – 1908. – № 648. – 1 июля. – С. 3.

академии А. П. Голубцов, русский историк, известный критик норманнской теории профессор Д. И. Иловайский; искусствовед, российский историк-геральдист, член Русского генеалогического общества в Петербурге, Историко-родословного общества в Москве В. К. Лукомский; профессор Н. В. Покровский; уроженец Галичского уезда Костромской губернии, русский византист, академик Петербургской академии наук, директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский, русский историк, профессор кафедры русской истории Петербургского университета, академик Российской академии наук С. Ф. Платонов (позднее председатель Археографической комиссии, директор Археологического института, главный редактор «Русского исторического журнала») и др. (см. Приложение № 5). От Русского географического общества представителями были избраны Н. Н. Виноградов и Д. К. Зеленин.³⁴¹

Необходимо отметить разнообразие тематики докладов. Это была местная история, археология, этнография, археография, церковные древности, архивоведение. Преимущественный интерес в докладах наблюдался к вопросам археологии и церковных древностей. Это было объяснимо, поскольку археология являлась приоритетным направлением, исходя из самой идеи областных историко-археологических съездов, а внимание к церковным древностям было мотивировано наличием на изучаемой территории значительных памятников³⁴². Все доклады были опубликованы в сборнике «Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г.»³⁴³, который вышел в 1914 г. Среди столичных изданий, активно отреагировавших на данный съезд, можно назвать «Вестник археологии и истории», издаваемый Императорским Археологическим институтом³⁴⁴, полностью посвящённый съезду.

Губернский статистический комитет к открытию съезда издал самый объёмный календарь на 1909 г. и «Исторический очерк Костромского края» П. С. Троицкого³⁴⁵.

В 1909 г. к съезду были изданы работы по истории г. Костромы: П. А. Алмазова, М. Я. Сырцова, П. П. Смирнова, В. Ширяева, П. Е. Навоева, в которых приводились сведения о проживавшем некогда мерянском населении на территории Костромы³⁴⁶. В

³⁴¹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 13.Ч. 1.– Л. 44.

³⁴² Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2010. № 3.– С. 49.

³⁴³ Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г. / КГУАК. – Кострома: Губернская типография, 1914.

³⁴⁴ Вестник археологии и истории. Императорский Археологический институт.– СПб.: Синодальная типография, 1909. – Вып. XIX.

³⁴⁵ Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 г. / В. А. Толмачев. – Кострома: Губернская типография, 1909.

³⁴⁶ Алмазов П. А. Краткий путеводитель по г. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909; Сырцов М. Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем. – Кострома, 1909; Смирнов П. П. К истории г. Костромы в XVII в. В связи с вопросом о распределении посадского населения по территории Московского государства // Известия IV Областного Историко-археологического Съезда в гор. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909. – 25 июня. –№ 6. – С. 5 – 10; Ширяев В. Описание Костромской губернии: Опыт географии губернии для городских училищ. – Кострома:

путеводителе П. А. Алмазова уделялось внимание мерянской и марийской этнической составляющей населения края³⁴⁷. В приложении к работе П. А. Алмазова была дана «Церковно-археологическая карта Костромской губернии», которая им была специально подготовлена к областному историко-археологическому съезду. (см. Приложение № 6). А. Н. Рождественским к съезду была подготовлена работа об истории археологического исследования Костромской губернии³⁴⁸.

Председателем съезда был основоположник русской церковной археологии, директор Петербургского Археологического института Николай Васильевич Покровский. Н. В. Покровский был уроженцем Костромы. С 1881 г. он участвовал во Всероссийских археологических съездах, начиная с V съезда в Тифлисе, а также во всех областных археологических съездах. Он состоял действительным членом Императорского Археологического общества и Археологической комиссии. В письме Государю Императору о созыве съезда была сформулирована задача: «...изучение древностей нашего края... остатков старины, письменности, быта и прочее», а также съезд сможет «объединить многих людей науки и мыслительной деятельности»³⁴⁹.

Программа съезда была утверждена Министром внутренних дел Российской империи. Разрабатывалась она на высоком уровне. В Костромском областном архиве сохранился «Протокол заседания в Императорском Археологическом институте в Санкт-Петербурге 21 февраля по устройству IV Областного археологического съезда в Костроме в 1909 г.»³⁵⁰. В разделе «Областная история» среди других тем наибольшее значение имели вопросы, касающиеся сохранения и популяризации этнической истории. Это доклады: «Областная этнография. Первоначальный состав населения областей в историческую эпоху и влияние других пришедших сюда народностей»; в разделе «Живая старина» доклад «Особенности языка по губерниям, входящим в состав областей и отдельным местностям»; «Обряды, обычаи, поверья, песни, предания»³⁵¹.

По IV разделу «Историческая география...» сделано было сообщение о славянском заселении края И. А. Тихомировым, прибывшим из Ярославля. Исследователь поднимал вопрос о коренном населении Поволжья³⁵².

Наиболее ярким, научно значимым было выступление А. А. Спицына. В докладе «Финские древности Верхнего Поволжья» он утверждал, «что в основе древностей костромской курганной культуры лежат вещи владимирских курганов и, возможно, они принадлежали сильно русифицированным финнам. Он отмечал также наличие в

Губернская типография, 1909; Навоев П. Е. Описание Костромской губернии: Опыт родинovedения. – Кострома, 1909.

³⁴⁷ Алмазов П. А. Указ. соч. – С. 22.

³⁴⁸ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. – Л. 21–30. Программа IV областного археологического съезда.

³⁴⁹ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. – Л. 6. Программа IV областного археологического съезда. Письмо Государю Императору о созыве съезда.

³⁵⁰ ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. – Л. 57. Протокол заседания в Императорском археологическом институте в Санкт-Петербурге 21 февраля 1908 года.

³⁵¹ Там же. – Л. 30. Программа IV областного археологического съезда.

³⁵² ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 14. Ч. 1. – Л. 9.

инвентаре курганов вещей скандинавского происхождения³⁵³. Позднее эти материалы были изложены в одноименном труде А. А. Спицына³⁵⁴.

Участники съезда были хорошо знакомы с трудами А. А. Спицына, многие из них опирались на его разработки при интерпретации древностей, добытых в экспедициях. Ученый одним из первых в России применил многие передовые методы изучения древностей, в частности, сравнительно-типологический и картографический методы. Датировал многие важнейшие археологические памятники. Городища Костромского Поволжья, по времени предшествовавшие курганной эпохе, А. А. Спицын включил в ареал дьяковской культуры, а среди городищенских находок им были выделены вещи финских типов³⁵⁵. Надо отметить, что А. А. Спицыным была разработана систематика древностей железного века на обширной территории волго-окского междуречья и сопредельных территорий, сформированы критерии, по которым артефакты из культурного слоя Дьякова городища стали относить к раннему железному веку. Впоследствии эти критерии приняли за эталоны. Большим вкладом А. А. Спицына в науку являются составленные им описания огромного количества древностей. А. А. Спицын одним из первых начал рассматривать историю как комплексную науку, неотъемлемой частью которой считал археологию. Так, в монографии «Расселение древнерусских племён по археологическим данным» (1899 г.) он представил успешный опыт сопоставления летописных и археологических данных. А. А. Спицын составил также первые научные руководства по археологическим разведкам и раскопкам³⁵⁶. А. А. Спицын продемонстрировал новый подход к интерпретации археологических источников. Впервые появилась возможность сопоставления материалов обширной зоны русско-мерянского пограничья с материалами тех районов, где финно-угорский этнический элемент заведомо отсутствовал.

В период между II и IV археологическими съездами в 1905 г., появился труд А. А. Спицына³⁵⁷ «Владимирские курганы», в котором ученый сделал новый вывод о том, что погребальные памятники финно-угров – могильники, а славян – курганы³⁵⁸. В своей аргументации автор опирался на артефакты археологии Костромского края и приводил сведения об особенностях материальной культуры древней мордвы, муромы и племён Прикамья в I тыс. н. э. «Финны, – писал А. А. Спицын, – видимо, отступали перед русскими, уходя далее в леса и задерживаясь на пути отступления лишь небольшими клочками. Они дорожили свободой быта и легко поступались местом...Будь это черемисы, будь это мордва, – всё равно эти народности особого физического типа и иного склада жизни, начавшие серьёзно входить в состав русского населения лишь по мере массового крещения, можно сказать, только с XVIII в.»³⁵⁹.

³⁵³ ГАКО.Ф.179. Оп.2. Д.14. Ч.1.– Л.41.

³⁵⁴ Спицын А. А. Норманские и славянские древности верховьев Волги // Известия 4 областного археологического съезда в Костроме; Спицын А. А. Финские древности Верхнего Поволжья // Известия IV областного археологического съезда в Костроме. – Кострома. – 1909. – № 5.

³⁵⁵ Спицын А. А. Городища дьякова типа // ЗРАО. – СПб, 1903. – Е5.– Вып. 1. – С. 140.

³⁵⁶ Спицын Александр Андреевич. Биография. [электронный ресурс] // Википедия: [Сайт]. [2011]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

³⁵⁷ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАХ. – СПб., 1905. – Вып. 15. – С. 167.

³⁵⁸ Там же. – С. 166.

³⁵⁹ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАХ. – СПб., 1905. – Вып. 15. – С. 167. – С. 166.

Археологи Ю. Г. Гендуне и Д. Н. Сизов доложили съезду о своих исследованиях на Минском городище и стоянке каменного века в Костромском уезде.

Кроме выступлений в Программе съезда были предусмотрены экскурсии для участников. Несколько экскурсий по храмам Костромы и экскурсия в Минское городище. «Его предварительное обследование показало, что оно относится к VII – VIII вв. по Рождеству христову. Здесь найдены черепки с характерным сетчатым орнаментом, кости, зубы животных...».³⁶⁰ В результате этой экскурсии съездом было рекомендовано продолжить раскопки на Минском городище

К съезду была также открыта выставка с несколькими отделами. Выставка древностей под руководством И. А. Рязановского, которую так же осмотрели участники и признали её очень интересной. Фотоальбом В. Н. Кларка содержал фото черемис Тоншанской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, фото древнеязыческого финно-угорского кереметища близ деревни Пижмы, курганы «Богатырь» и др. Большую ценность имело собрание этнографических предметов В. А. Андронникова, содержащих большое количество финно-угорских экспонатов³⁶¹.

В отчёте о деятельности IV областного историко-археологического съезда указывалось на его значении: «Хотелось бы думать, что непосредственное соприкосновение с костромской стариной оживит в нас интерес к ней, вызовет потребность ближайшего ознакомления с ней, серьезного изучения ее, а отсюда, быть может, загорится в нас искорка уважения и любви к ней. Мы не можем любить того, что не знаем; узнаешь старину и полюбишь ее. А любовь созидает всё. Она породнит нас с заветами старины; осветит перед нами наше историческое прошлое и укажет пути грядущего»³⁶².

Итогами работы областного историко-археологического съезда в Костроме следует считать повышение общего уровня профессионализма ученой общественности, активизацию популяризации исторических древностей костромской земли.

Съезд способствовал активизации деятельности учёной общественности. В 1911 г. был утверждён устав церковно-исторического общества в городе Костроме, разработанный И. Баженовым и П. Алмазовым, а в 1912 г. состоялось его торжественное открытие. В задачах этого общества было «изучение местных религиозных обычаев, преданий, церковных обрядов»³⁶³, а также древнейшей истории края. Среди его членов был И. Д. Преображенский, почётным членом Общества был избран директор Императорского Санкт-Петербургского Археологического института Н. В. Покровский, председателем общества, И. Баженов³⁶⁴. Одной из главных задач общества было создание «Древнехранилища». Имея связи с настоятелями церкви и монастырей Костромского края, общество считало целью в том числе и сбор различного рода древностей (утвари, рукописей), а также описание традиций, обрядов,

³⁶⁰ ГАКО. Ф.179. Оп.2. Д. 14.–Л. 9.

³⁶² Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Д. 13// Археологический съезд (1909–1915).

³⁶³ Устав Костромского церковно-исторического общества.– Кострома, 1912. – С. 3.

³⁶⁴ Гончарова Т. Древности Ивана Баженова // Жизнь замечательных костромичей XX век: краеведческие очерки. – Кострома: Областная типография, 2004. – С.10–11.

фольклора³⁶⁵. Материал этот мог бы стать ценным для изучения финно-угорского культурного наследия, однако общество просуществовало лишь до 1914 г. и не смогло решить тех задач, которые были запланированы. Музей просуществовал до 1919 г., впоследствии экспонаты, составлявшие его собрание, были переданы в Музей местного края Костромского научного общества.

Параллельно с созданием древнехранилища велась подготовка к открытию в отдельном специально построенном здании музея КГУАК, которое было приурочено к торжествам 1913 г., к празднованию 300-летнего юбилея дома Романовых. Несмотря на то, что почти все члены церковно-исторического общества одновременно состояли в КГУАК, между комиссией и обществом была заметна определённая конкуренция. Распоряжением консистории было запрещено настоятелям храмов и монастырей передавать церковные древности каким-либо собирателям³⁶⁶.

Среди наиболее значительных мероприятий, организованных комиссией после съезда, можно отметить организацию экскурсий в Солигалич и Чухлому в 1910 г. В 1911 г. комиссия ассигновала 3000 рублей на археологические раскопки, признавая их значимость, а в 1913 г. при комиссии был создан Церковно-археологический и Романовский отделы.

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось проведением многочисленных археологических съездов, в том числе областных, что, несомненно, стимулировало научную мысль, способствовало появлению новых форм популяризации культурного наследия.

§ 3. Костромское краеведческое научное общество и его вклад в изучение исторических особенностей местного края

Начало XX в. – время стремительного развития всех отраслей науки в России. Значительную роль в этом процессе сыграли научные краеведческие общества. Основными их целями была организация всестороннего и комплексного изучения края. Организация таких обществ означала качественно новое состояние отечественного краеведения. Они отличались от других научных обществ (однопрофильных) широким спектром исследовательских задач, участием в них профессионалов. Образование таких научных обществ отражало общественную тенденцию к демократизации российской науки и отвечало потребностям развития культуры в российской провинции в конце XIX – начале XX вв.³⁶⁷

³⁶⁵ Отчёт о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества (КЦИО) за время от его открытия 3 июня 1912 г. до января 1914 г. – Кострома, 1914. – С. 21.

³⁶⁶ Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие. XIX перв. треть XX.: дис...канд. ист. н. – М., 1998.

³⁶⁷ Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001. – С. 31.

18 мая 1912 г. состоялось открытие Костромского Научного Общества по изучению местного края (КНОИМК), которое являлось восьмым по счету среди таких обществ. Это было краеведческое общество, основными видами деятельности стали: археология, история, этнография. В. И. Смирнов – секретарь общества, а с 1921 г. – председатель. По словам председателя, потребность в изучении природы и жизни края давно назрела. Отсюда – настоятельная нужда в учреждении такого общества, которое объединило бы всех желающих работать в этом направлении³⁶⁸. В уставе общества было выделено: Общество основной целью ставило изучение Костромского края в естественно-историческом, историко-археологическом, культурном и прочих отношениях и разработку связанных с этим научных вопросов...³⁶⁹ В связи с этим общество занималось: организациями экскурсий; устройством музеев, библиотек, лабораторий; чтением докладов на собраниях общества; изданием научных работ. В 1912 г. в обществе насчитывалось 130 членов, численность их постоянно росла, и к 1918 г. уже составила 441 человек³⁷⁰. Первоначально КНОИМК имело три уездных отделения: Галичское, Солигаличское, Чухломское, а к 1920 г. их число выросло до 7. Вопросами этнографии, фольклора, археологии занимались А. Андроников, В. А. Апушкин, Н. Н. Виноградов, Д. П. Дементьев, И. В. Мешалин, В. И. Смирнов, П. Н. Третьяков, А. А. Ширский. По признанию руководящего органа российских краеведов – Центрального бюро краеведения (ЦБК), Костромское научное общество в 20-х гг. являлось крупнейшим общественным краеведческим формированием в стране³⁷¹. С 1912 по 1930 гг. КНОИМК издало 74 сборника статей. Благодаря КНОИМК на территории Костромской губернии действовало 9 краеведческих музеев. В 1918 г. организовали музей в Кологриве, в 1919 г. в Чухломе, в 1922 г. в Галиче, в 1923 г. в Солигаличе и т. д.

Начиная с 1922 г. по 1937 г., КНОИМК находилось в подчинении ЦБК, которое было создано по решению 1-й Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края при Российской академии наук.

В январе 1922 г. общее собрание Академии наук, заслушав доклад А. Е. Ферсмана о 1-й Всероссийской конференции краеведов, решило: «Признать желательным единение работы Академии наук с краеведческими организациями»³⁷². С 1925 г. ЦБК находилось в ведении Наркомпроса РСФСР. Председателем ЦБК в 1922 – 1927 гг. был секретарь АН академик С. Ф. Ольденбург, а с 1927 г. – П. Г. Смидович. Секцию охраны природы, памятников искусства, быта и старины возглавлял председатель П. Е. Васильковский. Большой вклад в развитие отечественного краеведения в это время внесли также академики М. М. Богословский, Н. Я. Марр, С. Ф. Платонов, А. Е. Ферсман; члены-корреспонденты М. Н. Покровский, А. Н. Самойлович, Ю. М. Шокальский; известные ученые Н. П. Анциферов, Б. Б. Веселовский, И. М. Гревс, В. И. Равдоникас, Д. О. Святский и другие. ЦБК издавало журнал «Краеведение», бюллетень «Известия ЦБК», справочную и методическую литературу.

³⁶⁸ ГАКО. Ф. 550. Оп. 1. Д. 83. – Л. 1.

³⁶⁹ ГАКО. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. – Л. 1. Устав КНОИМК.

³⁷⁰ Отчёт о деятельности КНОИМК за 1918 г. – Кострома, 1919. – С. 1.

³⁷¹ ГАКО. Ф. Р. 838. Оп. 5. Д. 2. – Л. 29.

³⁷² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1922. Д. 170. – Л. 21.

Период с 1917 по 1927 гг. по праву называют «золотым десятилетием» отечественного краеведения³⁷³. По мнению Е. А. Флеймана, краеведческое движение 1920-х гг. приобрело характер общественного движения, что было связано с формированием настроения на изменение окружающей жизни после Октябрьских событий. Другим фактором, серьёзно повлиявшим на рост краеведческого движения, стала поддержка его государственной властью. Идея о том, что единый план народного хозяйства должен опираться на использование всех местных условий, поставила в практическую плоскость вопрос всестороннего исследования регионов³⁷⁴.

В. С. Соболев, ссылаясь на материалы Центрального бюро краеведения³⁷⁵, привёл сведения о росте краеведческих организаций в России в первой трети XX в.

Таблица 1.– Рост краеведческих организаций в России

	Обществ	Музеев	Всего
До революции	61	94	155
на 01.03.1923	231	285	516
на 01.01.1924	297	446	753
на 01.09.1927	1112	576	1688

Из приведённых данных видно, что краеведческое движение за 10 лет выросло в 10 раз. В эти же годы укрепились связи Академии наук с краеведами, возросло её влияние на деятельность краеведческих организаций, четко обозначилась координирующая роль академии в этом общественном движении³⁷⁶.

В качестве одного из факторов развития регионального или локального краеведения в начале века Е. А. Флейман определяет рост национального сознания, развитие культуры на основе тех ценностей, которые испокон веков поддерживали дух народа³⁷⁷. В рамках нашей темы последний фактор приобретает особое значение. Краеведческие научные общества по изучению местного края внесли весомый вклад в развитие изучения культурного наследия автохтонного населения того или иного края. Роль краеведческих научных обществ и использование ими локального метода исследования удачно подметил С. И. Архангельский в 1927 г.: «Для того чтобы применение локального метода дало наиболее благоприятные результаты, необходимо соблюдение некоторых условий. Вести работу должны не дилетанты, а люди вполне подготовленные, объединенные одинаковостью научных интересов, не одиночки, а

³⁷³ Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. – 1990. – Вып. 1. – С. 11–27.

³⁷⁴ Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001. – С.32.

³⁷⁵ Известия Центрального бюро краеведения. – 1927. – № 8. – С. 266.

³⁷⁶ Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. – 2000. – Т.70. – № 6, – С. 535–541.

³⁷⁷ Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001. – С. 33.

работники, объединенные в научное общество или в секцию последнего...»³⁷⁸. В начале XX в. сформировалось новое методико-теоретическое направление в освещении местной истории, историко-культурные методы в краеведении начали пробивать свою дорогу. Задачи местных обществ были сформулированы М. М. Богословским в выступлении на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в декабре 1921 г. в Москве. Он говорил, что «...наблюдения над историей отдельных мест, над разного рода местными особенностями, хозяйственными, бытовыми, культурными и другими явлениями затем ложатся в общее русло изучений исторического процесса в его целом»³⁷⁹.

Проблемами изучения культуры края активно занимался Н. К. Пиксанов. Он ввёл понятие «культурные гнезда», которые становятся преломлением общерусской культуры в местных условиях и показывают проникновение провинциальных процессов в столицу. Идея Н. К. Пиксанова была воспринята и включена в 1926 – 1928 гг. в программу исторического краеведения известным историком-энциклопедистом И. М. Гревсом, который писал о своеобразии территорий, влияющих на развитие культуры в России в целом. И. М. Гревс считал, что главной задачей краеведов является «целокупное» познание края, создание цельного портрета края, включающего не только естественно-производительные силы и современность, но и всю культуру человека. В целом эту позицию поддержал С. В. Бахрушин в своей статье «Задачи исторического изучения края»³⁸⁰ Иную точку зрения высказал Н. П. Анциферов. Он предложил сделать объектом изучения те уровни культурно-исторического процесса, которые характеризуются специфическими чертами, присущими именно провинции, заняться «поместным изучением своего прошлого»³⁸¹. Необходимо подчеркнуть, что в 20-е гг. XX в. развернулась живая дискуссия и проявился принципиально новый подход к изучению местной краевой истории и культуры, который отразился и в деятельности КНОИМК и предопределил появление комплексного подхода. Одновременно с этим в начале XX в. в связи с многонациональным составом населения России стал проявляться интерес к истории и культуре различных национальностей. На фоне этого в 1925 г. было открыто научное краеведческое общество «Ленинградское общество изучения культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН)». Практическая работа общества состояла в исследовании вопросов истории и этнографии, языкознания, литературоведения.

³⁷⁸ Архангельский С. И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – 1927. – № 2. – С. 181 – 194.

³⁷⁹ Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. – Н.-Новгород: Нижполиграф, 1923. – С.118–124.

³⁸⁰ Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. – 1928. – Т. V. – №3. – С. 129 – 140.

³⁸¹ Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. – 1928. – Т. V. – № 6. – С. 321–328.

К формам изучения финно-угорского культурного наследия Костромским краеведческим научным обществом можно отнести разработку анкет, программ и сбор археологического, этнографического материалов, составление библиотечного фонда, создание музейных экспозиций, издательскую деятельность. Благодаря работе КНОИМК в фонды музея поступило 2800 археологических предметов из раскопок курганов и городищ, 597 предметов этнографического характера. КНОИМК разработало и распространило пособие по сбору документов «Этнографической программы», «Программы для собирания произведений народной словесности», «Предварительные указания к изучению Костромской губернии» и другие³⁸². Членами КНОИМК Н. Н. Виноградовым, В. И. Смирновым были отправлены этнографические материалы, собранные на территории Костромской области: ювелирные украшения, одежда, головные уборы и др.³⁸³

За всё время своей деятельности КНОИМК не имело своего помещения. Библиотека, коллекции, архивные материалы располагались в разных, непригодных помещениях. Только в 1915 г. на собрании, посвященном годовому отчёту, было принято решение об учреждении специального фонда собственного дома-музея из пожертвований и отчислений и об открытии для этой цели подписки.

Важную роль в координации научной работы КНОИМК играли губернские и уездные краеведческие съезды и конференции. Значительный интерес представляют печатные «Труды КНОИМК», всего общество издало 74 сборника статей, 25 из них принадлежат отделениям общества. Седьмой – сборник полностью исторический, восьмой – этнографический. Результатами практических исследований стали публикации в виде статей в печатных изданиях и научных докладов на собраниях общества.

Значение деятельности учёной общественности в работе КНОИМК определил А. А. Мансуров в статье «Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах». Он писал: «Они освещают местную культуру, сами светятся ее тонами. Они дополняют и венчают «ландшафт» края... Крепко сросшиеся с краем, хотя не всегда видимо, они наиболее удачные питомцы его, бесконечно ему дорогие.... Они не похожи на других, их никем нельзя подменить...»³⁸⁴.

Деятельность КНОИМК была весьма эффективной, благодаря В. И. Смирнову, который его возглавил. Занимаясь изучением прошлого Костромской земли в широком аспекте, особый интерес В. И. Смирнов всегда проявлял к элементам древней финно-угорской культуры. Может быть, объяснение этого интереса лежит в некоторых моментах биографии краеведа. Родился Василий Иванович в 1882 г. в с. Большая Брембола, Переславского уезда Владимирской губернии в семье священника. Костромской краевед Л. И. Сизинцева пишет: «...стояло село это на месте мерянского поселения, а из окон церковного дома открывался вид на древнее Плещеево озеро, по

³⁸² Отчёт о деятельности КНОИМК за 1913 год. – Кострома, 1914. – С. 10–11.

³⁸³ Коллекция РЭМ № 3252; № 321; № 713; № 956; № 2629; № 2725; № 6754.

³⁸⁴ Мансуров А. А. Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах Текст. / А. А. Мансуров // Краеведение. – М., 1928. Т. 5. – С. 17–18.

берегам которого расположились дома и церкви Переславля Залесского»³⁸⁵. По-видимому, детство, проведенное на древней мерянской земле, и является источником интереса к этой замечательной культуре: причитания, гадания, обряды, народные суеверия – вот перечень того, что впоследствии будет собирать В. И. Смирнов уже на Костромской мерянской земле.

Значительным событием в жизни костромской общественности 1913 г. стало празднование 300-летия дома Романовых и подготовка, развернувшаяся в преддверии этого важного мероприятия, которая охватила и членов недавно созданного научного общества. В ожидании приезда высокопоставленных и других многочисленных гостей были выпущены справочники, каталоги, очерки по истории города.

Работа В. К. Лукомского и Г. К. Лукомского «Кострома: Исторический очерк В. К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г. К. Лукомского»³⁸⁶ дала возможность по-новому сделать выводы о своеобразии культурного наследия г. Костромы. Также совместный труд о Костроме можно считать первым научным справочником по истории Костромы. Авторы обратились к истории происхождения названия города и первых поселенцев Костромы. Анализ архитектурных и художественных достопримечательностей города дает важнейший материал о своеобразии культурного наследия Костромы. Краевед-исследователь Л. П. Скворцов выпустил «Материалы для истории города Костромы», в которых дал исторический обзор возникновения славянского этноса и его прихода на земли Средней Европы³⁸⁷. В работе автор также затронул тему финно-угорского наследия Костромы. Он перечислил мерянские топонимы: «В Костромской губернии до сих пор во многих местах сохранились названия, свидетельствующие о том, что здесь обитали меряне: Галич Мерский, Мерехта (Нерехта), озеро Мерево, близ Нерехты, река Мера, гора Мерская и озеро Мерское...»³⁸⁸. Л. Скворцов считал, что, исходя из исторических данных, можно «с достоверностью заключить, что первобытным народом, населявшим Костромскую губернию, были финны, именно меряне»³⁸⁹.

Значительный вклад в изучение фольклора, особенностей языка местного населения Костромского края внёс один из наиболее активных членов КНОИМК Николай Николаевич Виноградов. Николай Николаевич Виноградов родился в 1876 г. в с. Чмутово Галичского уезда Костромской губернии в семье священника. Он окончил курс духовной семинарии, работал сельским учителем. Еще во время учебы в семинарии Н. Н. Виноградов начал сотрудничать с костромскими периодическими изданиями и продолжал занятия журналистикой до 1930-х гг.; до революции он был избран членом Костромской ученой архивной комиссии, участвовал в комплектовании

³⁸⁵ Сизинцева Л. И. «Мастер науки» Василий Смирнов / Жизнь замечательных Костромичей XX век. Краеведческие очерки. – Кострома, 2004. – С. 115.

³⁸⁶ Лукомские В. К., Г. К. Кострома: Исторический очерк В. К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г.К. Лукомского. – СПб.: изд. общины св. Евгении Красного Креста, 1913.

³⁸⁷ Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы. Кострома, 1913. Ч. 1 С. 6.

³⁸⁸ Там же. – С. 9.

³⁸⁹ Там же.

фондов музея. С 1903 г. был сотрудником Музея Александра III (будущий Русский музей) в Петербурге. Вскоре он поступил в Петербургский университет.

С обучением в университете Н. Н. Виноградов совмещал работу в качестве секретаря отделения этнографии при Русском географическом обществе и редактора журнала «Живая старина», а также участвовал в работе Комиссии по подготовке нового устава ученых архивных комиссий. Как отметила Л. И. Сизинцева³⁹⁰, в 1909 г. он участвовал в подготовке 4-го областного археологического съезда в Костроме. В автобиографии Н. Н. Виноградова Л. И. Сизинцева указывала, что в 1910 г. он был арестован за хранение прокламаций и выслан на родину под надзор полиции. С 16 сентября 1910 г. он служил чиновником особых поручений при губернаторе П. П. Шиловском, участвовал в подготовке и проведении юбилейных мероприятий в честь 300-летия дома Романовых в Костроме. Заканчивал образование Н. Н. Виноградов в Московском университете. Потом вернулся в Кострому, где совмещал ряд должностей, работая в советское время в Губполитпросвете, Помголе, Совпартшколе, Кооперации. Работал он также в редакции костромской газеты. В 1926 г. Н. Н. Виноградов был выслан на Соловки на три года. Даже находясь в заключении, Николай Николаевич продолжал научную деятельность.

Результаты деятельности Н. Н. Виноградова отражены в «Трудах КНОИМК». В 1915 г. он обратился к теме существования галивонского наречия на территории г. Галича и его связи с финно-угорским языком³⁹¹. По мнению Н. Н. Виноградова, первые упоминания о данном наречии встречаются в работе Ф. Глинки «Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах с присовокуплением Исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкий. Или освобожденная Малороссия»³⁹². Он писал, что Галич в старину называли Галивоном, галичское озеро – Мироном, а жителей – кривизна.

Н. Н. Виноградовым были собраны все существовавшие к началу XX в. версии о причинах возникновения галивонского наречия. В этом вопросе точки зрения учёных разделяются. Одна группа считает, что галивонское наречие – это не самостоятельный язык, а искусственно созданное наречие, принадлежит к группе офенских языков. При этом галивонское наречие перенято из владимирских офеней во время торговых отношений или в владимирских тюрьмах, куда могли попадать галичане. Этой точки зрения придерживался краевед В. Самарянов, а также знаток местного края галичский протоиерей Ф. И. Розов, В. И. Даль³⁹³.

³⁹⁰ Сизинцева Л. И. Виноградов: парадоксы судьбы // Русское подвижничество. – М., 1996. – С.386.

³⁹¹ Виноградов Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан // Труды КНОИМК. – Кострома, 1915. Вып. III. – С.1 – 51.

³⁹² Глинка Ф. Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах с присовокуплением Исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкий. Или освобожденная Малороссия. Сочин. писем Русского офицера. – СПб., 1816. Ч. 2.

³⁹³ Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка /под ред. И.А. Бодуэн- де-Куртене. – СПб.– М.: Тов-во М. О. Вольф, 1912. Цит. по: Виноградов Н.Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан // Труды КНОИМК. – Кострома, 1915. – С. 32.

Другая точка зрения была сформирована из замечаний, изложенных костромским краеведом М. Я. Диевым и известным писателем, путешественником П. П. Свиным. М. Я. Диев, знаток местного края и практически носитель нерехтского диалекта, проживший всю жизнь в Костромском крае, изучавший галичскую сторону, указывал на то обстоятельство, что возник алеманский язык на территории Галича Мерского, заселенного в прошлом финно-угорским племенем меря. Не оспаривая мнения В. И. Даля и Н. Н. Виноградова, необходимо отметить, что Н. Виноградов, собрав словарь галивонского наречия (ему помогал местный житель И. А. Жадовский), разделил слова на группы и выделил группу слов, образованных из местного наречия. По всей вероятности, некоторые слова этой группы, как, впрочем, и других, могли содержать финно-угорские основы. Интерес исследователей, на наш взгляд, представляет сам факт возникновения особого наречия на мерянской территории, по всей вероятности, данный процесс опирался на существовавшую долго ситуацию двуязычия в устной речи.

Н. Н. Виноградов продолжал собирать факты, характеризующие традиции и быт народов, населявших Костромской край. Результаты этой деятельности отражены в статье «Народная свадьба в Костромском уезде»³⁹⁴, где автор констатировал, что традиционные свадебные обычаи и обряды, сформировавшиеся ещё на ранних этапах развития общества, изменялись и вбирали в себя новые культурные элементы, но сохраняли свою древнюю, освящённую языческой религией основу. Например, обращая внимание на отражение культа медведя в свадебном обряде Костромского края, Н. Н. Виноградов опирался на факты, представленные в работе Д. К. Зеленина: «С идеей плодородия связан обычай рядиться медведем во время святочных, масленичных и брачных обрядов. Мать жениха, изображая медведицу, выходила встречать молодоженов в шубе, вывернутой шерстью наружу: «...чтобы жених был богатый, как кожух волосатый»³⁹⁵. Н. Н. Виноградовым была проведена значительная работа по сбору материалов с опорой на знание народной жизни.

Нельзя не обратить внимание на активную работу по сбору фольклорных материалов краеведа-любителя К. В. Завойко. Особый интерес представляют новые сведения о праздновании «Никольщины» (Микольщины), подчеркивающие языческие элементы как архаические отголоски древних марийских и финно-угорских в целом традиций.

Работа КНОИМК активизировалась к 1920 г. в связи с результатами антропологического исследования Б. Вишневого³⁹⁶. Б. Вишневский обнаружил научный феномен, заключающийся в том, что низкорослость населения Костромского края можно объяснить примесью финского элемента в физическом типе населения³⁹⁷. Б. Вишневский акцентировал внимание на том, что в Ветлужском и Кологривском уездах преобладает население, по своему типу указывающее на нечто финское³⁹⁸. Эти выводы

³⁹⁴ Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды КНОИМК. – Кострома. – Вып. XV, 1917. – С. 71–152.

³⁹⁵ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива ИРГО. Императорское Русское географическое общество. – Петроград, 1914 – 1916. – Т. III. – Вып. I. – III.

³⁹⁶ Вишневский Б. Антропологические заметки о Костромской губернии // Труды КНОИМК. – Кострома, 1920. – Вып. XVI. – С. 69–78.

³⁹⁷ Там же. – С. 70.

³⁹⁸ Там же.

обсуждались на заседаниях КНОИМК, об этом писал в статьях В. И. Смирнов. Эти исследования дали основание продолжить активные поиски исторических, археологических, этнографических и фольклорных доказательств финно-угорской культуры Костромского края первых веков н. э.

Одним из ведущих видов деятельности КНОИМ к 1919 г. стала организация экспедиций для изучения быта, жизни, традиций местного населения. Специальная этнографическая экспедиция в Ковернинский и Макарьевский уезды была совершена Михаилом Михайловичем Зиминим по заданию общества в сентябре 1919 г. М. М. Зимин в качестве кустарного старосты в Ковернине состоял на службе в Костромском губернском земстве с сентября 1913 по июнь 1917 года. Именно в этот период он начал записывать фольклор. В 1919 г. он переехал в Кострому, где он состоял действительным членом и исполнял роль помощника секретаря КНОИМК³⁹⁹. Всё, что удалось собрать в экспедиции, М. Зимин передал в архив учёной комиссии.

Во время экспедиции М. М. Зимин записывал фольклор и приобретал предметы древности. М. М. Зимин считал, что традиции, обычаи и обряды играют важную роль в воспроизводстве культуры и всех сфер духовной жизни, в реализации многовековых усилий сменяющих друг друга поколений. Современный исследователь деятельности М. М. Зимина нижегородский учёный В. П. Федосеева пишет о нём так: «...не являясь профессионалом, М. М. Зимин был образован в области этнографии и фольклора и осуществлял собирание на высоком профессиональном уровне». В Костромском областном архиве хранится переписка М. М. Зимина с московским этнографом В. Н. Харузиной. Кроме того, долгие годы М. М. Зимин состоял в переписке с известным петербургским этнографом и фольклористом Д. К. Зелениным, которому посылал материалы, собранные в Коверино в течение всего следующего десятилетия.

Всё это свидетельствует о высоком уровне его этнографической подготовки⁴⁰⁰. Личный фонд М. М. Зимина хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства. В фонде собраны «Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918–938)»⁴⁰¹. Первые материалы М. Зимина были использованы В. И. Смирновым в выступлениях и публикациях, а с 1920 г. М. Зимин стал печататься в трудах общества.

Большой научный интерес представляют собранные М. М. Зиминим факты, касающиеся празднования Рождества и Крещения. Православные обрядовые каноны дополняются, а подчас и нарушаются смело вкрапляемыми привычными для местного населения языческими элементами. Например, часто встречается особое почитание птицы, ритуальные действия, где птица то оберег, то существо с магическими возможностями. Территория, на которой собирался этот материал, (Поветлужье), с

³⁹⁹ Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год. – Кострома, 1920. – С. 2.

⁴⁰⁰ Федосеева В. П. Зимин М. М. – костромской собиратель фольклора // Жизнь провинции как феномен духовности / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 11 – 13 ноября 2010г. – Н.-Новгород: НГУ им. М. Л. Лобачевского, 2011. – С. 198.

⁴⁰¹ РГАЛИ. Ф. 1455. Оп.1. Д. 1. – Л. 1. Личный фонд М. М. Зимина. Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918–1938).

древних времен место поселения финно-угорских племён. М. М. Зиминым собраны и записаны рождественские гадания: «По вечерам промеж Рождеством и Крещением, во все дни, когда вздумают, приносят в избу курицу, кладут ее посередь полу вверх ногам и очерчивают ее углем три раза встречу солнца. В эту черту кладут зерна горсть: овса, ржи, пшеницы и крошки хлеба, а в эти крошечки серьги; куда выбросит серьги, в ту сторону и выдадут девку замуж»⁴⁰².

М. М. Зимин во время экспедиции обратил внимание на отмеченный ранее Н. М. Бекаревичем факт почитания местными жителями «куриного бога». Он записал: «Если камень дарился кому-либо, то одариваемый должен был поцеловать того, кто дарил. «У кого куричий Бог (камень с дырочкой), подвешенный на веревочке, у того и водятся курицы. Это камень с самородной дырой, его находят больше случайно в поле и передают из рода в род»⁴⁰³.

К 1920-м гг. в архиве КНОИМК благодаря деятельности А. А. Ширского, М. М. Зимина, В. И. Смирнова, помощи информантов из разных районов, и материалов, переданных из КГУАК, собралось большое количество фольклорного материала. Материалы были ценным источником финно-угорского культурного наследия края. В. И. Смирнов занялся обработкой и систематизацией их. Много материалов содержали анкеты КГУАК 1899 – 1900 гг., анкеты 1918 г. В. И. Смирнов сам долгое время вел записи личных наблюдений и опросов. В архиве сохранились записи, сделанные корреспондентами Страхового Отдела при содействии В. А. Миндовского, а так же записи А. А. Ширского, Ф. Д. Нефёдова. На базе этих материалов в «Трудах КНОИМК» вышло несколько статей В. И. Смирнова. Работа «Народные похороны и причитания в Костромском крае»⁴⁰⁴, включала и 7 текстов причитаний, записанных М. М. Зиминим в Ковернино. Необходимо отметить, что в исследованиях указывалось точное место распространения похоронных традиций и причитаний, что особо важно в связи с пестротой этнического состава края. Добросовестно собранные и классифицированные В. И. Смирновым сведения являются ценным материалом для последующих исследователей. В Нерехтском, Галичском, Чухломском, Ветлужском уездах явно проявляются финские традиции в обрядах. Василий Иванович писал: «...население Костромского края далеко не однородно как по условиям жизни, по говору, так и по своим понятиям и обычаям. Каждая группа селений, как Ликурга, Корега, Баковщина, Одуевщина и т. д. представляет собой особое лингвистическое гнездо, так сказать свою особую бытовую физиономию и свои местные обрядовые особенности. Поэтому местами и в погребальный обряд вплетаются любопытные характерные особенности, сохранившие черты глубокой старины, отражающие различные колонизационные потоки столкнувшихся здесь народностей, растворивших в себе финские и другие неславянские племена»⁴⁰⁵. П. Н. Травкин, обращаясь к этой работе В. И. Смирнова,

⁴⁰² Зимин М.М. Ковернинский край // Труды КНОИМК. – Кострома: Коммунист, 1920. – Вып. XVII. – С. 81.

⁴⁰³ Зимин М. М. Ковернинский край // Труды КНОИМК. – Кострома: Коммунист, 1920. – Вып. XVII. – С. 84.

⁴⁰⁴ Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНОИМК. Второй этнографический сборник. – Кострома, 1920. – Вып. XV. – С. 21–126.

⁴⁰⁵ Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНОИМК. Второй этнографический сборник. – Кострома, 1920. – Вып. XV. – С. 5.

указывает на важную деталь, отражающую финно-угорское языческое восприятие похоронного обряда: «Железо, согласно древним поверьям, в сочетании с заговором было способно создавать непреодолимую преграду, защищавшую жителей «земного», «дневного» мира от пагубного воздействия потусторонних сил. Так, в начале XX века в Костромской губернии, по сведениям В. И. Смирнова, во время шествия похоронной процессии рубили землю топором и затем заметали след («холеру рубили и выметали»). Саван для умершего шили, держа иглу острием от себя. Во время эпидемии вокруг деревни пропахивали борозду, надеясь, что смерть не переступит через след острого железа»⁴⁰⁶.

Подводя итог описанным традициям, автор делает вывод: «В отмеченных здесь костромских народных похоронных обычаях заметны разные религиозные наслоения и следы языческих религиозных верований и представлений, далеко не исключительно славянских»⁴⁰⁷. Для того времени это было смелое высказывание, так как общепринятым считалось говорить о великорусском характере населения. Подобного рода высказывания определяли гражданскую позицию В. И. Смирнова, за которую ему пришлось много пострадать в период разгрома краеведческого движения в 1930 гг.

Используя указанные материалы КГУАК: устные предания, записанные и изданные рассказы, дневниковые записи, рукописи, В. И. Смирнов выпустил этнографические очерки Костромского края «Клады, паны и разбойники»⁴⁰⁸. Все истории очерка опираются на мифологические представления и являются отголосками древних верований мерянского населения Костромского края. Читая легенды, легко восстановить прямые связи с культом животных, действиями предков, нечистой силы – божеств нижнего мира и др. Автор записал и привёл конкретные места явления кладов, фамилии рассказчиков и участников действия. Он отметил места древних капищ, священных рощ, поклонных камней. Описываемые места в большинстве своём совпадают с мерянскими могильниками, городищами, курганами, иногда с реальными местами кладов (археологических находок). Наиболее архаичные и интересные для нас легенды имеют фабулу и набор атрибутов, присущих мифологическим взглядам финно-угорских племен.

В. И. Смирнов использовал легенды, где клад стережет гусь или утка. В народных поверьях, связанных с кладами, часто присутствует культ водоплавающей птицы. «В с. Минском Костромского уезда около пруда, на месте, где были дома старых попов, в земле существует клад, который является в виде утки или человека. Рассказ этот В. И. Смирнов берет из дневника И. Д. Преображенского (Рукопись, 23 июня 1890 г.)»⁴⁰⁹.

⁴⁰⁶ Травкин П. Н. Обряд «запираания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным Текст. / П. Н. Травкин // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Вып. 2. – Тверь, 1997. – С. 59–63.

⁴⁰⁷ Там же. – С. 24–27.

⁴⁰⁸ Смирнов. В. И. Клады, паны и разбойники // Труды Костромского научного общества. – Кострома, 1921. – Вып. XXVI.

⁴⁰⁹ Там же.

В указанных легендах неоднократно упоминаются рассказы о кладях, которые зарыты под большими камнями. Часто камень обозначал место древнего капища. Интересно, что в Костромском уезде лежало несколько камней, на которых было высечено изображение гусиной лапы⁴¹⁰. В легендах описан камень в местности «Гусыня» около с. Пушкина Костромского уезда: «в лугу «врос» большой камень, на нем ясно вырезана лапа гуся. По преданию, под камнем зарыто невесть сколько денег. «На «бараньих горах» лежал большой сажени в 1,5 белый камень, на нем знак гусиной лапы. Под камнем большой сундук с деньгами»⁴¹¹. В. И. Смирнов отмечал, что знак гусиной лапы встречался в рассказах из разных мест. Во всех указанных случаях гусиная лапа воспринималась как тотем-оберег.

В. И. Смирнов подтвердил выводы археологов, о том, что названия мест «Паны», «Панки» и другие связаны с остатками финно-угорских могильников и курганов. В. И. Смирнов описал отмеченную в разное время и другими учёными склонность местного населения связывать панские могильники с местами расположения кладов. Вполне вероятно, что основано это на рассказах о находках археологических раскопок.

В 1922 г. В. И. Смирнов организовал при Научном обществе Этнологическую станцию и стал её заведующим. Создалась сеть корреспондентов, которых снабжали инструкциями и программами этнографического характера. Ежегодно организовывались этнографические экспедиции, велись археологические раскопки. По воспоминаниям Л. С. Китициной, она занималась диалектологическими исследованиями, Н. П. Беляева собирала и зарисовывала предметы материальной культуры, Е. М. Полянская изучала этнографию края⁴¹². Работа станции оказала значительное влияние на процесс изучения финно-угорского этноса и его культурного наследия.

Существенный вклад в пополнение фольклорной коллекции архива КНОИМК и популяризацию финно-угорского культурного наследия привнес Александр Александрович Ширский. С 1913 г. он заведовал библиотекой КНОИМК, которая постепенно, благодаря целенаправленной деятельности членов КНОИМК, расширялась. В прошлом А. А. Ширский был лесничим. В дневнике одного из членов КНОИМК за 1916 г. помещена запись о А. А. Ширском: «Поехал в Ярославль с А. А. Ширским на заседание Ярославского научного общества в качестве представителя Костромского научного общества для обсуждения вопроса о съезде местных обществ родиноведения...Заседание было скучноватое. Были представители Вологды, Рыбинска, Владимира. Решено через год созвать съезд членов местных обществ родиноведения Северного района...Ночевали с А. А. в номере. Говорили об этнографии, о живой старине. А. А. рассказывал, как он записывал народные поверья... Говорил он о музыке,

⁴¹⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад. наук СССР, 1961. – Вып. 94. – С. 142.

⁴¹¹ Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники / Труды Костромского научного общества. – Кострома, 1921. – Вып. XXVI. С. 4 – 5.

⁴¹² Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930 – 1931). Материалы к биографии В. И. Смирнова (1882–1941). / Л. С. Китицина; сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО Всё для Вас Сергиев Посад, 2011. – С. 128.

которая потрясает душу, о том, что высшее в жизни — искусство. Какой он золотой человек. В глуши Ветлужских лесов провел 20 лет и не спился, будучи казенным лесничим, и сохранил живую душу, и мохом не оброс»⁴¹³.

А. А. Ширский собирал материалы в Какшинской и Вохомской волостях Ветлужского уезда и части Ключевской волости Котельничского уезда. Несмотря на отмеченную А. А. Ширским смешанность состава населения, исконно здесь проживали черемисы. Территория граничит с Вологдой, Великим Устюгом – местами проживания зырян – финно-угорской народности. Говор местных жителей напоминает какого-нибудь обрусевшего чуваша – «карашо», «терево» (дерево), коворю (говорю). Легенды рассказывались жителями зимой во время заготовок леса на сплав, когда жили в зимницах в лесу. Записанные легенды отражают финно-угорскую мифологическую картину мира. Например, в одной из них отчетливо просматривается общая финно-угорская мифологическая концепция сотворения мира при участии птицы. «Как-то бог творил мир, была сначала везде всё вода; вот бог и послал доставить земли со дна морьскова птицу. Два раза она опускалась на дно, брала земли в лапу, да не могла удержать покуда поднималась на верх-водой-то землю-то у ней, вишь, вымывало; в третий раз взяла землю в рот и вынесла наверх и т.д.»⁴¹⁴.

Собранный членами Костромского научного общества фактический материал нашёл отражение в статьях, опубликованных в Трудах КНОИМК. К 1924 г. при обобщении тематики статей, известных фактов и выдвигаемых проблем стало ясно, что ряд вопросов не исследован, а другие требуют дальнейшего подтверждения и анализа.

Актуальным видом деятельности ученой общественности, объединившейся вокруг КНОИМК, стало составление, рассылка и последующая обработка анкет для дальнейшего изучения как экономического состояния, так и традиций, культурного наследия края.

Ряд вопросов анкеты затрагивал ещё не исследованные проблемы, которые требовали дальнейшего анализа.

Так, в анкетах был вопрос, касающийся празднования «Никольщины». Для Костромского края характерно унифицирование праздника «Никольщины»⁴¹⁵. По количеству анкет, заполнявшихся в 1924 г., где отмечено празднование «Никольщины», делается вывод, что она была очень распространена. Из 99 анкет в 87 указано, что «Никольщину» празднуют. Среди отрицательных ответов есть в некоторых пояснение, например, «Прежде было, теперь хлебов нет»⁴¹⁶. В настоящее время мало, потому, что население стало нуждаться в хлебе (дер. Шувалово, Чухломского уезда)⁴¹⁷. Режут быка

⁴¹³ Дюбюк Е.А. Дневник//Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. – Вып.3. – Кострома, 1995. – С.175.

⁴¹⁴ Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Труды КНОИМК. – Кострома. – Вып. XXIX, 1923. – С. 20.

⁴¹⁵ КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета №349. КНОИМК 1924 г. Культ и народное с/х. народное верование. Хулиганство.

⁴¹⁶ Там же. Анкета №1583.

⁴¹⁷ Там же. Анкета № 1589.

или корову, что обещали. Созывают родных и близких (Кологривский уезд)⁴¹⁸. Братчина устраивается, собирают по домам солод-хмель и варят брагу» (с. Ерха, Галичского уезда)⁴¹⁹.

Святителя Николая часто называют «Русский бог», храмы в честь этого святого стояли почти во всех волостях, иконы были в каждом доме. При анализе материалов Костромского Губернского Статистического Комитета мы нашли подтверждение данному факту. В «Памятной книжке со списком поселений Ветлужского уезда»⁴²⁰ мы обнаруживаем, что в Первом благочинном округе из 13 храмов – 3 освещены в честь Николая Чудотворца в селах Тоншаево, Широково, Красногора, притом, что остальные названия не повторяются. Во Втором благочинном округе из 15 храмов – 4 носят имя Святителя Николая в сёлах Шанга, Городище, Пыщуг, Кажирово, также притом, что остальные имена не повторяются. Учитывая, что исследуемая территория издревле заселена черемисами, можно сделать вывод об особом почитании марийским финно-угорским племенем Святителя Николая.

Второй вопрос, касающийся древних традиций Костромского края, звучал так: Не верят ли в «куриного бога»? Что вешают на насесты и для чего?⁴²¹ Во многих анкетах давались положительные ответы. Например, в анкете из села Городища Каримовской волости Костромского уезда респондент отвечает: «Бог у курицы...если он висит, то и курицы ведутся»⁴²².

Анализируя анкеты Галичского и Чухломского уездов, где в составе населения присутствует древний мерянский этнический компонент, превалирует убедительный процент положительных результатов на поставленные вопросы. В Галичском уезде из 99 ответов в 24 указывается на то, что население верит в Куриного бога и вешает на насесте камни с дыркой. Например, Н. Н. Прохоров из д. Макарово Галичского уезда отвечает: «Верили. Искали камня, что был весь в дырочках, и вешали его на наседку, где сидят куры»⁴²³. Ответ респондента Н. Вазанова из д. Н. Кубово Галичского уезда звучит так: «Куриный бог – это камень и должен быть с дыркой, он всегда вешается на курицей наседке. Обязательно у всех имеется»⁴²⁴.

В Чухломском уезде по результатам анкет из 35 опрошиваемых – 13 человек верили в «куриного бога». Например, Н. Гагарин из деревни Ледниково Чухломского уезда ответил: Верят, и вешают на насест известковый ноздреватый камень с

⁴¹⁸ Там же. Анкета №1610.

⁴¹⁹ Там же. Анкета №359.

⁴²⁰ Памятная книжка со списком поселений Ветлужского уезда.– Ветлуга: Издательство Ветлужского земства,1907. – С. 28–152.

⁴²¹ КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета КНОИМК 1924 г. Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство.

⁴²² Там же. Анкета № 1613.

⁴²³ Там же. Анкета № 357.

⁴²⁴ КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета № 351. КНОИМК 1924 г. Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство.

самородною дырочкою, который мне, когда я был ребенком запрещали трогать руками, чтобы не навлечь на кур болезнь или холеру⁴²⁵.

Таким образом, мы видим, что члены КНОИМК, составляя анкету, интересовались древними традициями, в основе которых лежал славянско-финский этнический конгломерат. В результате опроса авторы анкеты получили убедительный процент положительных ответов, что свидетельствует о сохранности древних этнических традиционных форм.

Большой интерес для изучаемой темы представляет деятельность районных отделений КНОИМК. Наиболее активной деятельностью отличалось из них Чухломское отделение, возглавляемое председателем Леонидом Николаевичем Казариновым. Результатом активной общественной деятельности, при желании сохранять и популяризировать культурное наследие в апреле 1919 г. группой местных краеведов: Л. Н. Казариновым, А. Н. Черногубовым, А. А. Остаповичем был основан Чухломской музей на средства, выделенные Уездным отделом народного образования. Деятельность Л. Н. Казаринова оказала большое влияние на становление и развитие музея. Выдающийся краевед, истинный патриот Чухломского края, он родился он в 1870 г. в г. Чухломе. Несколько лет жил в Прибалтике, в г. Вильно, имел там свой домашний музей. В 1918 г. стал членом-корреспондентом Российского Географического общества. В 1918 г. возвратился в Чухлому, где стал работать в Уездном отделе народного образования, затем занялся архивной и краеведческой деятельностью. В связи с созданием музея возглавил его. Провёл огромную работу по сохранению и распространению знаний по истории края, его трудами были сформированы основы музейных коллекций. В 1931 г. он был незаконно репрессирован и три года провёл в ссылке на крайнем Севере. Чухломское отделение вело серьёзную исследовательскую деятельность. В фондах ГУК КГИАХМЗ обнаружен дневник археологических экспедиций Л. Казаринова⁴²⁶. Он представляет собой отчёты археологических разведок в форме дневниковых записей, касающиеся стоянки каменного века у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда. Стоянка была открыта в 1923 г. Всего было две поездки, копали на глубине 2–3 лопат. Найденные предметы, среди которых, например, горшки чёрного цвета с крупно-ямочным орнаментом, свидетельствуют о древнем заселении края в период каменного века, предположительно последней четверти V – III вв. до н.э. Данные находки отражали сложные процессы главным образом внутреннего этнокультурного развития населения этого края.

Дневники Л. Н. Казаринова заслуживают внимания и в связи с наличием в них этнографического материала, описания традиций тех мест, где он производил раскопки. Например, сведения о том, что близ р. Святицы у д. Крутицы есть родник, который считается целебным. Л. Н. Казаринов отмечает, что женщины приносят детей и не

⁴²⁵ КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета № 1588. КНОИМК 1924 г. Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство.

⁴²⁶ КГИАХМЗ КОК 49347. Казаринов Л. Н. Отчёт об археологических разведках у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда в 1924 г.

только поят их водой и обливают из ключа, но и совершают обрядовые действия: развешивают детскую одежду на кусты⁴²⁷.

На протяжении 20-х гг. КНОИМК продолжало экспедиционную деятельность. Летом 1924 г. на территории Костромского края работала Верхневолжская этнографическая экспедиция Академии истории материальной культуры под руководством Д. А. Золотарёва. Обследования велись в бассейне реки Костромы, в Шунгенской и Мисковских волостях в «Мерском стане». Была открыта стоянка с финно-угорскими материалами «Борань» около д. Вежи. В состав экспедиции входил и В. И. Смирнов. По воспоминаниям его жены Л. С. Китициной, Василия Ивановича более всего интересовали вопросы о дославянском населении края. Для выяснения доисторической этнологии им был составлен список географических названий края неславянского корня (около 2 тысяч названий рек, урочищ, селений). Этот топонимический словарь был переслан для просмотра и выяснения форм тюркского и финского языков Н. Н. Поппе, а позднее Н. Марру⁴²⁸.

Расширялась издательская деятельность КНОИМК, постоянно выходили сборники «Трудов», в которых проблемам популяризации финно-угорского культурного наследия отводилось большое место.

Своеобразным итогом деятельности костромских краеведов по изучению и популяризации финно-угорского наследия края стала статья председателя КНОИМК В. И. Смирнова «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края», вышедшая в 1924 г. в XXXIII выпуске Трудов КНОИМК⁴²⁹. В 1924 г. Во вступлении автор охарактеризовал общую картину, сложившуюся в науке относительно мерянского населения Костромского края. Он систематизировал знания по финно-угорской проблеме, известные на данный период современной ему науки⁴³⁰. Кроме того, Василий Иванович проанализировал все существующие в его время методы исследования данного вопроса и одним из первых поднял вопрос о необходимости комплексного исследования. Он высказал мысль о том, что этнографические находки надо выводить из археологических артефактов, которые, в свою очередь, необходимо подкреплять лингвистическими данными, в связи с тем, что летописных данных об этническом составе населения Костромского края нет. Большинство археологических открытий, подтверждающих то, что на территории Костромского края проживало финно-угорское племя меря, относится ко второй половине XX в., когда были исследованы памятники железного века: Минское городище, Дурасовское городище (IX – X вв.), Поповское городище, Унорож и др. Исследования археологов первой трети XX вв. подготовили почву для новых открытий. В этот период археологами в основном исследовались

⁴²⁷ КГИАХМЗ КОК 499343 – 49348. Археологические отчеты Казаринова Л. Н. / Из старых поступлений КНО.

⁴²⁸ Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930 – 1931). Материалы к биографии В. И. Смирнова. (1882-1941) /Л. С. Китицина; сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО Все для Вас Сергиев Посад, 2011. – С.126–127.

⁴²⁹ Смирнов В. И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края // Труды КНОИМК. – Кострома. – Вып. XXXIII, 1924. – С.134–161.

⁴³⁰ Середонин М. С. Историческая география. – Петроград, 1916. – С. 213.

доисторические памятники, которые, по мнению учёных начала XX в., должны были проливать свет на этнологический состав населения Костромского края. Такого же мнения придерживался и В. И. Смирнов. В своей статье В. И. Смирнов полемизировал с А. С. Уваровым по вопросу выдвигаемых им соображений о широте географического распространения племени меря на основании краевой номенклатуры. Коренная ошибка выводов А. С. Уварова, по мнению В. И. Смирнова, была в том, что громадная область центральной и восточной России, отводимая А. С. Уваровым этому летописному племени, могла быть заселена им не одновременно, а постепенно, в порядке отступления перед напором славянской колонизации, причем представляется вероятным, что названия многих населенных пунктов с этим корнем были даны другими племенами, заставшими здесь отдельные удержавшиеся мерянские островки населения. «Не менее спорным является предположение А. С. Уварова о том, что р. Межа когда-то была границей мери и черемисы. Для обозначения понятия границы ни мерянам, ни черемисам, разумеется, не было надобности прибегать к русскому или славянскому языку. При этом, названия большей части рек бассейна Ветлуги звучат так же, как и в бассейнах Костромы и Унжи. Факт этот заставляет усомниться в том, что область Ветлуги была исконно черемисской»⁴³¹.

Последние годы деятельности КНОИМК были очень плодотворными в смысле пропаганды краеведческих знаний и в том числе популяризации финно-угорского наследия. Деятельность КНОИМК в значительной мере координировали губернские и уездные краеведческие съезды и конференции. На 1-й конференции по изучению производительных сил (1-3 декабря 1924 г.) в числе экономических и хозяйственных вопросов прозвучал и вопрос о традиционных промыслах, их связи с историей края. Благотворное влияние на развитие краеведческого движения оказал 1-й губернский краеведческий съезд (15–17 июня 1924 г.), в резолюции которого было обозначено обследование уездов, в том числе их историко-культурное наследие. К 15-летнему юбилею КНОИМК был приурочен 2-й Губернский краеведческий съезд, который состоялся в Костроме 14–16 мая 1927 г. Знаменательным явлением стало проведение в Костроме совещания 2-е Палеонтологов Центрального палеонтологического общества. На совещании присутствовали археологи А. А. Спицын, О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, Б. С. Жуков. В. И. Смирнов выступил с докладом и подвёл итоги 15-летней деятельности, выразил своё отношение к работе провинциальных обществ: «Мне всегда казалось, что из трёх задач краеведа – собирание, хранение и следование – первые две наиболее важные. Сейчас нужны факты и факты. Что касается выводов, их сделает кто-то потом. При наших силах, отсутствии лабораторий, литературы, инструментария пускаться в серьёзную обобщающую работу рискованно»⁴³².

Концом 20-х гг. XX вв. заканчивается эпоха «золотого века краеведения». На состоявшейся в марте 1930 г. IV Всероссийской конференции по краеведению был пересмотрен вопрос о системе работы краеведческих обществ. Вместо добровольных

⁴³¹ Середонин М. С. Историческая география. – Петроград, 1916. – С. 134 – 135.

⁴³² Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930 – 1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова.(1882-1941) /Л. С. Китицина; сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: Всё для Вас Сергиев Посад, 2011. – С. 145.

краеведческих организаций на местах стали создаваться так называемые бюро краеведения с административными методами управления. Замена самостоятельных организаций бюрократическими органами привела к массовому выходу его участников и, в конечном итоге, к свертыванию общественной культурной работы. Бюро краеведения не сыграло заметной роли в культурной жизни губернии и в 1937 г. было ликвидировано. В период репрессий пострадали многие члены КНОИМК: В. И. Смирнов, Л. Казаринов, В. В. Виноградов и др.

Исследованный период с 1912 по 1930 гг. – это время, когда совпали возросшее внимание государства к вопросам развития регионов и устойчивая личная заинтересованность костромской учёной общественности в развитии краеведческих знаний. Особое внимание привлекали вопросы этнического состава населения края в прошлом, наличия финно-угорских элементов в культуре Поволжья. Изучение финно-угорского культурного наследия развивалось на фоне подъема краеведческого движения в целом в России при активной поддержке государства.

КНОИМК занимался организаторской деятельностью в Костроме и районах: открывал музеи, библиотеки, собирал коллекции, члены общества занимались пропагандой научных знаний в отношении финно-угорского наследия края, читали публичные лекции, проводили экскурсии. Важное место в деятельности занимала организация археологических, этнографических и фольклорных экспедиций. КНОИМК вело успешную издательскую деятельность. Большая часть в сборниках общества была представлена статьями, касающимися изучения финно-угорского культурного наследия.

Таким образом, деятельность учёной общественности по изучению и популяризации финно-угорского наследия Костромской губернии в конце XIX – первой трети XX вв. переживает период активизации, за счёт объединения усилий костромской интеллигенции в рамках общественных организаций краеведческого направления.

КГУАК, продолжившая краеведческую работу, начатую КГСК постепенно стала ведущей общественной организацией, сплотившей костромскую интеллигенцию, занимающуюся краеведением. Одной из самых популярных в деятельности КГУАК стала тема финно-угорских древностей. Увлечённость сотрудников этой темой отразилась во всех видах деятельности КГУАК: формировании губернского исторического архива; сборе сведений о древностях края, создании местного музея с ценными коллекциями артефактов мерянской и черемисской культуры; формировании библиотеки со специально выделенным отделом древностей; популяризации памятников старины в публичных выступлениях; содействии распространению археологических и исторических сведений о заселении края; исследовательской деятельности и организации археологических экспедиций, составлении карт. Интенсивная издательская работа представлена 150 номерами «Журналов заседаний» и приложений к ним, 30 отдельными изданиями, шестью выпусками сборника «Костромская старина», включающих 51 публикацию. Результаты деятельности были представлены в трудах наиболее активных сотрудников КГУАК: Н. Н. Селифонтовым, И. В. Миловидовым, И. Д. Преображенским, Д. П. Дементьевым, В. Г. Пироговым и др. Заслуживают особого внимания экспедиционно-археологическая деятельность Н. М. Бекаревича, Ф. Д. Нефёдова.

Первое десятилетие XX в. ознаменовалось проведением многочисленных историко-археологических съездов, в том числе 4 областных, на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества. Съезды стимулировали историко-краеведческую деятельность провинциальной общественности. Участие в работе съездов способствовало развитию финно-угорской тематики, поднимало решение проблем по её изучению и популяризации на новый научный уровень, расширяло географию изучения исследуемой проблемы и привлекало внимание ученых, которые изучали другие сопредельные территории. С докладами на съездах выступали: Н. М. Бекаревич, Андроников, И. В. Баженов, И. В. Миловидов и др. В результате обогащения новыми знаниями по распространению историко-краеведческих знаний появились новые формы научной пропаганды. Это экскурсии, публичные лекции, рубрики в периодической печати, каталоги выставок и др. Активизировалась переписка с центральными историческими обществами и Археологической комиссией. Съезды привлекли внимание столичных учёных к финно-угорскому наследию костромского края, обратили внимание на его своеобразие и ценность.

Ставшее восприимчивым КГУАК Костромское научное общество в начале XX в. на волне подъёма краеведческого движения в стране решило многие новые проблемы в распространении знаний о своеобразии финно-угорского культурного наследия края. Особый вклад деятельность общества внёс её председатель В. И. Смирнов. Объединение людей в обществе с различными научными интересами помогало охватить большой спектр проблем. Вопросами организации этнографических и фольклорных экспедиций занимались: Н. Н. Виноградов, К. В. Завойко, М. М. Зимин, А. А. Ширский. В этот период времени заметно актуализировалась проблема расширения географии изучения и возможности сбора сведений на местах в уездах Костромской губернии, и также ведение там научной пропаганды местной истории. В связи с этим было создано 7 филиалов КНОИМК в Костромском крае. К издательской деятельности в первую очередь надо отнести публикацию «Отчётов» о деятельности и «Трудов КНОИМК», а также отдельных изданий авторов, отражающих результаты изучения и популяризации финно-угорского наследия.

Заключение

Богатейшее культурное наследие Костромского края – это живой исторический опыт народа, ценнейшие произведения его материального и духовного творчества. Ценность наследия определяется постоянным целенаправленным интересом к нему общества, основанным на шкале предпочтений. Подкрепляется этот интерес сохранением культурных традиций в народной жизни.

Проведённое исследование позволяет прийти к определённым выводам о роли учёной общественности в изучении и популяризации финно-угорского культурного наследия Костромского края. Становление деятельности учёной общественности в XIX – первой трети XX вв. проходило в относительно благоприятных общественно-политических условиях и являлось неотъемлемой частью общероссийского процесса. Пореформенная Россия, стремясь к развитию, осознавала необходимость сохранения историко-культурного наследия. Проблема финно-угорского культурного наследия имеет особое место в истории науки о народах и культурах. Обеспокоенность

общественных кругов за судьбу национального, культурного достояния России как в XIX, так и в начале XX вв. рождала понимание необходимости выявления, осмысления и популяризации всего культурно-исторического наследия и являлась основой возрастания общественного интереса к памятникам древности. Продолжалось изучение культурного наследия и в первые годы советской власти, но скорее по инерции, заданной дореволюционным периодом.

Истоки движения по изучению и популяризации культурного наследия Костромского края можно проследить ещё в начале XIX в., когда появляются отдельные инициативы учёной общественности края по исследованию ряда территорий и отдельных направлений краеведческой деятельности. Результатом этой деятельности стали историко-краеведческие труды Н. С. Сумарокова, И. К. Васькова, А. Д. Козловского, П. П. Свинына. Впервые исследователи описали финно-угорское наследие Костромского края, используя материалы Костромы, Галича, Нерехты. Безусловно, они ещё не отличались глубиной анализа и обобщений, так как были написаны краеведами-любителями.

Особое значение имеет деятельность историка-краеведа, этнографа, протоиерея М. Я. Диева, заложившего основы всестороннего изучения истории и культуры края, установившего первые связи с крупными столичными обществами. Однако его исследования касались только отдельных территорий Костромского края.

Таким образом, первая половина XIX в. стала периодом формирования исследовательского интереса провинциальной интеллигенции Костромского края к сбору и анализу материалов, касающихся финно-угорских народов, населявших территории Верхнего Поволжья. Значение деятельности учёной общественности Костромской губернии в первой половине XIX в. заключается в осознании необходимости распространения исторических знаний среди широкой общественности в связи с растущим интересом к истории края. В это время отмечаются первые попытки установления контактов с крупными столичными научными и общественными организациями, что способствовало обретению профессиональной направленности деятельности.

Однако для активизации изучения наследия финно-угорской культуры Костромского края необходимо было объединение усилий для постановки общих целей, обмена информацией.

Становление исторической науки в Костромской губернии тесным образом связано с деятельностью организаций: КГСК, КГУАК, КНОИМК.

Развитие в России статистики и архивного дела в немалой степени способствовало развитию изучения истории и культуры отдельных губерний. Появление Костромского губернского статистического комитета объединило разрозненные попытки учёной общественности в отношении изучения финно-угорского наследия края. Общие цели привели к совместной деятельности, основанной на стремлении удовлетворить растущий интерес общества к истории края, его этническим корням. Наиболее активными членами КГСК стали С. Н. Мацаевский, Н. К. Бошняк, П. Ф. Островский, В. Г. Пирогов. Особой активностью в изучении древней истории края отличался Г. М. Девочкин, собравший значительную археологическую коллекцию и обобщивший результаты своих изысканий в статье 1859 г. «Очерк пространства

Костромской губернии». Издательская деятельность КГСК отражала также интерес к обозначенной тематике. В «Памятных книжках», «Материалах для статистики Костромской губернии», «Отчётах КГСК» присутствуют материалы, касающиеся истории мерянских и черемисских поселений. Публикации членов КГСК в «Костромских губернских ведомостях» отражают результаты деятельности в отношении распространения знаний о финно-угорском культурном наследии.

В этот период у костромской интеллигенции появились тесные связи со столичными историческими обществами (ОИДР, МАО и др.). Это приводило к повышению уровня историко-археологических знаний членов провинциальных обществ. Значительное влияние на формирование научных приоритетов костромской учёной общественности оказали научные взгляды и деятельность председателя МАО А. С. Уварова. Работа Уварова познакомила учёных с опытом сопоставления археологических и письменных исторических источников, что было важным для середины XIX в.

Следовательно, данный период заложил основу для дальнейшей положительной динамики исследования и распространения знаний о финно-угорских древностях Костромского края учёной общественностью, формированию новых краеведческих организаций.

Важнейшим событием в развитии краеведческой деятельности в целом и изучении и популяризации финно-угорской тематики стало создание Костромской губернской учёной архивной комиссии. Особый размах эта работа приобрела после создания Костромской губернской учёной архивной комиссии в 1885 г. С 1891 по 1900 гг. её председателем был Н. Н. Селифонтов – известный учёный-генеалог, археограф, член Государственного совета. Создание губернской архивной комиссии способствовало дальнейшему развитию краеведческого движения и активизации научной деятельности учёной общественности. Объединение костромской интеллигенции вокруг КГУАК в 90-е гг. XIX в. привело к качественным изменениям, отразившимся в становлении и развитии разных направлений деятельности комиссии. КГУАК удалось активизировать деятельность краеведов-любителей, профессиональных историков, чиновников, привлечь разные слои населения к сбору вещественных источников. Просветительская деятельность учёной общественности среди населения края пробуждала интерес к древней истории. На местах были созданы библиотеки, филиалы музея. Можно сказать, что тема финно-угорских древностей была любимой у исследователей. С другой стороны, эта тема была близка населению края, сохранявшему древние традиции в фольклоре, этнографии. Местные жители заинтересованно участвовали в археологических раскопках.

КГУАК вела огромную научно-просветительскую работу, заключавшуюся в проведении публичных лекций для широкой публики, на заседаниях комиссии зачитывались рефераты, касающиеся финно-угорских древностей, проводились экскурсии по музею. В экспедициях по отдельным уездам члены комиссии собирали артефакты древней культуры, фольклор и при этом вели большую разъяснительную работу о необходимости сохранения элементов традиционной культуры.

Результатами деятельности КГУАК в отношении финно-угорской тематики стали труды наиболее активных её членов: Н. М. Бекаревича, И. Д. Преображенского, Ф. Д. Нефёдова, Д. П. Дементьева, В. Г. Пирогова и др.

Архивная комиссия вела большую издательскую работу: 150 номеров «Журналов заседаний», а также с 1890 по 1911 г. комиссией было издано 6 выпусков сборника «Костромская старина».

Прочная связь КГУАК с деятельностью крупных столичных обществ активизировала работу комиссии, повышала профессионализм её членов, выводила вопросы провинциальной истории на общероссийский уровень. Результаты раскопок посылались в Московское археологическое и антропологическое общество. Члены КГУАК и уездные информаторы участвовали в Программе этнографического бюро В. Н. Тенишева.

Давая оценку роли КГУАК в изучении финно-угорского культурного наследия, необходимо отметить большую работу по сбору артефактов, организации и проведению археологических раскопок. Члены КГУАК не ставили перед собой цели классификации археологических находок, некоторые артефакты атрибутировались неверное или спорно, но важно то, что значительный пласт вещественных источников в дальнейшем дал возможность учёным строить предположения и делать выводы относительно особенностей культурного наследия края.

Значительный вклад в изучение финно-угорского культурного наследия внесли Археологические областные съезды. Всего Археологических областных съездов было четыре. Четвёртый (в 1909 г.) проходил в Костроме. Участниками этого съезда были столичные учёные, искусствоведы, историки, которые собирались для обмена информацией, получения новых данных в области исторических исследований и археологических изысканий. В съезде приняли участие: профессор Московской духовной академии А. П. Голубцов; историк, профессор Д. И. Иловайский, искусствовед, историк-геральдист, член генеалогического общества в Петербурге, историко-родословного общества в Москве В. К. Лукомский; профессор Н. В. Покровский; академик Петербургской академии наук, директор Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенский; историк, профессор Российской академии наук С. Ф. Платонов. Участниками съезда были также члены архивных комиссий Верхневолжского региона, а также представители тех регионов, на территории которых проживали финно-угорские народы (Нижний Новгород, Вологда, Великий Новгород). Необходимо отметить разнообразие тематики докладов: местная история, археология, этнография, архивоведение, археография, церковные древности. Общение с ведущими учёными, знакомство с их работами способствовали активизации работы костромских краеведов. К съезду были изданы труды по истории г. Костромы П. А. Алмазова, М. Я. Сырцова, В. И. Смирнова, В. Ширяева, П. Е. Навоева, в которых приводились сведения о проживании мерянского населения на территории г. Костромы. Историко-археологический съезд в Костроме способствовал пропаганде знаний о финно-угорском культурном наследии среди местного населения, воспитывал у широкой общественности чувство бережного отношения к письменным и вещественным памятникам старины, способствовал осознанию необходимости сохранения наследия. Участники съезда имели возможность привлечь внимание

местной администрации, высших чиновников, духовенства, меценатов к проблемам изучения и сохранения культурного наследия. Съезд значительно повысил авторитет КГУАК, способствовал вовлечению в работу новых членов. Немаловажным можно считать возможность личного общения провинциальных историков-любителей с ведущими учёными различных отраслей исторического знания. Общение приводило к заимствованию ценного опыта в отношении исторических исследований, знакомству с передовыми методами работы с историческими источниками.

Начало XX в. – время стремительного развития всех отраслей науки в России. Значительную роль в этом процессе сыграли краеведческие научные общества. Образование таких научных обществ отражало общественную тенденцию к демократизации российской науки и отвечало потребностям развития культуры в российской провинции в начале XX в.

Созданное в 1912 г. Костромское научное общество по изучению местного края получило уже сформированный коллектив историков-любителей и профессиональных учёных, а также богатый архив и музейную коллекцию. Новые задачи, поставленные перед краеведением со стороны государства в начале XX в., инициативы местной учёной общественности превратили деятельность КНОИМК в настоящее краеведческое движение, способное решать задачи изучения и популяризации финно-угорского культурного наследия края на достаточно высоком уровне. Развивая традиционные виды деятельности краеведческого общества, КНОИМК использовало и новые формы, такие как организация этнологической станции. Актив общества составили: Н. Н. Виноградов, К. В. Завойко, М. М. Зимин, А. А. Ширский и др., во главе с председателем В. И. Смирновым.

В этот период времени заметно актуализировалась проблема расширения географии изучения и возможности сбора сведений на местах в уездах Костромской губернии, и также ведение там научной пропаганды местной истории. В связи с этим в Костромской губернии было создано 7 филиалов КНОИМК, особо инициативным стало Чухломское общество во главе с Л. Н. Казариновым, возглавившим филиал музея.

Публикуя результаты деятельности в 16 сборниках «Трудов», исследователи демонстрировали комплексный подход к изучению культурного наследия, требовавший сопоставления исторических, археологических, этнографических и других материалов. Сохранялись традиции в коллекционировании и научном описании памятников.

Благодаря работе КНОИМК в фонды музея поступило 2800 археологических предметов из раскопок курганов и городищ, 597 предметов этнографического характера.

Члены КНОИМК активно участвовали в губернских и уездных краеведческих съездах и конференциях. В резолюции 1-го губернского краеведческого съезда (15–17 июня 1924 г.) было обозначено изучение уездов, в том числе их историко-культурного наследия. К 15-летию юбилею КНОИМК был приурочен 2-й губернский краеведческий съезд, который состоялся в Костроме 14–16 мая 1927 г.

Общество вело успешную издательскую деятельность. Всего вышло в свет 74 сборника статей, 25 из них принадлежали отделениям общества.

Созданное в 1912 г. церковно-историческое общество дополнило деятельность учёной общественности новыми направлениями.

Таким образом, созданные по инициативе государства КГСК, КГУАК, КНОИМК имели большую общественную значимость. Большое внимание они уделяли просвещению и воспитанию населения на местных исторических материалах, сохранению культурного наследия как приоритетным задачам. Общества способствовали распространению научных знаний в широкие слои населения, что привело к формированию гражданской культуры. Накопленный опыт краеведческой деятельности, массив недостаточно обработанных материалов финно-угорского культурного наследия Костромского края до настоящего времени ещё не использованы российской наукой.

Анализ деятельности костромской учёной общественности по изучению и популяризации финно-угорской культуры Костромского края в XIX– первой трети XX вв. позволил выделить четыре периода.

Первый период относится к первой половине XIX в. Он обозначен возникновением исследовательского интереса учёной общественности и накоплением материалов о древнем финно-угорском народе, населявшем Костромской край. Это время характеризуется деятельностью Н. С. Сумарокова, И. К. Васькова, П. П. Свиньина. Особое значение имела учёная и общественная деятельность М. Я. Диева, связанная с ОИДР.

Второй период (1835 – 1885 гг.). Важную роль в этот период играла деятельность губернского статистического комитета в объединении учёной общественности с целью сбора сведений по истории края, их систематизации и публикации. Интерес представляет деятельность Г. М. Девочкина. Данный период заложил основу для дальнейшей положительной динамики в изучении и распространении краеведческих знаний о финно-угорских древностях Костромского края учёной общественностью, формированию новых краеведческих организаций.

Третий период (1885 – 1912 гг.) – связан с деятельностью КГУАК, объединившей усилия костромской учёной общественности по постановке общих целей, обмену информацией. В 90-е гг. активизируется научно-просветительская, экспедиционная, издательская деятельность КГУАК. Результаты деятельности по изучению финно-угорского культурного наследия находят отражение в публикациях учёной общественности. Важную роль в популяризации финно-угорского культурного наследия играли историко-археологические съезды. КГУАК освоила различные формы деятельности по изучению популяризации культурного наследия края и задала основные направления её дальнейшего развития.

Четвёртый период (1912 – 1930 гг.) – проявление активизации деятельности учёной общественности, научного осмысления предыдущего опыта работы. Он определяется общероссийскими тенденциями возрождения краеведческого движения, деятельностью КНОИМК. Именно благодаря деятельности КНОИМК внедрялись новые методы в изучение проблемы, использовался передовой опыт, а также при поддержке государства и наличии связей со столичными и другими обществами, территориальными организациями и ведомствами появилась возможность широкого охвата территорий региона. Созданное в 1912 г. церковно-историческое общество дополнило деятельность учёной общественности новыми направлениями. Однако, изменение общественно-политического строя, а, соответственно, и идеологических

ориентиров власти, репрессии против интеллигенции сужали пространство деятельности провинциальной интеллигенции.

Проведенный комплексный анализ деятельности учёной общественности Костромского края в XIX– первой трети XX вв. по изучению и популяризации финно-угорского наследия позволяет, тем не менее, сделать выводы о динамичном её развитии и преемственности традиций.

Список сокращений

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея.

ГАКО – Государственный архив Костромской области.

КГИАХМЗ – Государственное учреждение культуры Костромской государственной историко-художественный музей-заповедник.

ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

ЗРАО – Записки русского археологического общества.

ИАК – Императорская археологическая комиссия.

ИМАО – Императорское Московское археологическое общество.

ИОЛЕАЭ – Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ИРГО – Императорское Русское географическое общество.

КГУАК – Костромская губернская архивная комиссия.

КГСК – Костромской губернский статистический комитет.

КНОИМК; КНО – Костромское научное общество по изучению местного края.

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.

КЦИО – Костромское церковно-историческое общество.

ЛОИКФУН – Ленинградское общество изучения культур финно-угорских народов.

МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России.

МИА – Материалы и исследования по археологии.

ОИДР; ИОИДР – Императорское общество истории древностей Российских.
ОРЯИС – Отделение русского языка и словесности.
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РЭМ – Российский этнографический музей.
ЦИАМ – Церковный историко-археологический музей.
ЧОИДР – Чтения Общества истории и древностей российских.

Список источников и литературы

1. Список источников

1.1. Археологические известия и заметки. – 1894. – Т. 2. – № 8.

1.2. Архивное дело. – 1936. – № 39.

1.3. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 376. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева; Д. 495. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния; Д. 592. Материалы «Этнографического бюро» кн. В. Н. Тенишева. Костромская губерния. Галичский уезд.

б) газеты

1.4. Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. – Вып. 7; 1900. – Вып. 13.

1.5. Вестник архивиста. – 1998. – № 46 – 50.

1.6. Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. – 1958. – № 4.

1.7. Вологодские губернские ведомости. – 1854. – 24 апреля.

1.8. Вопросы истории, естествознания и техники. – 2007. – № 2.

1.9. Вопросы истории. – 1990. – № 5; 1996. – № 9.

1.10. Вопросы языкознания. – 2000. – № 2.

1.11. ГАКО .Ф.Р. 550. Оп.1. Д. 1. Смирнов Василий Иванович /1882 – 1941/, краевед, председатель Костромского научного общества по изучению местного края.

1.12. ГАКО Ф. 161. Оп. 1. Губернский статистический комитет. Д. 122. Статистические сведения по г. Нерехте (1857–1858); Д.125. Статистические

сведения о г. Чухломе (1857-1858); Оп.2. Д. 343. Статистические сведения всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи по волостям (1917 г)

- 1.13.** ГАКО. Ф. 121. Костромское губернское дворянское депутатское собрание. Оп.1. Д.604.
- 1.14.** ГАКО. Ф. 179. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Письмо Государю Императору о созыве съезда; Программа IV областного археологического съезда; Протокол заседания в Императорском археологическом институте в Санкт-Петербурге 21 февраля 1908 года; Решение IV областного археологического съезда; Д.12. Археологический съезд (1907-1908); Д. 13. Археологический съезд (1909–1915); Д. 41. Списки костромских воеводств. Исторические сведения о Костромском крае и другие статьи. 1891 – 1896 гг. / Труды КГУАК; Дементьев Д. П. Краткие сведения о Кажировой пустыни. Л. 58 об.; Д. 47. Отчёт о деятельности Императорского Московского Археологического общества (1887 – 1899 гг.); Д. 48. Отчёт о деятельности КГУАК (1900– 1913); Обзор деятельности КГУАК за первые десять лет, с 6 июля 1885 г. по 6 июля 1895 г., читаемый председателем комиссии Н. Н. Селифонтовым, в заседании комиссии 6 июля 1895 г.; Отчёт о деятельности КГУАК 1891 г.; Д. 68. Дементьев Д. П. Краткий исторический очерк Шангского городища. Составлен членом Костромской ученой архивной комиссии Д. П. Дементьевым; Д.86. Народные поверья.
- 1.15.** ГАКО. Ф. 508. Оп. 1. Д. 1. Устав КНОИМК; Д. 49. Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы.
- 1.16.** ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 188. Дементьев Д. П. Летопись странника. Рукописи Дементьевского архива. Ветлужская старина.
- 1.17.** ГАКО. Ф. 652. Д. 1. Письма Д. П. Дементьева Павлу Аксентьевичу 25 июля 1890 г. – 16 мая 1891г.; Д. 2. Письма Н. Н. Селифонтова к И. В. Миловидову.
- 1.18.** Живая Старина. – СПб: Отделение этнографии Императорского географического общества, 1893. – Вып. I; 1895.– Вып. 1; 1986. – Вып. 2; 1897. – Вып.3–4; 1999. – Вып.1.; 1901. – Вып.1–4;1903. – Вып.1 – 3.
- 1.19.** Журнал заседаний КГУАК. – 14 марта 1891.
- 1.20.** Журнал заседаний КГУАК. – 6 июля 1895.
- 1.21.** Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 28 марта 1867 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 22 с.
- 1.22.** Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 2 мая 1867 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 7 с.
- 1.23.** Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 12 июня 1867 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 13 с.

- 1.24.** Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 18 марта 1868г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 17 с.
- 1.25.** Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 17 июля 1868г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 8 с.
- 1.26.** Журнал заседаний особой комиссии костромского губернского статистического комитета от 15 ноября 1868 г. – Кострома: Губернская типография. 1868. 14 с.
- 1.27.** Журнал заседаний. Костромская губернская архивная комиссия. 6 июля 1895г.
- 1.28.** Журнал МВД. – СПб., 1835. – Вып. 3.
- 1.29.** Журнал Министерства народного просвещения. – М.– 1868. – Ч. СXXXIX. – Июль; 1872. – Ч. CLXIV. – Дек. Отд. 2.
- 1.30.** Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – СПб: Тип. Акад. наук, 1903. Т. 5. – Вып. 1
- 1.31.** Зябловский Е. Статистические описания Российской империи в нынешнем её состоянии. – Изд.2. – СПб., 1815. Ч. 1 – 5.
- 1.32.** Известия IV Областного Историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909. – № 5 – 6.
- 1.33.** Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1885. – Т. XXVIII.
- 1.34.** Известия Императорской Археологической Комиссии. – М., 1904 – № 21, 1912; – № 26.
- 1.35.** Известия Центрального бюро краеведения. – М.– 1927. – № 8.
- 1.36.** Каталог выставки 4-го областного Историко –археологического съезда Костромской губернии 1909 г. – Кострома: губернская типография,1909.
- 1.37.** КГИАХМЗ Коллекционная опись. Анкета № 349, № 359, № 1583, № 1610. КНОИМК. 1924 г. Культ и народное с/х. Народное верование. Хулиганство.
- 1.38.** КГИАХМЗ. Рукописный фонд. КОК 1273. Сумароков Н. С. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии [рукописная копия].
- 1.39.** КГИАХМЗ. Фонд археологии. КОК 49347. Казаринов Л. Н. Отчёт об археологических разведках у истока р. Вексы близ д. Федоровское Чухломского уезда в 1924 г.; КОК 49343 – 49348. – № 65. Из старых поступлений КНОИМК. Археологические отчёты Казаринова Л. Н. Рукопись; КОК 49350. Из старых поступлений КНОИМК. Преображенский И. Д. Клады и паны, легенды и предания

Костромского края; Нефёдов Ф. Д. К протоколу Заседания Костромской архивной учёной Комиссии 29 августа 1895 г.; КОК 49353. Из старых поступлений КНОИМК. Преображенский И. Д. Сведения о курганах и городищах Костромской губернии.

- 1.40.** Коллекционная опись № 321. Костромская обл., Юрьевецкий уезд, деревня Лиходумово, Крутово, Орехово, Демино. Женская одежда, головные уборы, ювелирные украшения; № 713. Костромская губ., Шунгенская волость, село Саметь. Одежда, головные уборы, приспособления для плетения поясов; № 956. Костромская губ., Шунгенская волость– изразцы; № 2629. Костромская губ., Чухломской уезд, деревня Игнатово. Головной убор «поднизка»; № 2725. Костромская губ., Ветлужский уезд, деревня Скоробогатое. Женский головной убор «повойник»; № 3252. Костромская губ. Гридинская волость. Пуговицы; № 6754. Шуган – верхняя женская одежда.
- 1.41.** Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1890. – Вып. 1; 1892. – Вып. 2; 1894. – Вып. 3; 1897. – Вып. 4; 1901.– Вып. 5; 1905. – Вып. 6.
- 1.42.** Костромские губернские ведомости. – Кострома.– 1858. – № 35–38; 1858. – № 17; 1859.– 26 марта; 1861. – № 48 – 49; 1864. – №1; 1885. – 8 сентября; 1863. – № 46; 1902. – 3 апреля.
- 1.43.** Костромские епархиальные ведомости.– 1889. – 1 марта; 1 апреля; 1 июня; 15 августа; 1 сентября; 15 сентября; 1900. – 1 сентября; 1901. – 15 апреля; 1902. – 1 января.
- 1.44.** Костромские епархиальные ведомости.–1917. – 15 марта; 1 апреля; 15 апреля; 1 мая; 15 мая.
- 1.45.** Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей (КГИАХМЗ).
- 1.46.** Костромской листок. – 1903. –11 апреля ; 1903. – №67. – 13 июня.
- 1.47.** Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1927 – № 2; 1928. – Т. V. – № 3 – № 6.
- 1.48.** Краеведческие записки: сборник статей – Ярославль.– 1986. – Вып. 4.
- 1.49.** Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния. – СПб: Типография Н. Таблена и К., 1861. 647 с.
- 1.50.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. 1 – Кострома: губернская типография, 1870. 182 с.
- 1.51.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. II – Кострома: губернская типография, 1872.

- 1.52.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. III – Кострома: губернская типография, 1875. 328 с.
- 1.53.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып.
- 1.54.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. I – Кострома: губернская типография, 1870. –182 V – Кострома: губернская типография, 1881. 302 с.
- 1.55.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. V.– Ч. I – Кострома: губернская типография, 1882. 513 с.
- 1.56.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. V .– Ч. II – Кострома: губернская типография, 1883. 699 с.
- 1.57.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. V I. – Кострома: губернская типография, 1884.
- 1.58.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. V II.– Кострома: губернская типография, 1887.
- 1.59.** Материалы для статистики Костромской губернии /под ред. Б. Пирогова. Вып. V III. – Кострома: губернская типография, 1891.
- 1.60.** Материалы и исследования по археологии. – 1951. – № 22. – С. 159 – 180.
- 1.61.** Материалы по археологии Восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованные средства / под. ред. П. С. Уваровой. – М. – 1896. Вып. 2. – С. 1 – 261.
- 1.62.** Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1911. 62 с.
- 1.63.** Отечество. – 1990. – Вып. 1.
- 1.64.** Отчёт Костромского губернского статистического комитета. – Кострома, 1901 – 13 гг.
- 1.65.** Отчет о деятельности КГСК за 1884 г.– Кострома: из-во Костромских губернских ведомостей, 1985.
- 1.66.** Отчёт о деятельности КНОИМК за 1913 год. – Кострома, 1914. – С. 10 – 11.
- 1.67.** Отчёт о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год (Год VIII). – Кострома, 1920. – С. 2.
- 1.68.** Отчет о деятельности Тверской ГУАК с 1903 по 1912 г.– С. 44.

- 1.69.** Отчёт о состоянии и деятельности Костромского церковно-исторического общества (КЦИО) за время от его открытия 3 июня 1912 г. до января 1914 г. – Кострома, 1914.
- 1.70.** Отчёты о деятельности КГУАК за 1900 год // Костромские губернские ведомости. – Кострома. –1901. – № 97.
- 1.71.** Памятная книжка Костромской губернии на 1851 год. – Кострома, 1851. 106 с.
- 1.72.** Памятная книжка Костромской губернии на 1853 год. – Кострома, 1853. 134 с.
- 1.73.** Памятная книжка Костромской губернии на 1854 год. – Кострома, 1854. 134 с.
- 1.74.** Памятная книжка Костромской губернии на 1855 год. – Кострома, 1855. 99 с.
- 1.75.** Памятная книжка Костромской губернии на 1857 год. – Кострома, 1857. 88 с.
- 1.76.** Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. – Кострома, 1867. 406 с.
- 1.77.** Памятная книжка со списком поселений Ветлужского уезда. – Ветлуга: Издательство Ветлужского земства, 1907. 358 с.
- 1.78.** Поволжский вестник. –1908. –№648.– 1 июля
- 1.79.** Полное собрание законов Российской империи Т. XIII. –СПБ, 1893. № 9982. – С. 569.
- 1.80.** Полное собрание законов Российской империи. Второе издание. Т. XXXIV.– Спб, 1859. Отд. I, № 34109.
- 1.81.** Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Спб., 1830. Т. IX. Отд. II. № 7684.
- 1.82.** Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. IX. – Спб, 1889. № 5841. – С. 95.
- 1.83.** Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. – Спб, 1884. № 2149. – С. 226.
- 1.84.** Положением о создании губернских и областных статистических комитетов // Журнал МВД. – Спб., 1835. – Вып. 3. – С.37–39.
- 1.85.** Протоколы заседаний 2-го областного тверского археологического съезда//Труды 2-го областного тверского археологического съезда 1903г. 10 – 20 августа. Изд. Тверской КГУАК.– Тверь: Тип. губ. Правления, 1906. 1248 с.
- 1.86.** Протоколы заседаний Археологического съезда. Заседания 1 Отделения: Древности первобытные // Труды I Археол. съезда. 1869. – М., 1871. Т. I.

- 1.87.** Протоколы заседаний Второго археологического съезда. Заседание 11 декабря 1871г. // Труды II Археол. съезда. 1871. – СПб., 1881. Вып. 2. – С. 28 – 29.
- 1.88.** ПФА РАН. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук.
- 1.89.** ПФА РАН. Ф. 94. А. И. Шёгрэн. Оп. 1. Д. 1/1–10.
- 1.90.** РГАЛИ Ф. 1455. Оп. 1. Д. Личный фонд М. М. Зими́на. Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 – 1938).
- 1.91.** РГАЛИ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 1. Письма Преображенского Ионы Дмитриевича Нефёдову Филиппу Деомидовичу.
- 1.92.** Российская археология. – М., 1990. – №2; 1996. – № 3.
- 1.93.** Русский этнографический музей (РЭМ).
- 1.94.** Свод законов Российской империи. Т. XI. Ч.2. – СПб, 1833.
- 1.95.** Советская археология. – 1957. – № 2; 1981. – № 3; 1994. – № 4.
- 1.96.** Справочная книжка Костромской губернии и календарь на 1909 г./ В.А. Толмачев. – Кострома: Губернская типография, 1909. 486 с.
- 1.97.** Справочная книжка-календарь по Костромской губернии на 1911. – Кострома: Губернская типография, 1911. XII. 416 с.
- 1.98.** Статистические таблицы Костромской губернии по сведениям 1863 – 1864 гг. (Обработано Лебедевым). – Кострома: Губернская типография, 1866. Вып. 1. 193 с.
- 1.99.** Статистический ежегодник Костромской губернии за 1907г. – Кострома: губернская типография, 1909.–178 с.
- 1.100.** Труды IV Областного Историко-Археологического Съезда в г. Костроме в июне 1909 г. / Труды КГУАК. – Кострома: Губернская типография, 1914.
- 1.101.** Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года. 10 – 20 августа. – Тверь, 1903
- 1.102.** Труды третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20 – 26 июня 1906 г. – Владимир, 1909.
- 1.103.** Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). – М.: Изданием А. И. Вахрамеева, 1902. – № 3. 177 с.
- 1.104.** Устав КНОИМК. – Кострома, 1912.

- 1.105.** Устав Костромского церковно-исторического общества. – Кострома, 1912. 3 с.
- 1.106.** Учреждения для управления Губерний Всероссийской Империи 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. – М.: Печатано при Сенате, 1830. Т. 22. 229 с.
- 1.107.** Финно-угорские народы: Статистический сборник. – Сыктывкар, 2008. 116 с.
- 1.108.** КГИАХМЗ .Фонд археологии. Коллекционная опись. КОК.15453/42. А – 121/42. Подвеска шумящая треугольная каркасная с тремя привесками в виде гусиных лапок. XII – XIII вв.;
- 1.109.** КГИАХМЗ. КОК 15467/8 А – 135/8. Подвеска из шести цилиндрических пронизок с двумя подвесками в виде гусиных лапок по краям. XII – XIII вв.; КОК 17318. Скульптура Св. Николая;
- 1.110.** КГИАХМЗ. КОК 37808№ 20. Подвеска бронзовая шумящая в виде одностороннего витого стержня-пронизки с 3-мя кольцами и продетыми в них 3-мя гусиными лапками.
- 1.111.** Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей 1628 – 1710 и 1722 – 1746 гг. – Кострома, 1895. – С. 134.
- 1.112.** ЦИАМ КОК 24738. Диев М. Я. Костромская вивлиофика. 1845 – 1847 гг.
- 1.113.** Чтения в Обществе истории и древностей российских. – М. 1865. – Кн. 4.
- 1.114.** Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3.

2. Список литературы (монографии, статьи)

- 2.1.** Алексеев С. И. Археология Костромского края / С. И. Алексеев, К. И. Комаров, Е. А. Леонтьев и др. – Кострома, 1997. 275 с.
- 2.2.** Алмазов П. А. Краткий путеводитель по г. Костроме и Костромской губернии. – Кострома: Губернская типография, 1909. 43 с.
- 2.3.** Альквист А. Меряне, не меряне ... // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 15 – 33.
- 2.4.** Андриевский И. Е. Губернские учёные архивные комиссии в 1886 и 1887 гг. // Вестник археологии и истории. – СПб., 1892. – Вып. VIII. – С.33 – 69; Вып. IX. – С. 1–44.
- 2.5.** Андриевский И. Е. О деятельности учёных архивных комиссий в 1885 г. // Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. – Вып. VII. – С.1–11.
- 2.6.** Андроников В. А. О собирании памятников народного творчества в пределах Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1902. – С. 1 – 17.

- 2.7.** Анучин Д. Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные Императорским Московским Археологическим Обществом на Высочайше дарованные средства / под ред. Д. Н. Анучина. – М., 1899. Т. 3. – С. 237 – 259.
- 2.8.** Анучин Д. Н. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда // Древности. Труды Моск. археол. общества. – М., 1890. Т. XIV. С. 1– 146 с.
- 2.9.** Анциферов Н. П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1928. – Т. V. – № 6. – С. 321 – 328.
- 2.10.** Апушкин В. Печальник Костромской старины. – Кострома: Типография КНОИМК, 1919. – Вып. XIII. – С. 3 – 14.
- 2.11.** Архангельский С. И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1927. – № 2. – С. 181 – 194.
- 2.12.** Архипов Г. А. Марийцы IX – XI вв.: К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Мар. кн. Изд – во. – Вып. 6., 1973. 164 с.
- 2.13.** Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1951. – № 22. – С. 157.
- 2.14.** Бадер О. Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии. – 1951. – № 22. – С. 159 – 180.
- 2.15.** Баженов И. Костромской кремль. Историко-археологический очерк // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1905. – Вып. 4.– С. 90 – 116.
- 2.16.** Балацкая Н. М., Раздорский А. И. Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Предварительный список. – СПб: Дм. Буланин, 2008.
- 2.17.** Балдин К.Е. Купцы-краеведы: страницы истории изучения Ивановского края//Борисовский сборник. Вып.1. – Иваново: Изд. дом Референт, 2009. – С. 12 – 19.
- 2.18.** Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. – М.: Наука, 1969. 294 с.
- 2.19.** Барг М. А. Эпохи и идеи: становление историзма. – М.: Мысль, 1987. 350 с.
- 2.20.** Барсов Н. П. Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1885. 384 с.
- 2.21.** Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. – 1928. – Т. V. – №3. – С. 129 – 140.
- 2.22.** Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1928. – Т. V. – № 3. – С. 129 – 140.
- 2.23.** Бекаревич Н. М. Два доклада члена Комиссии Н. М. Бекаревича о произведенном им совместно с членом-делопроизводителем И. Д. Преображенским раскопке курганов в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1894. – Вып. 3.
- 2.24.** Бекаревич Н. М. Дневники раскопок курганов, произведенные членами Комиссии в 1895 – 1899 гг. Н. М. Бекаревича // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1901. – № 5. – С. 302 – 462.
- 2.25.** Бекаревич Н. М. Доклад о раскопках, произведенных совместно с И. В. Миловидовым и И. Д. Преображенским в 1894 г. в Костромском уезде // Приложение III

- к Журналу заседаний КГУАК 26 августа 1894. – Кострома: Губернская типография, 1897. – С. 371 – 376.
- 2.26.** Бекаревич Н. М. О некоторых городищах в Костромской губернии. – М.: Тов. типогр. А. И. Мамонтова, 1902. 7 с.
- 2.27.** Бекаревич Н. М. Раскопки в Костромском уезде // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1890.– Вып.1. – С. 149 – 150.
- 2.28.** Бердинских В. А. Вятский период жизни А. А. Спицына // Очерки истории русской и советской археологии. М., 1991.
- 2.29.** Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860-х – 1890-х годов. – Киров, 1994. 423 с
- 2.30.** Березин П. С. Обитатели Среднего Поволжья с первобытных времён до наших дней // Мифы древней Волги. Мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней: составитель Варгудин В. И. – Саратов: Надежда, 1996. 688 с.
- 2.31.** Богословский М. М. Областная история России, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сборник докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созванной Академическим центром. – Н.-Новгород: Нижполиграф, 1923.– С.118 – 124.
- 2.32.** Бочаров Н. Об участии губ. статистических комитетов в разработке отечественной археологии//Труды I Археологического съезда в Москве. – М., 1871. – С. 124 – 129.
- 2.33.** Бочков В. Н. Василий Смирнов // Второе свидание. – Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 1974. – С. 42 – 80.
- 2.34.** Бочков В. Н. Ветлужский летописец: Образы краеведов // Памятники Отечества. – 1989.– №1. – С. 72 – 78.
- 2.35.** Бржостовская Н. В. Деятельность губернских ученых архивных комиссий по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. – Вып. 5.– С.70 –116.
- 2.36.** Бузин А. И. Красносельские художники-ювелиры. – Кострома: издание акционерного об-ва «Красносельский ювелирпром», 1997. 259 с.
- 2.37.** Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков. – Л., 1978. – С. 110.
- 2.38.** Васьков И. К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы, сочиненное полковником Иваном Васьковым. – М.: Тип. М. Пономарева, 1792. 64 с.
- 2.39.** Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV – XVI вв. – М. – Л.: ОГИЗ, 1936. 166 с.
- 2.40.** Виноградов Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1915. – С. 1 – 51.
- 2.41.** Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1917. Вып. XV. – С. 71 – 152.
- 2.42.** Виноградов Н. Н. О народном говоре Шунгенской волости, Костромского уезда: сборник Отделения русского яз. и словесности Имп. Акад. Наук. Часть I. Фонетика. – СПб., 1904. Т. LXXVII. – С. 1 – 100.

- 2.43.** Виноградов Н.Н. Шишкинская волость, Костромского у. // Живая старина.– СПб: Отделение этнографии Императорского географического общества, 1901. – Вып. 3 – 4.
- 2.44.** Виноградова С. Г. Археологическая деятельность Костромской губернской архивной комиссии (1885 – 1990гг.) // Памяти Селифонтова. – Кострома: КГОИАМЗ, 2000. – С. 148 – 158.
- 2.45.** Вишневецкий Б. Антропологические заметки о Костромской губернии // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1920. Вып. XVI. – С. 69 – 78.
- 2.46.** Гессен Ю. И. Из жизни архивных комиссий // Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». – М, 1921. – Вып. 1. – С. 3 – 21.
- 2.47.** Глинка Ф. Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах с присовокуплением Исторического повествования: Зиновей Богдан Хмельницкий. Или освобожденная Малороссия. Сочин. писем Русскаго офицера. – СПб, 1816. Ч. 2. 165 с.
- 2.48.** Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. Археология СССР. // Свод археологических источников. – М.: Наука. – Вып. Е1 – 59. 1979. 113 с.
- 2.49.** Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. – 1996. – № 9. – С. 158 – 163.
- 2.50.** Гончарова Т. Древности Ивана Баженова // Жизнь замечательных костромичей XX век: краеведческие очерки. – Кострома: областная типография, 2004. – С.10 – 11.
- 2.51.** Горланова И. Б., Шарабарина С. Г. Субстратные гидронимы Костромского края в репрезентации национально-языковой картины мира // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы международной научно-практической конференции (г. Кострома, 22 – 24 марта 2012 г.). – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 244 – 246.
- 2.52.** Горланова И. Б., Шарабарина С. Г. Гидронимы в онимическом пространстве Костромского края // Ономастика Поволжья: Материалы XIII Международной научной конференции (13-14 сентября 2012 г.). – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д.Ушинского, 2012. – С. 200 – 203.
- 2.53.** Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси // Материалы и исследования по археологии. – М.: Наука, 1955. – Вып. 59. – С. 11 – 21.
- 2.54.** Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. – М.: Акад.наук СССР, 1961. – Вып. 94. 285 с.
- 2.55.** Григоров А. А. Павел Петрович Свиньин // Из истории костромского дворянства. – Кострома: тип. ИПШ Кострома, 1993.
- 2.56.** Девочкин Г. М. Очерк пространства Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1859. – № 22 – 23.
- 2.57.** Дементьев Д. П. Краткие исторические сведения о Кажировой пустыни // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1892. – Вып. 2. – 16 с.
- 2.58.** Дементьев Д. П. Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина. – Кострома, 1894. – Вып. 3.
- 2.59.** Диев М. Я. Какой народ в древние времена населял костромскую сторону и что известно об этом народе» // Чтения Общества истории и древностей российских. – М. 1865. – Кн. 4. – С. 167 – 178.

- 2.60.** Диев М. Я. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материал для историко-географического словаря Костромской губернии. – М., 1909. 96 с.
- 2.61.** Диев М. Я. Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // Чтения Общества истории и древностей российских. – М. 1846. – Кн. II. – № 2. – С. 1 – 43.
- 2.62.** Довнар-Запольский М. В. Обзор деятельности губернских учёных архивных комиссий 1896 – 1898 // Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. II. – М., 1902.
- 2.63.** Древности Ивана Баженова // Жизнь замечательных костромичей XX век: краеведческие очерки. – Кострома: Областная типография, 2004. – С.10 – 11.
- 2.64.** Дубов И. В. Спорные вопросы этнической истории северо-восточной Руси IX—XIII вв. / Вопросы истории. – № 5. – 1990. – С. 15 – 27.
- 2.65.** Дубов И.В. И поклоняешься идолу камню... – СПб.: Рис РЭМ, 1995. 104 с.
- 2.66.** Дюбюк Е.А. Дневник//Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. – Вып.3. – Кострома, 1995. – С. 175.
- 2.67.** Европеус Д. П. О курганных раскопках около погоста Бежец, в Бежецком уезде Тверской губернии // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1872. – Ч. CLXIV. – Дек. Отд. 2. – С. 376 – 387.
- 2.68.** Европеус Д. П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей // Труды II Археол. съезда. 1871. Отд. IV. – СПб., 1876. Вып. I. – С. 81 – 103.
- 2.69.** Еремеева В. Л. Приоритетные направления деятельности Костромского губернского статистического комитета. //Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, №2(16), 2012. Ч.2. – С. 55–59.
- 2.70.** Ерофеева Е. Н. Археологические памятники Ивановской области: материалы к археологической карте. – Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1965. 64 с.
- 2.71.** Журавский Д. П. Об источниках и употреблении статистических сведений. – М., 1836.
- 2.72.** Завойко К. В. В Костромских лесах по Ветлуге реке // Труды КНОИМК. Этнографический сборник. – Кострома: Губернская типография, 1917. – Вып. VIII. – С. 3 – 40.
- 2.73.** Загребин Е. А. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – нач. XIX вв.: История, теория и практика / Автореф. дис. док. ист. н. –Чебоксары, 2009. 61 с.
- 2.74.** Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорское Русское географическое общество. – СПб. – 1914 – 1916. – Т. III. – Вып. I. 1077 с.
- 2.75.** Зеленин Д. К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? – Л.: ЛОИКФУН. – Вып.1, 1929. – С. 96 – 108.
- 2.76.** Зимин М. М. Ковернинский край // Труды КНОИМК. – Кострома: Коммунист, 1920. Вып. XVII. – С. 1 – 89.
- 2.77.** Зорин П. Песни черемис Ветлужского уезда // Труды КНОИМК – Кострома: Губернская типография, 1917. – Вып. 8. – С. 41 – 70.
- 2.78.** Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / под ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1969. 799 с.

- 2.79.** Иконников В. С. Губернские ученые архивные комиссии, 1884 – 1890. Киев, 1892. 36 с.
- 2.80.** Иконников В. С. Опыт русской историографии, в двух книгах. – Киев. Т. I. 1891 – 1892.; Т. II, 1908. 1956 с.
- 2.81.** Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья и пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. – М., 1960. 688 с.
- 2.82.** История о Казанском царстве // Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 19. 328 с.
- 2.83.** Карамзин Н. М. О народах, издревле обитавших в России. О славянах вообще // История государства Российского. – М.: ЭКСМО, 2003. Т. 1. Гл. II. – С. 15
- 2.84.** Кастальева Т. Б. История жизни ученого протоиерея Михаила Диева, рассказанная им самим. – М.: Форум, 2008. 64 с.
- 2.85.** Ключевский В. О. Курс русской истории. Сочинения в 9-ти т./под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. Т. 1. Ч. 1. 431 с.
- 2.86.** Козловский А. Взгляд на историю Костромы. – М.: типография Н. Степанова, 1840. 209 с.
- 2.87.** Комаров М. Н. Памяти Г. Н. Девочкина [первого местного археолога-любителя] // Костромской листок. – 1903. – № 141. – 11 апреля.
- 2.88.** Комарова И. И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. – М.: Наука,
- 2.89.** Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. – Казань: Университетская типография, 1872. 266 с.
- 2.90.** Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М.: Эксмо, 2007. 596 с.
- 2.91.** Костромская ГУАК // Вестник археологии и истории. – СПб., 1888.– Вып. 7. – С. 8 – 9; 1900. – Вып. 13. – С. 230 – 232.
- 2.92.** Костромская ГУАК // Известия Имп. Археологической Комиссии. Прибавление. – № 5, 1904; – № 21, 1912. – С. 35 – 37; – № 26, 1912. – С. 35 – 37.
- 2.93.** Костромская ГУАК // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1902. – № 25 – 26.
- 2.94.** Куза А. В. Малые города Древней Руси. – М.: Наука, 1989. 168 с.
- 2.95.** Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1.– М.: ЯРК, 1997. 496 с.
- 2.96.** Лаппо-Данилевский А. С. Доклад о деятельности губернских учёных архивных комиссий по их отчётам за 1903 – 1907 гг. – СПб., 1908.
- 2.97.** Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700 – 1917 гг. – СПб: изд-во СПб ГУ, 1992. 464 с.
- 2.98.** Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. – М.: Геоэко, 1996. 340с.
- 2.99.** Леонтьев А. Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 390 с.
- 2.100.** Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII – XI вв.). Автореф. дис...канд. ист. н. – М., 1975. 26 с.

- 2.101.** Леонтьев А. Е. Стратиграфия и хронология культурного слоя Ростова Великого // Археологические памятники на территории РСФСР. – М., 1985. – С. 105 – 112.
- 2.102.** Лукомские В.К., Г.К. Кострома: Исторический очерк В.К. Лукомского и описание памятников художественной старины Г.К. Лукомского. – СПб.: изд. общины св. Евгении Красного Креста, 1913. 403 с.
- 2.103.** Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. – Л., 1929. Ч. 1. 45 с.
- 2.104.** Макарихин В.П. Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991. 118 с.
- 2.105.** Мансуров А. А. Об изучении материалов о местных деятелях и уроженцах // Краеведение. – М.: Главнаука и ГИЗ, 1928. – Т.5. – С. 17 – 18.
- 2.106.** Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург. – 1997. – № 7. – С. 5 – 17.
- 2.107.** Матвеева Т. А. К исследованию комплекса каменных кладок под п. Подборовье Выборгского района / Большая Петербургия в пространстве культурологического исследования: сборник научных статей. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. Вып. 4. – С. 12 – 13.
- 2.108.** Материалы для археологической карты Костромской губернии. Костромской уезд. – Тверь: Типография губернского правления, 1905. – С. 16 – 44.
- 2.109.** Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. – М., 1911. 62 с.
- 2.110.** Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. – М.: Наука, 1960. 261 с.
- 2.111.** Меря // Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. М. Р. Фасмер. 1964 – 1973. – С. 93.
- 2.112.** Миловидов И. В. О Костроме в историко-археологическом отношении // Труды 7-го археологического съезда в Ярославле. – М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1887. Т.1. – С. 54 – 72.
- 2.113.** Миловидов И. В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. – Кострома: Ф.А. Фальк губернская типография, 1885. 179 с.
- 2.114.** Мордва: историко-этнографические очерки. – Саранск: Мордовское книжное из-во, 1981. 384 с.
- 2.115.** Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. Заонежье как периферия топонимных ареалов Карелии / Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск: Кижы, 2007. – С.248–249.
- 2.116.** Навоев П. Е. Описание Костромской губернии: Опыт родиноведения с приложением карты губернии, плана Костромы и 14 рисунков. – Кострома: Губернская типография, 1909. 64 с.
- 2.117.** Назин И. С. Из истории архивного дела в дореволюционной России // Архивное дело. 1936. – № 39. – С. 26 – 37.
- 2.118.** Насонов А. Н. Русская земля и образование Древнерусского государства. – М.: АН СССР, 1951. 256 с.
- 2.119.** Нефёдов Ф. Д. Курганы Кинешемского и Макарьевского уездов // Антропологическая выставка 1879 г. – М., 1878 – 1879. Кн.4. – С. 90 – 93.

- 2.120.** Нефёдов Ф. Д. О поездке 1885 г. в Костромскую, Вятскую и Пермскую губернии // Костромские губернские ведомости. – Кострома. – 1885. – № 71.
- 2.121.** Нефёдов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 года // Материалы по археологии восточных губерний России. – М., 1899. Т.3. – С. 161 – 232.
- 2.122.** Овсянников Н. Н. О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии // Труды III Областного историко-археологического съезда, бывшего во Владимире 20 – 26 июня 1906 года. – Владимир, 1909. – С. 1 – 14.
- 2.123.** Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки)/ под ред. В.И. Лыткина. – М.: Наука, 1976. 465 с.
- 2.124.** Первушкин В. И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. – Пенза, 2007. 212 с
- 2.125.** Петровичева Е. М. Из истории развития Владимирского краеведения во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы областной краеведческой конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Н. Н. Воронина (19 апреля 2004 г.). – Владимир, 2004. – С. 173 – 175.
- 2.126.** Пиксанов Н. К. Два века русской литературы. – М.: Гиз., 1923. 220 с.
- 2.127.** Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. Историко-краеведный семинар. – М. Л.: Гиз., 1928. 70 с.
- 2.128.** Пирогов В. Г. Сведения о курганах, городищах земляных валах, древних кладбищах и могилах, находках и прочее по некоторым городам и уездам Костромской губернии // Костромская старина. – Кострома: Губернская типография, 1890. – Вып. 1. – С. 135 – 141.
- 2.129.** Плошко Б. Г., Елисеева И. И. История статистики. – М.: Статистика, 1990. 295 с.
- 2.130.** Повесть временных лет. Подготовка текста Д.С.Лихачева/ под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М. – Л.: Изд-во Акад. Наук, 1950. Ч.1 – 2. 556 с.
- 2.131.** Покровский В. Н. Губернские учёные архивные комиссии // Вестник археологии и истории. – СПб., 1909. – Вып. XIII. – С. 27 – 48.
- 2.132.** Покровский Ф. И. Случайная археологическая находка // Археологические известия и заметки. – 1894. – Т.2. – № 8. – С. 358 – 360.
- 2.133.** Порожин В. С. Критические исследования об основаниях статистики. – СПб.: Книга по требованию, 1838. 53 с.
- 2.134.** Православный молитвослов. – М.: Даниловский Благовестник, 1995. 287 с.
- 2.135.** Преображенский И. Д. Новые сведения о заслуживающих в историко-археологическом отношении внимания местностях и предметах Костромского края. Доклад члена-делопроизводителя комиссии И. Д. Преображенского // Костромская старина. – Кострома: Тип. лит. СПб. С. П. Федотова, 1897. – Вып. 4.
- 2.136.** Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии / Шмидт С. О.; кол. авт. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). – М.: Изд-во РГГУ, 1997. 612 с.
- 2.137.** Размустова Т.О. Губернские ученые архивные комиссии и изучение памятников археологии в дореволюционной России//Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М., 1990. – С.89–104.

- 2.138.** Романова С. Н. Глуховская И. И. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информации (XVI в. – 1917 г.) // Вестник архивиста. – № 46 – 50.
- 2.139.** Румянцева О. В. Сельцо Семёновское – «родовое гнездо» Селифонтовых // Памяти Селифонтова. Сб. докладов первых Селифонтовских чтений. – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. –70–73.
- 2.140.** Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. 608 с.
- 2.141.** Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. 160 с.
- 2.142.** Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 259 с.
- 2.143.** Рябинин Е. А. Чудские племена древней Руси по археологическим данным / Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15 – 17 ноября 1976 г. – Л.: Наука, 1976. – С. 93 – 103.
- 2.144.** Сазонов Л. Мерянские «Синие камни» // Эрзянь Мастор. – 2005. – № 209. – 16. 05. – С. 10 – 11.
- 2.145.** Самарянов В. А. Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии / Древности. Труды МАО. – М., 1875. Т. VI. Вып. 1. Отд. I. – С. 47 – 67.
- 2.146.** Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России. – М.: Московский архив Министерства юстиции, 1902. 370 с.
- 2.147.** Сапрыгина Е. В. Костромская вивлиофика Михаила Диева // Стражи времени. – Кострома, 2005. – С. 357 – 363.
- 2.148.** Сапрыгина Е. В. Стражи времени. – Кострома: Промдизайн-Н, 2005. 379 с.
- 2.149.** Свиньин П. П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Часть первая (с иллюстрациями автора). – СПб: Типография Н. Греча, 1839. 436 с.
- 2.150.** Севастьянова А. А. «Любезным моим согражданам...» Первый костромской историк Николай Сумароков // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. – Кострома, 1995. – Вып. 3. 216 с.
- 2.151.** Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII в. Автореф. дис. ... док. ист.н. – СПб., 1993. 40с.
- 2.152.** Седов В. В. Восточные славяне в VI – XIII вв. – М.: Наука, 1982. 328 с.
- 2.153.** Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. – М.: Наука, 1995. 416 с.
- 2.154.** Селиванов А. М. Историческое краеведение: накопление и развитие краеведческих знаний в России (XVIII–XX вв.). – Ярославль: ЯрГУ, 2005. 375 с.
- 2.155.** Семёнов Т. К. К вопросу о родстве и связи мери с черемисами // Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887 г. – М., 1891. Т. 2. – С. 228 – 258.
- 2.156.** Середонин М. С. Историческая география. – Петроград, 1916. – С. 213.
- 2.157.** Сизинцева Л. И. «Мастер науки» Василий Смирнов / Жизнь замечательных Костромичей XX век. Краеведческие очерки. – Кострома, 2004. – С. 114 – 128.
- 2.158.** Сизинцева Л. И. Музей КГУАК и его создатели // Памяти Селифонтова: сборник докладов первых Селифонтовских чтений. – Кострома: ООО Формат-прин, 2000. – С. 126 – 139.

- 2.159.** Сизинцева Л. И. Смирнов Василий Иванович // Кострома: Историческая энциклопедия. – Кострома, 2002. – С.304 – 305.
- 2.160.** Скворцов Л. Материалы для истории города Костромы. – Кострома, 1913. Ч. 1. 273 с.
- 2.161.** Смагина Г.И. Петербургская Академия наук и провинциальные любители наук в XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. – 2007. – № 2. – С. 121 – 139.
- 2.162.** Смирнов В. И. Из вопросов и фактов этнологии Костромского края // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1924. Вып. XXXIII. – С. 134 – 161.
- 2.163.** Смирнов В. И. Клады, паны и разбойники // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1921. Вып. XXVI. – С.1 – 48.
- 2.164.** Смирнов В. И. Костромской край в докладах 1-й Костромской губернской конференции по изучению производительных сил края // Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1924. Вып. 33. – С. 2.
- 2.165.** Смирнов В. И. Народ в тюрьме (1930 – 1931). Материалы к биографии В.И. Смирнова (1882-1941) / Л. С. Китицина: сост. Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад: ООО Всё для Вас Сергиев Посад, 2011. 224 с.
- 2.166.** Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНОИМК. Второй этнографический сборник. – Кострома: Губернская типография, 1920. Вып. XV. – С. 21 – 126.
- 2.167.** Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографические очерки. – Казань : Типография Императорского Университета, 1889. 255 с.
- 2.168.** Смирнов К. А. Дьяковская культура. – М., 1974. – С. 76 – 77.
- 2.169.** Смирнов К. А. Погребальный обряд дьяковской культуры // Российская археология. – М., 1990. № 2. – С. 51 – 60.
- 2.170.** Смирнов К.А. Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // Советская археология. – 1994. – №4. – С. 85 – 97.
- 2.171.** Смирнов М. И. По забытым путям Залесья. // Доклады Переславль-Залесск. научн.-просвет. общ. – Переславль-Залесск, 1926. Вып. 15 – С.–15 – 16.
- 2.172.** Смирнов П. П. К истории г. Костромы в XVII в. В связи с вопросом о распределении посадского населения по территории Московского государства // Известия IV Областного Историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома: Губернская типография, 1909. – 25 июня. – № 6. – С. 5 – 10.
- 2.173.** Смирнова В. И. Потонувшие колокола // Труды КНОИМК. Третий этнографический сборник. – Кострома: Губернская типография, 1923. – Вып. XXIX. – С. 1 – 4.
- 2.174.** Смурова О. В., Шарабарина С. Г. Этнолингвистический аспект межкультурных взаимодействий финно-угорских и славянских этносов: к историографии проблемы // Вестник КГТУ. Кострома: изд-во КГТУ, 2009. – № 22. – С. 35 – 38.
- 2.175.** Смурова О. В., Шарабарина С. Г. Финно-угорские основания в Костромских говорах и топонимике // Научные труды молодых учёных КГТУ. – Кострома: изд-во КГТУ, 2010. – № 11. – С. 16 – 20.
- 2.176.** Смурова О. В., Шарабарина С. Г. Культурное взаимодействие финно-угорских и славянских народов на территории Галичского края // Вестник КГТУ. – Кострома: изд-во КГТУ. 2010.– № 25.– С. 70 – 74.

- 2.177.** Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, Вып. 1 – 4. – М.: Университетская типография, 1837 – 1839.
- 2.178.** Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. – М.: Университетская типография, 1839. – 1600 с.
- 2.179.** Соболев В. С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. – 2000. – Т.70. – № 6. – С. 535 – 541.
- 2.180.** Соболевский А.И. К вопросу о финском влиянии на великорусское племя // Живая Старина. – СПб: Отделение этнографии Императорского географического общества 1893. – Вып. I. – С. 121, С.115 – 122
- 2.181.** Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн.3 // Соловьев С. М. Сочинения в 18-ти кн. – М.: Мысль, 1989.
- 2.182.** Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия археологической комиссии. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1905. Вып. 15. – С. 84 – 174.
- 2.183.** Спицын А. А. Городища дьякова типа // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. – СПб: Тип. Акад. наук, 1903. Т. 5. Вып.1. – С. 111. – 113.
- 2.184.** Спицын А. А. Норманнские и славянские древности верховьев Волги // Известия IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме. – Кострома. – 1909. – № 5.– С. 15 – 17.
- 2.185.** Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей Российских в археологическом отношении // Записки Императорского Русского Археологического общества. – СПб.– 1899. Т. XI. – Вып. 1 – 2. – С. 237 – 248.
- 2.186.** Спицын А. А. Финские древности Верхнего Поволжья // Известия IV областного археологического съезда в Костроме. – Кострома. – 1909.
- 2.187.** Степанский А. Д. История научных учреждений и организаций дореволюционной России. – М.: Учебное пособие, 1987. 312с.
- 2.188.** Степанский А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России//Археографический ежегодник за 1974 г. – М., 1975. – С.38–54;.
- 2.189.** Степанский А. Д. Первые исторические общества в России//Вопросы истории. – М., 1973. – № 12. – С.204 – 209.
- 2.190.** Сырцов И. Я. Город Кострома в ее прошлом и настоящем. – Кострома, 1909. 51 с.
- 2.191.** Татищев В. Н. История Российская. – М. – Л.: Наука, 1962. Т. 1. 500 с.
- 2.192.** Титов А. А. Материалы для истории Императорского общества Истории Древностей Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И. М. Снегиреву. 1830 – 1857 гг. – М., 1909. 116 с.
- 2.193.** Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. – М.: Синодальная типография, 1885. 657 с.
- 2.194.** Титов А. А. Словарь писателей духовного и светского чина Костромской губернии. – М., 1892. – С. 24.
- 2.195.** Травкин П. Н. Древний костюм Ивановского края. Раннее средневековье. – Иваново: Иванов. газета, 1999. 110 с.

- 2.196.** Травкин П.Н. Микшинское финское селище на реке Уводь // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. – Иваново, 1990. – Вып. 4. – С. 14 – 24.
- 2.197.** Травкин П.Н. Плесское ювелирное искусство: 25 веков истории. – Иваново: А – Гриф, 2010. 16 с.
- 2.198.** Травкин П.Н. Язычество древнерусской провинции: малый город. – Иваново : Талка, 2007. 312 с.
- 2.199.** Травкин, П. Н. Обряд «запирания» в Верхнем Поволжье по археологическим и этнографическим данным // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. – Тверь, 1997. – С. 59 – 63.
- 2.200.** Третьяков П. Н. Археологические памятники древнерусских племен / Ученые записки ЛГУ. – Л. – 1949. – № 85. – Вып. 13. – С. 272 – 281.
- 2.201.** Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. // Советская археология. – М. – 1957. – № 2. – С. 67 – 68.
- 2.202.** Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии. – М – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Вып. 5. 150 с.
- 2.203.** Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М. – Л.: Наука, 1966. 308 с.
- 2.204.** Третьяков П.Н.. На финно-угорских окраинах Древней Руси / У истоков древнерусской народности. – М.: Московский институт археологии, 1970(179). – С.111– 137.
- 2.205.** Труворов А. Н. Отчёт о деятельности губернских учёных комиссий в 1890 г. // Русский архив. – 1891. – Кн.1.– С.583 – 606.
- 2.206.** Труворов А. Н. Отчёт о деятельности губернских учёных комиссий в 1891 г. // Русский архив. – 1893. – №2. – С.183–201.
- 2.207.** Уваров А. С. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // Журнал Министерства народного просвещения. – М. – 1868. – Ч. СXXXIX. – Июль. – Отд. 2 – С. 55 – 71.
- 2.208.** Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Арх. съезда в Москве. – М., 1871. Т. 2. – С. 643 – 847.
- 2.209.** Федосеева В. П. Зимин М.М. – костромской собиратель фольклора // Жизнь провинции как феномен духовности / Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 11 – 13 ноября 2010 г. – Н.-Новгород: из-во НГУ им. М.Л. Лобачевского, 2 011. 390 с.
- 2.210.** Флейман Е. А. Историческое краеведение в высшем учебном заведении: учебное пособие. – Кострома: КГТУ, 2001. 82 с.
- 2.211.** Флейман Е. А. Краеведение в Поволжье. – Кострома: изд-во КГТУ, 1995.
- 2.212.** Флейман Е. А. Краеведческая литература: опыт изучения регионов: монография. – Кострома: из-во КГТУ, 2007. 69 с.
- 2.213.** Флейман Е. А. Краеведческие организации в Костромской губернии в конце XIX – начале XX века : монография / Е. А. Флейман, А. Д. Шипилов. – Кострома : КГУ, 2010. 113 с.

- 2.214.** Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии// РА. 1993. № 3. С. 228 – 245.
- 2.215.** Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. – изд. 2-е. – М.: МГПИ, 1990. 247 с.
- 2.216.** Формозов А. А. Собиратели каменных орудий в России в середине XIX в. // Советская археология. – 1981. – № 3. – С. 98 – 99.
- 2.217.** Фосс М. Е. Итоги работ Галичской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН. – СПб. – 1949. – Вып. XXVI. – С. 58.
- 2.218.** Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Отд. 1. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей 1628 –1710 и 1722 – 1746 гг. – Кострома, 1895.
- 2.219.** Цыпанов Е. А. Энциклопедия. Коми язык. – М., 1998. – С. 518 – 519.
- 2.220.** Чернецова С. Б. К вопросу о типологической классификации культовых камней Верхней Волги (Ивановское, Костромское и Ярославское Поволжье)// Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2007. Вып. 7. Ч. 1. – С. 180.
- 2.221.** Чернецова С. Б. Опыт интерпретации преданий об аборигенах края в Верхнем Поволжье в связи с семантикой культовых камней // Великий Волжский путь: человек, пространство, время, документ: материалы конференции, – Ярославль, 2008. – С. 138 – 146.
- 2.222.** Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР. (Краткий очерк) /под. ред. Д. С. Бабурина. М., 1940. 268 с.
- 2.223.** Шарабарина С. Г. Переписка М. Я. Диева и И. М. Снегирёва как источник изучения межкультурных связей финно-угорских и славянских народов на территории Костромского края // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. Серия: Гуманитарные науки: Энтелехия. – Кострома: изд-во КГУ, 2010. – № 24. – С. 100 – 103.
- 2.224.** Шарабарина С. Г. Михаил Яковлевич Диев о финно-угорских элементах в культуре Костромского края // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2011. Вып. 11 (103). – С. 298 – 303.
- 2.225.** Шарабарина С. Г. Зооморфные образы в культуре финно-угорских народов Костромского края // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, 2012. № 1. – С. 11 – 16.
- 2.226.** Шарабарина С. Г. Межкультурное взаимодействие финно-угорских и славянских этносов на территории Костромского края // Актуальные проблемы переработки льна в современных условиях: Тезисы докладов международной научно-технической конф. «Лён – 2010». – Кострома: изд-во КГТУ, 2010. – С. 152.
- 2.227.** Шарабарина С. Г. Межкультурное взаимодействие финно-угорских и славянских этносов в контексте генезиса русской культуры // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений.– СПб: Эйдос, 2010. – С. 226.
- 2.228.** Шарабарина С. Г. Древний финно-угорский культ коня и его воплощение в быту и идеологии современного населения Верхнего Поволжья // Рябининские чтения – 2011: Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного

наследия Русского Севера (г. Петрозаводск, 12 – 17 сентября 2011 г.). – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 207 – 210.

2.229. Шарабарина С. Г. Религиозные представления финно-угорских народов Костромского края и их этнографическое воплощение // Финно-угорское пространство в туристском измерении: Материалы I международной научно-практической конференции (г. Саранск, 27–28 апреля 2011г.). – Саранск: НИИ Регионоведения, 2011. – С. 288 – 294.

2.230. Шарабарина С. Г. Изучение финно-угорской культуры Костромского Поволжья в трудах исследователей XVIII – первой половины XIX веков // Территория и население стран и континентов: история и современность: Материалы I международной научной конференции по исторической демографии и исторической географии (г. Сыктывкар, 11 – 14 мая 2011 г.). – Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2011. – С. 22 – 25.

2.231. Шарабарина С. Г. Финно-угорские основания в топонимике Вохомского края // Научные труды молодых учёных КГТУ. – Кострома: изд-во КГТУ, 2011. – № 12. – С. 3 – 7.

2.232. Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 г. – М., 1958. – С. 389 – 391.

2.233. Шипилов А. Д. Костромская губернская ученая архивная комиссия // Краеведческие записки: сб.ст.– Ярославль, 1986. – Вып. 4. – С. 51. – 52.

2.234. Шипилов А. Д. Областные историко-археологические съезды в России в начале XX века // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2010. – № 3. – С. 47 – 51.

2.235. Шипилов А. Д. Русская провинциальная историография XIX – начала XX века: костромская школа. – Кострома, 2007. 516 с.

2.236. Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Третий этнографический сборник: Труды КНОИМК. – Кострома: Губернская типография, 1923. – Вып. XXIX – С. 5 – 16.

2.237. Ширяев В. Описание Костромской губернии: Опыт географии губернии для городских училищ. – Кострома: Губернская типография, 1892. 31 с.

2.238. Ширяев В. Описание Костромской губернии: Опыт географии губернии для городских училищ. – Кострома: Губернская типография, 1909. 41 с.

2.239. Шмидт С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. – 1990. – Вып. 1. – С.11 – 27.

2.240. Шмидт С. О. Краеведение //Российская музейная энциклопедия. – М.: Из-во М-ва культуры РФ, 2001. Т. 1. – С. 297.

3. Иностранная литература

3.1. Castren M. A. Nordische Reise und Forschungen. Herausgegeben von A. Schiefner St.-Petersburg, 1853–1858, 1862. Bd. 1–12.

3.2. Evgene Helimski. A Mezeni nenets glossary and other linguistic data from Sjogren's papers //Lingvistica Uralica – Hamburg –2007. – № 3.

3.3. Sjögren A. J. Bericht über die wissenschaftliche Reise zur untersuchung der finnischen völkerschaften in Russland // Joh. Andreas Sjögren's Gesammelte Schriften. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. – St.-Petersburg, 1861. – Bd. 1. – S. 71–84.

3.4. Vasmer M. Beiträge zur historischen Volkerkunde Osteuropas. Merja und Tscheremissen. Berlin. 1935. – S. 507–594.

3.5. Weithmann M. W. Fenno-Ugrica in August Ludwig Schölzers «Allgemeiner Nordischer Geschichte» // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 1983. – S. 175–179.

4. Диссертации

4.1. Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860 – 1890-х годов : дис. ... д-ра. ист. наук – М., 1994. – 423 с.

4.2. Жукова Е. Н. Изучение археологических памятников в Тверской губернии во второй половине XIX – первой трети XX в.: дис... канд. ист. наук. – М., 2005. – 400 с.

4.3. Кириллова Л.В. Владимирская ученая архивная комиссия: создание, научная и просветительская деятельность (1808–1918 гг.): дисс...канд. ист.н.–Владимир, 2012.– 177.

4.4. Сизинцева Л. И. Музейная деятельность в Костромском крае. Становление и развитие. XIX–перв. треть XX.: дис ... канд. ист. наук – М., 1998. – 181 с.

4.5. Шипилов А. Д. Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII – начале XX вв.: дис... канд. ист. наук. – М., 1985. – 264 с.

5. Электронные ресурсы

5.1. Атлас Российской Империи 1792 года. Российской атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества Империю разделяющий. /А. Вильбрехт. – Санкт-Петербург: Географический департамент Кабинета Е.И.В., 1792 [Электронный ресурс]. – URL: <http://allday.ru/2008/11/17/atlas-rossijskojj-imperii-1792-goda.html>. (дата обращения: 10. 04. 2011).

5.2. Голан А. Миф и символ (избранное) [Электронный ресурс] // Великая богиня. [Сайт]. [2011]. – URL: <http://astrovic.ru/lib/golan.htm>

5.3. Любимов А. А. Народные праздники, поверья и предания сельских жителей Костромского Поволжья. Фольклорный сборник, 2000 [Электронный ресурс] – URL: [http:// vichuga-hronograph.narod.ru / Folk01 / Lubimov_text.htm](http://vichuga-hronograph.narod.ru / Folk01 / Lubimov_text.htm).

5.4. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ethnomuseum.ru/> – СПб., –2004.

5.5. Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы. 2010. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kominarod.ru/>.

5.6. Напольских В. Этническая история [Электронный ресурс]. – URL: <http://forum.molgen.org/>.

5.7. Общероссийское общественное движение Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: <http://www.afunrf.ru/docs/rezolyucziya-iv-sezda>.

5.8. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. Т. II. [Электронный ресурс] // Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897

года. – СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. [Сайт].[2010]. – URL: <http://www.demoscope.ru/>.

5.9. Сануков К. Финно-угорские народы России до 1917 года. Проблемы историографии. Доклад на международном конгрессе Historia Fenno-Ugrica II, Tallinn, октябрь 1998 [Электронный ресурс] // Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов. / Составитель М. Йокиппи. Ювяскюля: Атена, 1995. 405 с. – URL: <http://www.suri.ee/hist2/plen/Sanuk-rus.html>).

5.10. Спицын Александр Андреевич. Биография [Электронный ресурс] // Википедия. [Сайт]. [2011]. – URL: <http://ru.wikipedia.org/>.

5.11. Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для Историко-географического словаря Костромской губернии : с пред. Ан. Титова. М., 1909. [Электронный ресурс] // Кинешма [Сайт]. [2011]. – URL: <http://kineshma.msk.su/lib/slovar18.Shtml>

Рис. Карта расселения финно-угорских народов в XX в.⁴³³

⁴³³ Карта расселения финно-угорских народов в XX в. [Электронный ресурс] [сайт]. [2011] // URL: <http://erzianj-jurnal.livejournal.com/27656.html>.

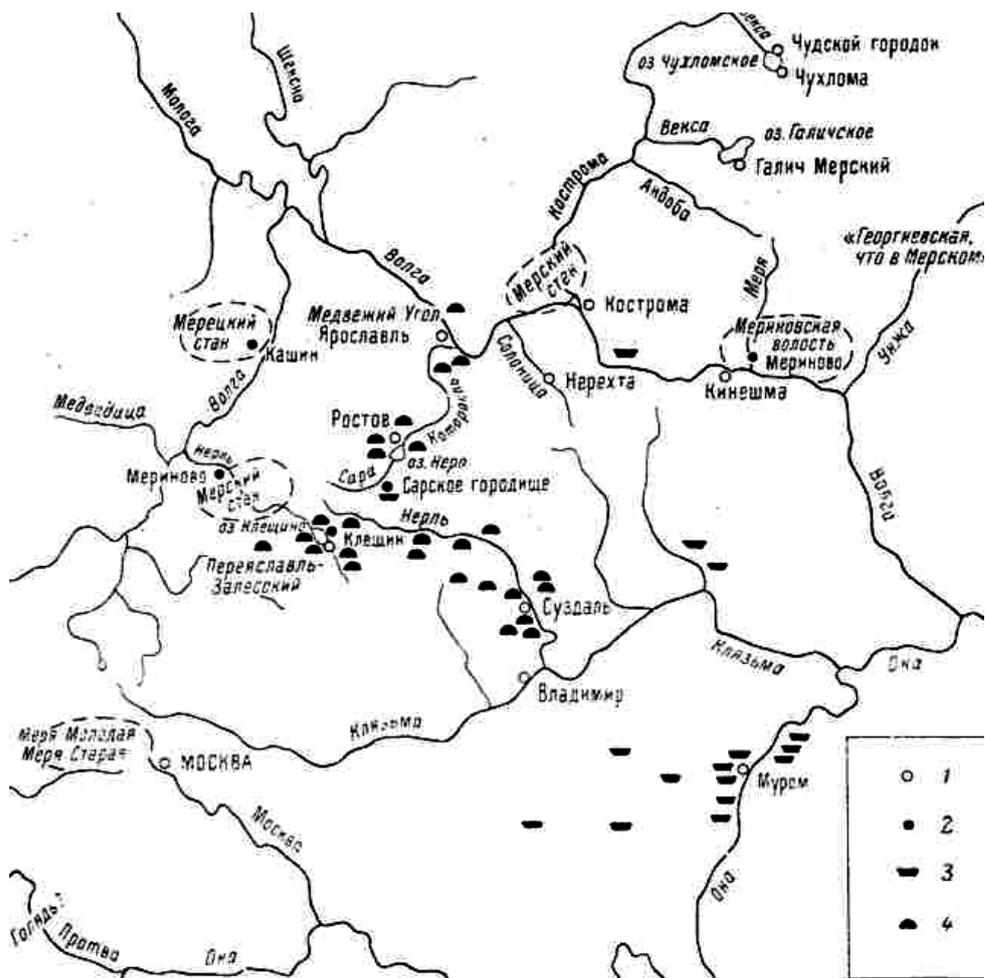

Рис. Восточная часть Волго-Окского междуречья в период Древней Руси. Местоположение мерских станов. 1 – населенные пункты; 2 – городища; 3 – могильники мерянских племен; 4 – русские курганные группы конца IX-X вв.⁴³⁴

⁴³⁴ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // Материалы и исследования по археологии. М.: Акад.наук СССР, 1961. Вып. 94. 285 с.

Приложение
№ 4

Рис. Подвеска шумящая .Бронза. XII –XIIIвв. Поповское городище.

Из коллекции ГУК КГАХМЗ

Рис. «Куриный бог» – амулет, вывешивавшийся в курятнике для предохранения куриц от мора и кикиморы. Костромская губ., Тверская губ.⁴³⁵

Приложение №5

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

Это участники областного историко-археологического съезда – провинциальные, столичные ученые, искусствоведы, историки, которые собрались в 1909 году в Костроме для обмена информацией, ознакомления с исследованиями в области исторической науки и археологических изысканий. В съезде принимали участие: проф. А.П.Голубцов, проф. Д.И.Иловайский, искусствовед В.К.Лукомский, проф. Н.В.Покровский, Ф.И.Успенский, историк С.Ф.Платонов и др.

⁴³⁵ Коллекция языческих оберегов музея РЭМ. СПб.